

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 15

ВОЙНА И МИР

ЧЕРНОВЫЕ РЕДАКЦИИ
И ВАРИАНТЫ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Весь Толстой в один клик

Лев Толстой

Полное собрание сочинений.

Том 15. Война и мир.

**Черновые редакции и
варианты. Часть третья**

«Библиотечный фонд»

1863-1869, 1873

Толстой Л. Н.

Полное собрание сочинений. Том 15. Война и мир. Черновые редакции и варианты. Часть третья / Л. Н. Толстой — «Библиотечный фонд», 1863-1869, 1873 — (Весь Толстой в один клик)

Содержание

Лев Николаевич	5
Предисловие к электронному изданию	6
ВОЙНА И МИР	9
ПРЕДИСЛОВИЕ	10
ВОЙНА И МИР ВАРИАНТЫ К ЧЕТВЕРТОМУ ТОМУ	11
I. ВАРИАНТЫ ИЗ ЧЕРНОВЫХ АВТОГРАФОВ И КОПИЙ	11
* № 252 (рук. № 96. Т. IV, ч. 1, гл. V).1	11
* № 253 (рук. № 96. Т. IV, ч. 1, гл. V, VI).9	12
* № 254 (рук. № 96. Т. IV, ч. 1, гл. VI – VIII).	14
* № 255 (рук. № 96, Т. IV, ч. 1, гл. IX—XII, и ч. 2, гл. XII).91	21
* № 256 (рук. № 96. Т. IV, ч. 1, гл. XII, XIII, и ч. 2, гл. XI– XII).109	24
* № 257 (рук. № 96. Т. IV, ч. 1, гл. XII).193	30
* № 258 (рук. № 96. Т. IV, ч. 1, гл. XII).201	31
* № 259 (рук. № 96. Т. IV, ч. 1, гл. XII, XIII).	32
* № 260 (рук. № 96. Т. IV, ч. I, гл. XII, XIII, ч. 2, гл. XII).248	36
* № 261 (рук. № 97. Т. IV, ч. 2, гл. XII).270	39
* № 262 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. I – III, VII, X).	40
* № 263 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. IV—X).300	42
* № 264 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. XI, XIII).322	44
* № 265 (рук. № 97. Т. IV, ч. 2, гл. XI, XIII).380	48
* № 266 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. XII—XIV).422	51
* № 267 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. XIV).445	54
* № 268 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. XIV).451	55
* № 269 (рук. 96. Т. IV, ч. 2, гл. XIV).473	56
* № 270 (рук. № 97. Т. IV, ч. 2, гл. XIII, XIV).485	56
* № 271 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. XV—XIX).499	60
* № 272 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. XIX, ч. 3, гл. III).	67
* № 273 (рук. № 96. Т. IV, ч. 3, гл. I).572	69
* № 274 (рук. № 96. Т. IV, ч. 3, гл. I, II).584	71
* № 275 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. XIX, и п. 3, гл. XVI, XVII, XVIII).	72
* № 276 (рук. № 96. Т. IV, ч. 3, гл. III—VII, XII–XIV).610	73
№ 277 (рук. № 97, Т. IV, ч. 3, гл. III—XI, XV).	78
Конец ознакомительного фрагмента.	87

**Лев Николаевич
Толстой**
**Полное собрание сочинений. Том 15. Война и мир.
Черновые редакции и варианты. Часть третья**

Государственное издательство
художественной литературы
Москва – 1955

Электронное издание осуществлено в рамках краудсорсингового проекта [«Весь Толстой
в один клик»](#)

Организаторы: [Государственный музей Л.Н. Толстого](#)
[Музей-усадьба «Ясная Поляна»](#)
[Компания АBBYY](#)

Подготовлено на основе электронной копии 15-го тома Полного собрания сочинений
Л.Н. Толстого, предоставленной [Российской государственной библиотекой](#)

Электронное издание 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого доступно на пор-
тале www.tolstoy.ru

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам info@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928—1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л.Н.Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и *координации* Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л.Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Л. Н. Т О Л С Т О Й

П О Л Н О Е С О Б Р А Н И Е С О Ч И Н Е Н И Й

**ИЗДАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕДАКЦИОННОЙ КОМИССИИ**

**СЕРИЯ ПЕРВАЯ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

Т О М

15

Перепечатка разрешается безвозмездно

ВОЙНА И МИР
ЧЕРНОВЫЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА Г. Н. ВОЛКОВОЙ И Н. С. РОДИОНОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

В томе 15 публикуется 113 рукописных вариантов к четвертому тому «Войны и мира». Из них 84 варианта печатаются по черновым автографам Л. Н. Толстого и по переработанным им копиям, 14 – по наборным рукописям и 15 – по корректурам. В разделе «Дополнения» напечатаны по автографам два варианта, относящиеся к первому тому «Войны и мира».

Всего в томах 13, 14 и 15 опубликовано 432 рукописных варианта.

Редакционные пояснения, касающиеся порядка публикуемого текста и правил его воспроизведения, остаются в данном томе те же, что и в предшествующем (см. т. 14, стр. 5—7).

ВОЙНА И МИР ВАРИАНТЫ К ЧЕТВЕРТОМУ ТОМУ

I. ВАРИАНТЫ ИЗ ЧЕРНОВЫХ АВТОГРАФОВ И КОПИЙ

* № 252 (рук. № 96. Т. IV, ч. 1, гл. V).¹

Губернаторша подошла к ним.

– А тут есть одна дама, которая тебя очень хочет видеть. Ведь ты позволил мне так называть тебя, Nicolas?

– О да, ma tante.² Кто же это?

– Это одна Малвинцева. Она рассказывала про твое геройство, как ты спас там где-то одну девицу.

– Вот как!

– Да, она³ здесь в Воронеже, с княжной Марьей Болконской. Ого! как покраснел. Что, или?..

– И не думал, полноте, ma tante.

– А знаешь, вот это бы тебе точно партия. Я тебя истинно люблю. Хочешь, я тебя живо сосватаю?

Губернаторша подводила его в это время к старушке. Это была тетка княжны Марьи, с которой княжна жила теперь в Воронеже.

– Я, ma tante, как следует солдату, ни от чего не отказываюсь, никуда не напрашиваюсь.

– Ну, помни же.

Они подошли к рябой старушке. Старушка, тетка княжны Марьи, стала благодарить Nicolas за спасение ее племянницы. Княжна Марья никуда не ездила. Она вся была в своем горе – потере отца, в заботах о племяннике.⁴

– О, это такой ангел! Надеюсь, вы посетите нас, граф?

Nicolas обещал, и, странное дело, он чувствовал, как он краснел, говоря о княжне Марье. Не то, чтобы он был влюблен в нее. Нельзя было быть влюблену в княжну Марью, но отчасти как будто совесть его мучала в чем-то по отношению к княжне Марье и отчасти что-то странное,⁵ не такое, какое было с другими, чувствовалось ему в его отношениях к княжне Марье.

– Потом что ужасно, – говорила старушка, – это то, что мы ничего не знаем о князе Андрее. Мы знали, что он был в Бородинском сражении. – Старушка вздохнула, – но что и как.

Nicolas ничего не мог сказать и обещал побывать и, стараясь избавиться от повторения благодарения и рассказа о том, как необыкновенно вел себя Nicolas при спасении княжны Марьи, он отошел от своей названной тетушки.

Маленькая губернаторша положила свою пухленькую ручку на рукав Nicolas и повела его в диванную, из которой бывшие тотчас же ушли, чтобы не мешать губернаторше.

– Нет, право, mon cher,⁶ – сказала губернаторша с серьезным выражением маленького доброго лица, – право, дай я тебе устрою это. Я уверена, твоя татап меня благодарить будет. Право, какая девушка – прелесть. И она совсем не так дурна.

¹ Автограф.

² [тетушка.]

³ Зачеркнуто: тетка Ма[лвинцева]

⁴ Зач.: И главное она

⁵ Зач.: не любовь, а связь неразрывного чувства.

⁶ мой друг,

- Совсем нет, – как бы обидевшись, сказал Nicolas.
- Да, да, – как бы сама с собой говоря, сказала губернаторша, – а вот что, mon cher, entre autre. Vous êtes trop assidu auprès de l'autre, la blonde.⁷ Муж уж жалок, право.
- Ах нет, мы с ним друзья, – в простоте душевной наивно сказал Nicolas.
- Нет, право, он похудел даже, – и губернаторша засмеялась старушечьим мелким смехом. – А вот княжна. Рок головы ищет, – прибавила она. – Для меня сделай это: поезжай, а я свое дело сделаю....⁸

Усталость ли от поездки нынешнего дня, мрачное и огорченное лицо мужа, которое теперь, после слов губернаторши, заметил Nicolas, или вообще усталость от всей этой губернской жизни, потерявшей теперь новизну, только вдруг Nicolas сделалось скучно и, когда он лег в постель, совсем не те мысли, которые он вызывал, шли ему в голову.

* № 253 (рук. № 96. Т. IV, ч. 1, гл. V, VI).⁹

¹⁰ – Вы знаете Софи? Мы были влюблены – то есть,¹¹ ну да, дело в том, что я, по правде,¹² я обещал жениться и женюсь на ней.¹³

– Mon cher, mon cher!¹⁴ Как же ты судишь. А твоя мама? Это убьет ее – раз. Потом Софи, ежели она девушка с сердцем, какая жизнь для нее будет – мать в отчаянии, дела расстроены, – нет, mon cher.

Nicolas молчал. Ему приятно было слышать эти доводы, но говорить нечего.

– Напиши ей.

– Нет, ma tante, я обещал, и¹⁵ это убить Софи. Ужасное положение!

– Ах, mon cher, mon cher.¹⁶ Как ты еще молод.

– Но что вы мне посоветуете?

– Ты женишься на княжне Марье, ежели Софи откажет тебе?

– Да еще¹⁷ пойдет ли за меня княжна Марья?

– Нет, ты женишься?

– Обещать не хочу, а....

– Ну, хорошо.

¹⁸ На¹⁹ следующий же день губернаторша, с тем особенным жаром, с которым бездетные добрые женщины увлекаются сватовством, занялась своим делом. Она написала письмо графине о своих планах и намерениях и в графинином письме вложила другое – Соне.

⁷ мой друг. Ты слишком ухаживаешь за той белокурою.

⁸ На полях: Княжна Марья, фонарь.

⁹ Автограф.

¹⁰ На полях конспект, развитый в дальнейшем тексте: Сватовство. Везде сводят. Nicolas возмущается и мирится с этим, как в Тильзите. Известие из Москвы. Хитрое письмо к Nicolas от Сони. Фаталистическое. Как женился по любви и несчастен. Он говорит княжне Марье, что не судьба – и дружбу. Княжна Марья счастлива и жертвой и признанием в любви. —

¹¹ Зачеркнуто: были и теперь то же самое. Но

¹² Зачеркнуто: вам сказать

¹³ Зач.: с радостью, но я знаю, что это убьет маман, и правда, что ежели дом и подмосковная не продадутся, наши дела совсем расстроились. И для Софи какая же жизнь будет – мать в отчаянии, в бедности. Но

¹⁴ – Дружок мой.

¹⁵ Зач.: <ее уби[ть]> жениться на другой

¹⁶ Зач.: Les mariages d'amour [браки по любви]. Это беда и подписана след. фраза.

¹⁷ Зач.: вопрос

¹⁸ Зач.: На другой день приехал курьер из Москвы и привез известие о ее оставлении. Известие это взволновало город, в особенности тех, которые имели дома и родных в Москве. Nicolas <в этот же день> с тем же курьером получил письмо от матери накануне отъезда, в котором она между прочим [писала] о том, что последняя надежда их рушилась, что дом и подмосковная остались не проданы и что теперь всё именье должно пойти за долги. Невольно, получив это известие, Nicolas

²⁰ В письме этом она,²¹ объясняя Соне положение Nicolas и всего его семейства, обращалась к ее великодушию. И на другой же день губернаторша съездила к княжне Марье и²² сделала такой план общественных увеселений, при котором Nicolas и княжна Марья каждый день должны были быть вместе.²³

В этот же день Nicolas, по обещанию своему, поехал к княжне Болконской. Княжна Марья сидела в низенькой гостиной за пядьцами. M-lle Bourienne и тетюшка сидели за круглым столом.²⁴ 7-летний Николушка сидел на скамеечке у ее ног.

Первое чувство, возбужденное в Николае княжной Марьей, было чувство жалости. Она, видимо, тщетно боролась с своим волнением и с желанием не показать его в то время, как ожидала входа гостя. Она опустила глаза, когда он вошел. И увы! Он должен был признаться, что она дурна. Но как только она взглянула на него своим глубоким, страдавшим взглядом, сознание это тотчас же исчезло. В лице ее, некрасивом, как некрасивы бывают транспаранты без освещения, был зажжен²⁵ огонь, и²⁶ огонь этот освещал и играл на всем, что окружало ее. Свет этот не был ярост и светел, но чувствовалось его сильное и прочное освещение.²⁷

Лицо княжны Марьи изменилось совершенно в ту минуту, как вошел Nicolas, не только на его глаза, но и на глаза B[ourienne] и M[альвинцевой]. В лице ее, в глазах (глаза были всё ее лицо) не было того ясного, невинного, простого света, который бывает у людей не страдавших, не думавших, не изучавших себя и потому довольных собою, той светлости, которая в высшей степени была в Nicolas; но в ней был глубокий свет, застилаемый внутренней, вечно недовольной собою работой.

Nicolas видел ее²⁸ некрасивою, но привлекательною, жалкою и значительною. Как только он увидал ее, он почувствовал, что как будто вступил в новый²⁹ и стройный и простой мир.

[Далее от слов: Разговор был самый простой и незначительный. Они говорили о Москве, невольно, как и все, <притворяясь> преувеличивая свою печаль об этом событии, кончая словами: и добродушно-весело стал целовать мальчика *близко к печатному тексту*. Т. IV, ч. 1, гл. VI.]

— Славный, славный, княжна.

Когда Nicolas уходил и целовал [ее руку], княжна³⁰ поразила Nicolas своим важным и холодным тоном. Она спасалась от обхватившей³¹ ее души радости в этом холодном тоне.

³² Nicolas и княжна Марья почти каждый день бывали вместе, и, очевидно для всех, их умышленно оставляли наедине.

вспомнил о разговоре накануне с губернаторшей. Вместо зач. вписан следующий абзац.

¹⁹ Зач.: другой

²⁰ Зач.: Соне она писала

²¹ Зач.: говорила, что

²² Зач.: уст[роила]

²³ На полях конспект: <Неделя жизни. Фонарь. Неделя сватовства. Письмо Сони о князе Андрее и Наташе и объяснение <и от>. Приезд княжны Марьи. Смерть князя Андрея.>

²⁴ Зачеркнуто: Маленький и вписано след. слово.

²⁵ Зач.: <яркий ясный свет> и <свет>

²⁶ Зач.: свет

²⁷ Зач.: Княжна Марья всё носила

²⁸ Зач.: краси[вою]

²⁹ Зач.: теплый

³⁰ Зач.: приняла

³¹ В рукописи: обхватившего

³² Зач.: Губернаторша не медлила и на др[угой]

В первое время это³³ возмущало Nicolas. Бессознательно он чувствовал, что тут что-то нехорошо, но потом вдруг он рассердился на себя и на всех и, как в Тильзите, не позволил себе усумниться в том, хорошо ли то, что признано всеми хорошим, точно так же и здесь не позволил себе мудровать, а предоставил себя той власти, которая его, он чувствовал, непреодолимо влекла куда-то. Он знал, что, обещав Соне, сделать предложение княжне Марье – есть то, что он называл подлость. И он знал, что подлости он никогда не сделает.

Но он знал тоже, не знал, а в глубине души чувствовал, что как-то сделается то, что он без подлости женится на княжне Марье и что бороться против этого напрасно.³⁴

* № 254 (рук. № 96. Т. IV, ч. 1, гл. VI – VIII).

³⁵ Николай чувствовал, то³⁶ его сватают и женят и, вспоминая свое прежнее презрение к бракам, составляемым таким образом, свои насмешки над³⁷ теми, которые поддавались свхам, он удивлялся самому себе, он не противодействовал тому, что с ним делали. Как в Тильзите, он не позволил себе усумниться в том, хорошо ли то, что признано всеми хорошим, точно так же и³⁸ теперь он после короткой, но искренней борьбы между³⁹ попыткой устроить свою жизнь по своему разуму и смиренным подчинением обычному и принятому всеми людьми, он выбрал последнее и предоставил себя той власти, которая его, он это чувствовал, непреодолимо влекла куда-то. Он знал, что, обещав Соне, – сделать предложение княжне Марье – есть то, что он называл подлость. И он знал, что подлости он никогда не сделает. И он знал,⁴⁰ и не то, что знал, а в глубине души чувствовал,⁴¹ что, отдаваясь теперь во власть обстоятельств, людей, руководивших им, он не только не делает ничего дурного, но делает что-то очень, очень⁴² важное – такое важное, чего он еще никогда не делал в жизни.

В отношениях его с княжной Марьей ему постоянно чувствовалось что-то совершенно особенное от всех прежних отношений с другими женщинами. И особенность эта заключалась в каком-то грозном, таинственном и привлекательном ужасе, который он испытывал в ее присутствии. Образ жизни его в Воронеже и во время поездок его на заводы был такой же, как и прежде: он ухаживал за хорошенькими дамами, танцевал необыкновенным губернским образом,⁴³ с значительной улыбкой беседовал с хорошенькими барышнями и совсем или очень редко думал о княжне Марье. Даже ежели и когда он думал о ней, он никогда не думал так, как он без исключения думал о всех барышнях, встречавшихся ему в свете, не так, как он долго

³³ *Зачеркнуто:* волн[овало]

³⁴ *Зач.:* Целая неделя прошла таким образом. Губернаторша не говорила более с Nicolas о занимавшем их деле. Она ждала ответа на письмо, которое она написала Соне. В письме этом она, объясняя Соне положение Nicolas, всего семейства и выгоды брака с княжной Болконской, обращалась к ее великодушию. В конце недели с 2-м курьером пришел ответ. Соня писала, что она понимает всю его жертву и что она никогда не примет ее и просит его жениться и быть счастливым. С этим же курьером Nicolas получил письмо от матери, в котором описывались отъезд из Москвы, свиданье Наташи с князем Андреем и возобновление прежних отношений. В присутствии губернаторши прочтя письмо, Nicolas решил ехать к княжне Марье и объявить ей о ране князя Андрея и о том, где он находился. *На полях:* Княжна Марья растрогана раной князя Андрея, искренно рада его возвращению к Наташе и счастлива жертвой.

³⁵ *Начало – копия конца предыдущего варианта. Зач.:* Бессознательно он и *надписано рукой Толстого:* Николай

³⁶ *Зач.:* тут что-то нехорошо, но потом вдруг он рассердился на себя и на всех и *и надписан рукой Толстого весь конец фразы.*

³⁷ *Зач.:* свхаами

³⁸ *Зач.:* здесь не позволил себе мудровать, а предоставил *и вписан рукой Толстого дальнейший текст, кончая:* последнее и предоставил

³⁹ *Зач.:* желанием

⁴⁰ *Зач.:* тоже и *вписаны рукой Толстого след. четыре слова.*

⁴¹ *Зачеркнуто:* <что> как<-то все-таки> сделается то, что он без подлости женится на княжне Марье и что бороться против этого напрасно. *Далее автограф до конца варианта.*

⁴² *Зач.:* серьезное и

⁴³ *Зач.:* ухаживал

и когда-то с восторгом думал о Соне. О всех барышнях, как и почти всякий честный молодой человек, он думал, как о будущей жене, примеривая в своем воображении к ним все условия супружеской жизни: белый капот, жена за самоваром, женина карета, ребятишки, тапан и рара, их отношение с ней и т. д. и т. д. Но когда он думал о княжне Марье, на которой его сватали, он никогда не мог ничего представить из будущей супружеской жизни. Ежели он и пытался, то всё выходило нескладно и фальшиво. Он только думал о ней, о ее свойствах, наклонностях, обдумывал и вспоминал ее выражения и, с несвойственной ему проницательностью, делал общие, всегда самые лучшие, выводы о ее характере. В ее присутствии Nicolas тоже испытывал совершенно особенное чувство. С другими дамами и девицами, которые занимали его, он часто сам с собою наедине придумывал то, что он скажет с тою или другою дамою, когда увидится с ней: так с блондинкой он говорил ей те самые мифологические комплименты, которые он говорил другим прежде и не для нее приготовил, но с княжной Марьей было совсем другое. Что бы он ни думал о ней, ни приготавливался ей сказать – как только он был с нею, он не мог говорить того, что хотел, а говорил и делал то, что хотел кто-то другой. И всё это делалось и говорилось в ее присутствии как-то нечаянно, как будто помимо его воли. И всегда что-то не именно тяжелое, но трудное – не игрушечное – было в их свиданиях.

Княжна Марья испытывала то же самое в отношении Nicolas. Также она никогда не мечтала о нем, также она при нем подчинялась какой-то невидимой силе, которая руководила ею, и также она до подробностей изучала его и не в том смысле, хорошо ли он танцует, не играет ли он в карты и нет ли у него долгов, постится ли он и ходит ли к обедне, а в изучении его задавала себе относительно его самые странные – общие вопросы. Она по словам и выражениям его добиралась, есть ли у него снисходительность к слабостям других, есть ли привязанность к месту, есть ли любовь к детям (эту последнюю она нашла в нем), как будто ей нужно было знать всё это.

(Новая глава)

Письмо губернаторши к графине и Соне было получено Ростовыми в Москве в последних числах августа.⁴⁴ Графиня, несмотря на суету и волнение, в которых находились в то время все московские жители, отвечала тогда же и губернаторше, изъявляя полное сочувствие ее планам, и писала Николаю, описывая ему теперь уже определившееся, верное разорение всего семейства по случаю невозможности продать дом и подмосковную и ни слова не говоря о княжне Марье. Она знала его⁴⁵ еще отроческую привычку всегда, как будто выказывая свою возмужалость, не слушаться ее советов.

⁴⁶Получив письмо из Воронежа от почти неизвестной ей особы, Соня быстро пробежала его глазами до подписи, вспомнила имя губернаторши и опять с радостной тревогой, – не читая, пробежала глазами мелкие французские строки, в которых встречались слова: Nicolas и votre cousin.⁴⁷ Ей представилось, что какое-то неожиданное большое счастье⁴⁸ объявляется этим письмом. Но, начав читать то ласковое, льстивое вступление, которое губернаторша препосылала своему предложению: *connaissant votre générosité et la noblesse de votre coeur*,⁴⁹ Соня опять просмотрела вперед, увидела слова: *la charmante princesse Marie Bolkonsky*,⁵⁰ Соня вдруг багрово покраснела и зарыдала. Она всё поняла. И, читая⁵¹ письмо от слова до слова, она находила уже в нем всё знакомое. Вмешательство постороннего человека, подтверждение этим

⁴⁴ *Зачеркнуто:* в то время, когда Москва

⁴⁵ *Зач.:* характер

⁴⁶ *Зач.:* Получив <Прочтя свое> письмо, Соня

⁴⁷ [Николай и ваш двоюродный брат.]

⁴⁸ *Зач.:* ожидает

⁴⁹ [зная ваше великодушие и благородство вашего сердца.]

⁵⁰ [прелестная княжна Марья Болконская,]

⁵¹ *Зач.:* подробности]

посторонним человеком того же, что говорила до сих пор одна графиня, и оскорбило Соню, и убедило ее, что они были правы, а она была неправа. Надо было пожертвовать собой для счастья его и для счастья всей семьи, которая вскормила и воспитала ее. Жертвовать собой для счастья других было привычкой Сони. Ее положение в доме было таково, что только на пути жертвования она могла выказывать свои достоинства и она привыкла и любила жертвовать собой. Но прежде во всех действиях самопожертвования она с радостью сознавала, что она, жертвуя собой, этим самым возвышает свою цену в глазах себя и других и становится более достойной Nicolas, которого она любила больше всего в жизни. Но теперь жертва ее должна была состоять в том, чтобы отказаться от того, что для нее составляло всю награду жертвы, весь смысл жизни. И этого она не могла. И в первый раз в жизни она почувствовала <досаду, злобу ко всем, в особенности> к этой, вмешивающейся не в свое дело чужой женщине, почувствовала горечь к тем людям, которые облагодетельствовали ее для того, чтобы больнее замучить, почувствовала зависть к Наташе, никогда не испытывавшей ничего подобного, никогда не нуждавшейся в жертвах и заставлявшей других жертвовать себе и все-таки всеми любимой. И в первый раз почувствовала, как из ее тихой,⁵² чистой любви к Nicolas вдруг начинало вырастать страстное чувство, которое стояло выше и правил, и добродетели, и религии. Под влиянием этих чувств Соня перестала плакать, и, невольно выученная своей зависимой жизнью скрытности, она на вопрос графини, от кого было письмо, сказала, что оно было от ее дяди. Соня решилась не отвечать ничего и ждать свидания с Nicolas, в котором она решилась не освободить, но, напротив, навсегда связать себя с ним.

Хлопоты и ужас последних дней в Москве заглушили в Соне тяготившие ее мрачные и сухие мысли. Она рада была находить спасение от них в практической деятельности. Но когда она узнала о присутствии в их доме князя Андрея, несмотря на всю искреннюю жалость, которую она испытала к нему и к Наташе, радостное и суеверное чувство того, что бог не хочет⁵³ того, чтобы она была разлучена с Nicolas, охватило ее. Она знала, что Наташа любила одного князя Андрея и не переставала любить его. Она знала, что теперь, сведенные вместе в таких страшных условиях, они снова полюбят друг друга и что тогда Nicolas нельзя будет жениться на княжне Марье. Несмотря на весь ужас всего происходившего в последние дни и во время первых дней путешествия, это чувство радости и сознание вмешательства providения в дела ее, преобладало в Соне и странно поражало иногда чуткую Наташу.

В Троицкой Лавре Ростовы сделали первый привал на своем путешествии.⁵⁴ В этот день князю Андрею было гораздо лучше и между им [и] Наташей было объяснение, вследствие которого Наташа объявила отцу и матери, что она невеста князя Андрея,⁵⁵ и просила, чтоб их образовали. Монах прочел им молитву и сказал короткое слово над постелью, на которой лежал князь Андрей, заставил их поцеловаться и, пожелав исцеления от недугов телесных и душевных, благословив их, ушел.

Из Троицы граф и графиня писали [*1 неразобр.*] сыну, объявляя ему о всем том, что случилось со времени их отъезда из Москвы, и Наташа, по уходе монаха, под диктовку князя Андрея, писала княжне Марье, уведомляя ее о своем положении и приглашая ее вместе с Никулушкой переехать в Ярославль, где они могли быть все вместе.

На гостинице Лавры, в больших комнатах, отведенных настоятелем своим давнишним посетителям и вкладчикам Ростовым, в этот день происходила смешанная – тревожная, горестная и радостная, трогательная суматоха.⁵⁶ Соня с Наташей после обеда, когда князь Андрей

⁵² Зачеркнуто: лелеянной [?]

⁵³ Зач.: разру[шить]

⁵⁴ Зач.: <Граф на> Во вре[мя]

⁵⁵ Зач.: что он отказывается от этого только потому, что боится умереть, но что она, Наташа, без этого

⁵⁶ Зачеркнуто: Монахи выходили

задремал, пошли служить молебен угоднику и обе одинаково усердно благодарили за одно я то же и молились об одном и том же: о сохранении жизни князя Андрея. Возвращаясь из⁵⁷ собора, Наташа, робкая и умиленно счастливая, шла подле Сони.

– Соня! Да, он будет жив? – сказала Наташа. – Соня! Как я счастлива и как я несчастна. Соня, голубчик! – и Наташа расплакалась.

⁵⁸ Вернувшись⁵⁹ на гостиницу, Наташа, узнав, что князь Андрей проснулся, взглянула в зеркало, не видя себя, но только для того, чтобы узнать, не красны ли ее глаза.

– Пойдем вместе к нему, Соня, – сказала она, – он любит тебя. Они вошли к князю Андрею, к жениху, который высоко лежал на подушках,⁶⁰ покрытый синим одеялом. Лицо его было строго и недовольно, когда барышни вошли в комнату. Увидав их, он поспешно и притворно изменил выражение своего лица.

– А, вы были у угодника? – сказал он. – Я рад, что вы были.⁶¹

Наташа взяла его за руку и села подле него.

– Ах! – вдруг почти вскрикнула Соня.

И князь Андрей и Наташа оглянулись на нее.

– Что ты? – спросила Наташа.

Соня взволнованно покраснела.

– Знаешь, что я вспомнила, Наташа? Я вспомнила наше гаданье на святках, помнишь, когда мы ездили к Мелюковым.

– Ах да, ты в зеркало смотрела, ты видела *его*? – сказала Наташа, широко раскрывая глаза. Но⁶² в ту же секунду Наташа как будто вспомнила, что теперь она не может отдаваться одним своим чувствам. Даже в мелочи она не смела теперь удивляться, радоваться или волноваться, не узнав прежде,⁶³ как ее господин и обладатель смотрит на это. Она вдруг остановилась в выражении своего удивления и на князя Андрея посмотрела вопросительно и искательно, как умная собака смотрит на хозяина.

– Вы, может быть, не верите этому, князь? – сказала Соня, обращаясь к князю Андрею, заметив⁶⁴ взгляд Наташи, – но это необыкновенно. Я видела, видела в зеркало вот это самое. Я видела, что вы лежите, покрыты чем-то синим и подле вас сидит Наташа, – рассказывала Соня то, что она тогда придумала, глядя в зеркало, и то, что потом, отпечатавшись в ее воспоминании,⁶⁵ представлялось ей столь же действительным, как и всякое воспоминание, основанием которого была не выдумка, но действительность. Она только прибавила теперь, что синим был покрыт князь Андрей, и прибавка эта не поразила Наташу, напротив, ей именно поразительным казалось то, что еще тогда Соня сказала, что князь Андрей был покрыт чем-то синим.

Когда Соня и Наташа рассказали подробно, как это всё было, Соня еще раз обратилась к князю Андрею с вопросом, верит ли он в это. Наташа не спрашивала, она знала по выражению лица своего⁶⁶ хозяина, что он скажет, что верит, но что в этих словах будет другое значение, значение, которое она чувствует, но не понимает. Действительно, князь Андрей так и отвечал, как она предполагала.

⁵⁷ Зач.: церкви

⁵⁸ Зач.: Соня была умилена и размягчена всем. Когда она

⁵⁹ Зач.: домой

⁶⁰ Зач.: Лицо его

⁶¹ Зач.: Послали княжне Марье письмо, да

⁶² Зач.: тот[час]

⁶³ Зачеркнуто: как хочет

⁶⁴ Зач.: вопроси[тельный]

⁶⁵ Зач.: было также

⁶⁶ Зач.: пов[елителя]

– Отчего же вы думаете, что я не поверю? Нет, я теперь во всё верю после того, что она (он взглянул на Наташу) сделала со мной, захотела связать себя с у..... Я во всё верю, – прибавил он, пожав руку Наташи.

– Что ж, послали письмо сестре? – сказал он, естественным путем мысли наведенный на воспоминание о том, что в этом письме он писал, чему не верил, что его рана идет очень хорошо.

– Нынче вечером пошлют, – сказала Соня и, желая уйти, чтобы оставить их одних, вспомнив, что ей самой надо было написать письмо, вышла из комнаты. Соня была⁶⁷ размягчена и взволнована всем, что происходило в этот день, в особенности тем таинственным совершением гадания, которое она сейчас видела, и ей чувствовалась потребность личного умиления. Она вспомнила о письме губернаторши и сейчас решила отвечать на него. Теперь, когда она знала, что по случаю возобновления помолвки Наташи с князем Андреем Nicolas не мог жениться на княжне Марье, она с радостью почувствовала возвращение того настроения, полного и трогательного настроения самопожертвования, в котором она привыкла и любила жить. Она знала, что теперь ей не нужно отказывать Nicolas, потому что его женитьба на княжне Марье невозможна, но она ни разу не подумала об этом и со слезами на глазах и с радостью сознания совершения великодушного поступка она, несколько раз прерываясь от слез, которые отуманивали ее бархатно черные глаза, она написала одно трогательное французское письмо губернаторше, <другое такое же Nicolas>.

(Новая глава)

Страшные известия о Бородинском сражении, о наших потерях убитыми и ранеными родных и знакомых и, наконец, известие о потере Москвы были получены в Воронеже в начале сентября. Княжна Марья, узнав из газет о ране брата, была в горести, близкой к отчаянию, и собиралась ехать отыскивать его, как слышал Николай от губернаторши. Сам Nicolas⁶⁸ не видал в последнюю неделю княжну Марью, и мысли его были⁶⁹ далеки от этого затеянного сватовства.

Получив первое письмо от матери с известием об окончательном разорении по случаю непродачи дома и подмосковной и об оставлении Москвы, он не то чтобы испытывал отчаяние, злобу или месть к врагам и т. п., но ему стало всё скучно, досадно в Воронеже и всё как-то совестно и неловко. Он почти грубо отвечал на заискивания губернаторши о сватовстве, торопился окончанием покупок и часто несправедливо приходил в горячность с своим слугой и вахмистром. 9 сентября,⁷⁰ накануне дня, в который он собирался ехать, курьер из армии привез ему в Воронеж письма Ростовых.⁷¹

Получив письмо отца и матери, писанное в Лавре, в котором описывался отъезд из Москвы, странная случайность,⁷² приведшая раненого князя Андрея в их дом, и примирение и⁷³ образование Наташи с князем Андреем в Троице, Nicolas в ту же минуту поехал с этим письмом к княжне Марье.

В письме два раза повторялись, что по мнению доктора рана не так опасна. Кроме того, ежели произошло обручение, то надо было предполагать, что рана была незначительна.

⁶⁷ *Зач.*: умилена

⁶⁸ *Зачеркнуто*: окончив свою покупку лошадей, собирался уех[ать]

⁶⁹ *Зач.*: соверш[енно]

⁷⁰ *Зач.*: он собрался ехать и делал прощальные визиты

⁷¹ *Зач.*: (Новая глава) Приезд курьера во всю эту осень 1812 года был событие; но приезд курьера 8 сентября был для всех воронежских жителей событием необычайным. Курьер этот привез известие о убитых и раненых в Бородинском сражении и известие об оставлении Москвы и оставлении неприятелем <Получив письмо Сони, губернаторша, уже давно покушавшаяся это сделать, тотчас поехала к княжне Марье и сделала ей предложение от имени> *На полях*: <Письмо Сони, написанное из Троицы. Отношения Nicolas к княжне Марье, что-то грозное и ужасное. Он никогда не думает и не мечтает о ней и в ее присутствии (и она также) его охватывает власть чья-то.>

⁷² *Зач.*: сведшая

⁷³ *Зач.*: новое

Nicolas был очень счастлив получением этого письма. Он радовался за счастье Наташи, радовался за княжну Марью, которая, как он слышал, считала рану своего брата смертельной, радовался за то, что он объявит ей это и что между ним и ею уничтожатся эти неприятные, натянутые, произведенные сватовством – отношения.

Nicolas ехал к княжне Марье с убеждением, что он первый привезет ей известие о ее брате. Но с тем же курьером, с которым Nicolas получил свое письмо, княжна Марья получила из Троицы же письмо от брата, который писал ей⁷⁴ о том, что рана его не опасна, о том, с кем и где он находился, но ни слова не писал о возобновлении прежних отношений с Наташей (он просил Наташу отложить это до приезда сестры).

С этим же курьером губернаторша получила свое письмо от Сони и, как ни чувствовала добрая старушка несвоевременность сватовства в такое время, соображая то, что Nicolas завтра уедет и для нее навсегда исчезнет возможность принять участие в этом, составлявшем главную радость ее жизни, особенно в этом случае, она поехала к княжне Марье и, сначала приняв участие в ее радости о хороших известиях о брате, сделала ей формальное предложение от имени Ростова.

Княжна Марья побледнела, как полотно, и, широко раскрыв глаза, долго молча смотрела на губернаторшу, потом вдруг зарыдала и⁷⁵ хотела уйти от нее.

– Не говорите мне про это! Никогда не говорите, – рыдая проговорила княжна Марья удерживавшей ее губернаторше. – Я не могу, не могу думать о себе теперь. Не могу, не могу, я чувствую, что я дурная женщина. Ах, не говорите мне, не говорите ему, – и княжна Марья убежала от губернаторши.

Когда ей доложили, что приехал Nicolas, княжна Марья тотчас же с сухими, злобно блестящими глазами и красным лицом вышла к нему. Ее возмущала мысль о том, что он, которого она любила, мог быть так груб, так неделикатен, чтобы в такое для нее время говорить ей о замужестве. До сих пор ни разу не приходившая ей страшная мысль в отношении Nicolas, мысль о его корыстолюбии, о желании его, не любя, жениться на ней, на богатой невесте, теперь пришла ей, и она поверила ей. С выражением холодного презрения и гордости она, ступая твердо на свои мягкие пятки, вышла к Nicolas, близко подошла к нему, не приглашая его садиться и не⁷⁶ подавая ему руки.

– Что вам угодит... – начала она, еще не видя его своими близорукими глазами. Но вдруг она увидела его лицо и остановилась. Лицо его, добродушно ласковое и дружески нежное и тихое, поразило ее.

Nicolas, как и всегда в присутствии княжны, почувствовал себя во власти той силы, которая управляла им, и вместо того, что он приготовился сказать ей, он сказал совсем другое.

– *Princesse*, – сказал он, – *je vous apporte de bonnes nouvelles. Autrement je n'aurais pas osé. Voilà.*⁷⁷ – Он достал письмо. – Мои пишут мне.

– Мой брат с ними, ему лучше.

– Как я рад, и они с Наташей опять жених с невестой.

Княжна Марья захлипала, пошатнулась и, рыдая, упала на руки Nicolas.

– *Mon cher ami, mon cher,*⁷⁸ – говорила она. – Как я виновата перед вами, как я счастлива, как я люблю вас. *Oh, comme je vous aime, quel excellent homme vous êtes. Comme je suis*

⁷⁴ Зачеркнуто: где и с кем

⁷⁵ Зач.: убежала и вписаны след. два слова.

⁷⁶ Зач.: пред[лагая]

⁷⁷ [– Княжна, я привез вам хорошие известия. Иначе я не осмелился бы. Вот.]

⁷⁸ [– Милый мой друг, милый мой,]

heureuse,⁷⁹ – говорила она, и⁸⁰ лучистые глаза ее сияли восторженным счастьем. – Est ce vrai?⁸¹ Она взяла письмо, которое ей подал Nicolas, отерла слезы и стала читать. Nicolas сидел подле нее и сам не знал, отчего у него слезы стояли в горле.

Читая, княжна Марья (руководимая тоже той властью, управлявшей ее волей в присутствии Nicolas) отрывалась от письма, пожимала руку Nicolas и говорила: merci, merci, mon cher Nicolas, comme je suis heureuse.⁸²

– Oui,⁸³ Princesse, – сказал Nicolas, отвечая на то слово Nicolas, к[оторого] она, сказав, тотчас же испугалась, – à présent nous sommes frère et soeur et j'ai le droit de vous appeler Marie, de vous protéger, de vous aimer, chère Marie. Ce que je fais depuis longtemps,⁸⁴ – велел кто-то прибавить Николаю.

Они несколько раз перечли письмо, обсуживали вместе значение каждого слова по отношению к опасности или неопасности положения князя Андрея. Они вместе обдумывали планы отъезда княжны Марьи в Ярославль.

Мальвинцевой и M-lle Bourienne, которые скоро вошли в комнату, сообщили всё, что было в письме, и Nicolas остался обедать и, испытывая радость интимных, родственных отношений с милым по сердцу человеком и отсутствие стеснения, которое он испытывал прежде в присутствии княжны Марьи, провел у нее остальную часть дня. Перед отъездом его вечером княжна удержала его и отозвала в темную залу.

– Отчего же вы не спросите меня, – сказала она, чувствуя жар в лице, – отчего я была так странна и говорила такие странные вещи, когда вы только вошли с письмом?⁸⁵

– Я не знаю. Я думал так, вы взволнованы, – сказал Nicolas.

– Нет. Настасья Павловна (губернаторша) была у меня утром, и она сделала мне от вас предложение. Я не могу сказать, как это меня взволновало, рассердило.

– О, это ужасная Настасья Павловна, – сказал Nicolas. – Но я рад, что это теперь не будет мешать нашей дружбе.

– Но это правда? – сказала княжна Марья после молчания.

– Oui, chère Marie, je vous ai aimé du moment que je vous ai vu. Mais il y a un obstacle et je suis heureux de ce que cela c'est arrangé comme cela est. Tant mieux, tant mieux...⁸⁶

– Adieu, Nicolas,⁸⁷ – только сказала княжна Марья, протянув руку, но она была так счастлива сказать эти слова.

– Adieu, chère Marie, au revoir à la noce de Nathalie,⁸⁸ – и, поцеловав ее руку, он ушел.

На другой день, делая прощальные визиты, Nicolas попрекнул губернаторшу за то, что она наделала с княжной Марьей, и за то, что она не сдержала слова.

– Нет, mon cher,⁸⁹ вот письмо от Софи, – сказала губернаторша, и не только показала письмо, но и растолковала Nicolas ту хитрость (которую губернаторша считала умышленною) и

⁷⁹ [Как я вас люблю, какой вы прекрасный человек. И как я счастлива,]

⁸⁰ *Зачеркнуто:* лицо и вписаны след. два слова.

⁸¹ [– Правда ли это?]

⁸² [благодарю вас, благодарю вас, милый Николай, как я счастлива.]

⁸³ *Зач.:* Mar[ie]

⁸⁴ [– Да, княжна, мы теперь – брат и сестра, и я по праву могу называть вас Мари, заботиться о вас и любить вас, милая Мари. И я уж давно вас люблю,]

⁸⁵ *На полях:* Nicolas спрашивал.

⁸⁶ [– Да, милая Мари, я полюбил вас с той минуты, как в первый раз увидел. Но есть одно препятствие, и я счастлив, что всё случилось именно так. Тем лучше, тем лучше...]

⁸⁷ [– Прощайте, Николай,]

⁸⁸ [– Прощайте, милая Мари, и до свидания на свадьбе Наташи,]

⁸⁹ [милый мой,]

которую Nicolas не заметил бы, с которой Соня⁹⁰ разрешала Nicolas жениться на княжне Марье тогда, когда уже этого нельзя было сделать.

– Нет, полноте, ma tante, она добрая и славная, – сказал Nicolas, так же, как и его отец, словами: «славный, славный» разрешая затруднение.

– Ну все-таки, mon cher, ты теперь свободен: не на ней, то другая. Ну прощай, Христос с тобой. Я тебя от души полюбила.

На другой день Nicolas выехал из Воронежа и вернулся к своему полку уже в Тарутинском лагере.

*** № 255 (рук. № 96, Т. IV, ч. 1, гл. IX—XII, и ч. 2, гл. XII).⁹¹**

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

(Новая глава)

Прошло⁹² четыре недели с тех пор, как Пьер был в плену. Он знал, что Москва вся сгорела и разграблена,⁹³ он слышал по разговорам присоединяемых пленных и французских карательных солдат, что положение французов нехорошо, но общий ход дел не интересовал и не радовал его. В эти⁹⁴ четыре недели плена, лишений, унижений, страданий и главное – страха Пьер пережил больше, чем во всю свою жизнь.⁹⁵

В разоренной и сожженной Москве, в дурную и холодную погоду, начавшуюся в сентябре,⁹⁶ он испытал почти крайние пределы физических лишений и страданий и ужасов, которые может переносить человек. Но, благодаря своему сильному сложению и здоровью, <которого он не знал до сих пор,⁹⁷ он переносил все эти страдания лучше многих из своих товарищей по плену>. И эти-то страдания и в особенности тот ужас смерти, который он испытал в плену, и заставили его в это короткое время пережить столь многое⁹⁸ и дали ему то спокойствие и довольство собой, к которым он тщетно стремился прежде.

Он долго⁹⁹ в своей жизни искал с разных сторон этого успокоения, согласия с самим собою, того, что так поразило его в солдатах в Бородинском сражении, он искал этого в филантропии, в масонстве, в рассеянии светской жизни, в вине, в геройском подвиге самопожертвования, он искал этого путем мысли и все эти искания и попытки обманули его. И он, сам не думая о том, получил это успокоение и это согласие с самим собою только через страдания физические и нравственные, через ужасные полчаса, которые он провел с мнимыми поджигателями на Девичьем поле.

Вот как это было.

В первый день офицер и солдаты, взявшие Пьера, обращались с ним на гауптвахте сомнительно, почтительно и враждебно. Еще чувствовалось в их отношениях к нему и сомнение

⁹⁰ Зачеркнуто: отпу[скала]

⁹¹ Автограф на полях зачеркнутой копии первоначального черновика конца романа (см. т. 14, вар. № 183).

⁹² Зачеркнуто: две

⁹³ Зач.: видел

⁹⁴ Зач.: две

⁹⁵ Зач.: <С тем свойственным ему безумием> Он с безрассудным упрямством <поддерживал при всех допросах, которые ему делали> <продолжал говорить, что он не скажет, кто он такой, и вследствие этого положение его в плену> на первом допросе, который ему делали, продолжал говорить, отрекаясь от всякого намерения поджигательства. Так как он не хотел сказать, кто он такой, он содержался в плену наравне с низшим сословием русских пленных.

⁹⁶ Зач.: было так же ужасно, как

⁹⁷ Зач.: и благодаря гордому сознанию того, что от его воли зависело бы улучшить свое положение, открыв французам, кто он такой,

⁹⁸ Зач.: и совершенно невольно для него изменили весь его взгляд на жизнь.

⁹⁹ Зач.: бился

о том, кто он такой — не очень ли важный человек — и враждебность вследствие их личной борьбы с ним.

Но в тот же вечер, как слышал Пьер от солдат и пленных, и офицер и караульные увлеклись грабежом дома гр. Каменского, на который, как и вообще в то время в Москве, стоило одному человеку наложить руку, чтобы стая других французов же увлеклась тем же. Вероятно, под влиянием этого увлечения грабежом перед утром к Пьеру в отдельную комнату, где он содержался эту ночь, вошли два поляка-улана и перед сменой своего караула сняли с него кольцо, жилет и сапоги.

[Далее от слов: Когда в утро другого дня пришла смена, кончая: — Запишите. Это нехорошо, очень нехорошо, — строго сказал ему один из членов *близко к печатному тексту*. Т. IV, ч. 1, гл. IX.]

На четвертый день пожары начались на Zubovском валу и не караульный, а другой офицер вошел в комнату, где содержались пленные, с списком в руках, сделал переключку, назвав Пьера *celui qui n'avoit pas son nom*,¹⁰⁰ и распределил всех по разным местам.

Пьера с 13 другими, опять босиком, как он был, повели на Девичье поле и поместили там в балагане, выстроенном посередине поля. Проходя по улицам, Пьер с любопытством оглядывался и везде видел обгорелые стены каменных и торчащие печи деревянных домов. По всей Москве дымилось и кое-где еще горело. Пьер тогда еще решительно не понимал радостного значения сожженной Москвы и с ужасом смотрел на эти пожарища. Он видел над разрушением русского порядка установ[ление] ф[ранцузского] п[орядка].

На Девичьем поле Пьер пробыл еще 4 дня и во время этих дней из разговора французских солдат узнал, что все содержащиеся здесь были судимы за поджигательство и что ожидают только решения маршала.

Эти первые дни до 8-го сентября, дня, в который Пьера повели на вторичный допрос, были самые тяжелые для Пьера. Но 8-го сентября был тот день, в который он в час пережил больше, чем во всю свою жизнь. Это был кризис, после которого он получил то успокоение, в котором он с тех пор и находился.

[Далее от слов: 8-го сентября Пьера с другими под конвоем 20 пехотных солдат повели через поле к дому с огромным садом на правой стороне Девичьего поля, кончая: Не договорив начатого, он махнул рукой и пошел прочь *близко к печатному тексту*. Т. IV, ч. 1, гл. X—XI.]¹⁰¹

Новая глава

Только когда Пьер был приведен назад в балаган и оставлен один, он понял ясно всё то, что угрожало ему и от чего он спасся, и он понял, как мало значения имела его жизнь.¹⁰²

Он с этого дня так равнодушен стал к жизни, что как будто в этой казни был казнен и он — прежний Пьер, а теперь жил в нем новый, другой человек.

С этого дня совершился в Пьере тот переворот, который дал ему¹⁰³ то успокоение, к которому он так давно стремился. И успокоение это пришло ему не путем мысли. Он вовсе не думал о себе во всё это время, не думал о том, лучше ли, покойнее ли он стал. И именно от этого-то он был лучше и покойнее. Первые дни после преступного убийства, которое он видел, он не мог закрыть глаза без того, что[бы] не видеть перед собою всё те же страшные лица невольных убийц и невинных жертв, и по ночам на него находил суеверный страх чего-то, и в сновидениях ему представлялось всё то же. Но зато всякое пробуждение и радостное сознание того, что это было только во сне, доставляло ему неизвестное прежде наслаждение. —¹⁰⁴

¹⁰⁰ тем, который не хочет назвать своего имени,

¹⁰¹ Далее в рукописи следует текст, относящийся к гл. XII, ч. 2. Был опубликован в сб. «Лев Николаевич Толстой», изд. АН СССР, М. 1951, стр. 624—626.

¹⁰² Зачеркнуто: Ему

¹⁰³ Зач.: давно

¹⁰⁴ Дальше текст зачеркнутого автографа.

С первого же дня после казни – сейчас, как только пленных ввели назад в балаган, Пьер почувствовал в первый раз, что все те условные преграды – рождения, воспитания, нравственных привычек, которые до тех пор отчуждали его от товарищей – были уничтожены. Пьер с этого дня сблизился с своими товарищами – солдатами, крепостными и колодниками. И в этом сближении нашел новое, еще не испытанные¹⁰⁵ им¹⁰⁶ интерес, спокойствие и наслаждение. С этого же дня только вполне оценил Пьер наслаждение обеда из соленых огурцов, которых не ели французы, требухи вареной и хлеба, наслаждение тепла, когда он укладывался рядом с старым солдатом, укрыв[аясь] с головой кафтаном в углу балагана, наслаждение ясного дня и вида солнца и Воробьевых гор, видневшихся из двери балагана. Всё это было точно новое, никогда не испытанное, но все эти неоценимые, вдруг открытые наслаждения были ничто в сравнении с теми бесчисленными нравственными наслаждениями, открывшимися ему с того же дня.¹⁰⁷

На душе у него было ясно и чисто. Те страшные минуты, которые он пережил, как будто смыли навсегда из его воображения и воспоминания те мысли и чувства, которые прежде представлялись ему важными. Ему не приходило и мысли ни о России и войне, ни о Наполеоне и геройском намерении убить его, ни о своем великодушном пожертвовании именем и спасении ребенка, ни о звере Апокалипсиса и о спасении человечества, ни даже о своей страстной любви к Наташе. В душе его, как сквозь сито просеянные, остались только самые дорогие зерна человеческих стремлений.

Пьер в своей жизни имел избыток всего, что только могут желать люди. Теперь же он испытывал лишения, которых не испытывают самые несчастные из людей, и потому он мог желать всего. И из этого всего он так ясно видел теперь то, что было существенное благо, и то, что было ложь. Как ему странно было вспоминать теперь, как он, теплый, сытый, безопасный, лежал в своем кабинете и чувствовал себя несчастным. Теперь он понимал, что для счастья жизни нужно только <жить> без лишений, страданий, без участия в зле, которое делают люди, и без зрелища этих страданий.¹⁰⁸ Тихий уголок где-нибудь, ясное солнце, садик, занятие, первое, которое встретится, свободное занятие, думал он, еще приятнее [?], больше ничего мне не нужно. Наташа! Когда она вспоминалась ему, ему было совестно. Чего ему нужно было от себя и от нее? – спрашивал он себя, не понимая. Теперь, ежели бы он встретил ее, он бы рад был, посидел бы с ними, поговорил, послушал, как она поет, и поехал опять бы к себе в свой маленький домик с садиком. Пообедал, выспался бы, согрелся бы и занялся бы чем-нибудь, как теперь.

Все эти непонятные для самого Пьера в другое время мечтания теперь доставляли ему огромное наслаждение. Все мечтания его стремились к тому времени, когда он будет свободен. Ему казалось, что он был очень несчастлив теперь, но он заблуждался. Это ограничение свободы и мечтаний, эти лишения и страдания, эти надежды и ужасы были лучшее счастье, которое испытывал Пьер до того времени. Теперь он считал себя несчастным, но впоследствии и всю свою жизнь Пьер с восторгом думал и говорил об этом месяце плена и с слезами в душе думал о том, что никогда не возвратятся те сильные и радостные ощущения и то спокойствие душевное, которое он испытывал в этот месяц плена.>

¹⁰⁵ Исправлено из: не испытанное

¹⁰⁶ Зач.: насла[ждение]

¹⁰⁷ Зач.: Как будто просеяв все

¹⁰⁸ Зачеркнуто: И это так легко было

*** № 256 (рук. № 96. Т. IV, ч. 1, гл. XII, XIII, и ч. 2, гл. XI– XII).¹⁰⁹**

С первого же дня после казни,¹¹⁰ поступив в новое товарищество пленных, Пьер почувствовал, что прежде бывшие между им и его товарищами условные преграды рождения, воспитания, нравственных привычек – теперь не существовали более. Прежде Пьер¹¹¹ старался сблизиться с народом, теперь же вовсе не думал о нем, сближение это сделалось само собою и доставило Пьеру тоже [?] новые, не испытанные им до сих пор наслаждения.

Из числа 23 человек самых разнообразных характеров и званий: офицеров, солдат, чиновников, которые потом как в тумане представлялись Пьеру, в памяти его остался навсегда¹¹² унтер-офицер Томского полка, взятый французами¹¹³ в госпитале, с которым он особенно сблизился. Унтер-офицера этого звали Платон Каратаев. Он был тамбовец и говорил тамошним говором, выговаривая ц вместо ч.¹¹⁴ В воспоминании Пьера этот человек остался олицетворением всего русского, доброго, счастливого и круглого.¹¹⁵ Голова у него была совершенно круглая, как большой мяч. Глаза, очень приятные, большие, карие, были¹¹⁶ круглые, усы и борода, отрастая вокруг рта, составляли круг, рот¹¹⁷ раскрывался овалом, близким к кругу, волосы вокруг лба всегда имели вид круга, руки¹¹⁸ пухлые были почти круглые, плечи округлялись в спине,¹¹⁹ грудь была высокая, округленная, руки он всегда носил в округленном положении, как будто готовился обнять что-то.¹²⁰ Все морщины на его лице – около глаз и рта были круглые. Он был невысок ростом. Зубы, ярко белые, крепкие, которые все выкатывались своими двумя полукругами, когда он смеялся (что он часто делал), были все крепки, ни одного седого волоса не было в его волосах и бороде, но по рассказам его о¹²¹ походах, в которых он участвовал 10-летним солдатом, ему должно было <быть>¹²² гораздо за 50 лет.

Всё лицо было весьма приятно, голос у него был тихий и почти нежный. Говорил он очень складно и кругло, всегда заканчивая свою речь¹²³ и беспрестанно украшая ее поговорками, пословицами и ласкательными мужицкими словами, из которых в особенности он часто употреблял «соколик».¹²⁴ Он говорил с теми русскими старыми приемами ласки и вежества, с которыми говорят в дальних деревнях. Попав в плен и обросши бородою, он, видимо, отбросил в несчастии всё напущенное на него солдатское и¹²⁵ с удовольствием возвратился к старым мужицким приемам и речи. Он неохотно говорил про свое солдатское время, и когда рассказывал, то преимущественно из старых и, видимо, дорогих ему воспоминаний крестьянского быта. Поговорки, которые он говорил очень часто, не были те солдатские, большей частью неприлич-

¹⁰⁹ Автограф, написанный вместо зачеркнутого конца вар. № 255.

¹¹⁰ Зач.: Пьер до половины сентября

¹¹¹ Зач.: во время сражения и после в Москве во время выхода народа за Трехгорную заставу

¹¹² Зачеркнуто: и он особенно сблизился с одним раненым унтер-офицером

¹¹³ Зач.: на пожаре Гостиного двора. Унтер-офицера этого

¹¹⁴ Зач.: Это был

¹¹⁵ Зач.: Коротко об[стриженная]

¹¹⁶ Зач.: правиль[ные]

¹¹⁷ Зач.: шел полукругом вниз

¹¹⁸ Зач.: толстые

¹¹⁹ Зач.: ноги стремились к изогнутому наружу в коленях круглому положению.

¹²⁰ Зач.: Даже самый рост небольшой, фигура его, широкая во все стороны при небольшом росте, приближалась к кругу.

¹²¹ Зач.: Суворовских

¹²² Зач.: не менее

¹²³ Зач.: <и голосом> и беспрестанно прибавляя народные ласкательн[ые]

¹²⁴ Зач.: Все не то что любил его, но всем очевидно было так легко с ним, что его присутствия не замечали, как не замечают присутствия света. Он говорил с тем

¹²⁵ Зачеркнуто: усвоил свои старые мужицкие приемы.

ные и бессмысленные присказки, но это были большей частью изречения того свода глубокой житейской мудрости, которой живет народ.¹²⁶ Платон Каратаев¹²⁷ не знал ничего¹²⁸ наизусть, кроме тех солдатских ответов, которые он в рекрутстве выучил из-за сильных побоев, и он не знал ни одной поговорки и пословицы. Когда Пьер, иногда пораженный смыслом его речи, просил повторять сказанное, Платон Каратаев не мог вспомнить того, что он сказал минуту тому назад, и, когда он говорил свои речи и начинал их, казалось, не знал, чем он кончит. Он был как бы живой сосуд, наполненный чистейшей народной мудростью, сам не зная этого. На всё всегда он был согласен, всем всегда доволен, на всё у него было словечко, иногда шуточное, иногда поразительно глубокое и тем более поразительное, что он говорил иногда совершенно противоположное тому, что он говорил¹²⁹ прежде, но и то, и другое было справедливо. Одно, что он не любил, это было драки, ссоры, брань, которые случались в балагане. В этих случаях он, видимо, приходил в беспокойство и до тех пор не успокоивался, пока ему не удавалось помирить ссорящихся. Физические силы и поворотливость его были таковы¹³⁰ первое время плена, что, казалось, он не понимал, что такое усталость и болезнь. Каждый день утром и вечером он молился на восток, быстро крестя свой лоб и грудь и шопотом приговаривая: «Господи помилуй. Богородица, помилуй, Никола угодник, помилуй и спаси нас» и потом, ложась, говорил вслух: «положи, господи, камушком, подыми калачиком». И поутру вставал, подпрыгивая, и тоже вслух говорил: «лег – свернулся, встал – встряхнулся». Он никогда не бывал без работы и всё умел делать, он шил рубашки и сапоги, пёк, варил, тесал, строгал, и¹³¹ всегда находил себе дело. Он любил говорить и говорил хорошо; но любил тоже слушать.¹³² Он любил слушать сказки, которые был в балагане один мастер рассказывать, но более всего любил слушать рассказы о настоящей жизни и так ласково и внимательно умел слушать, так кстати вставить словцо, что Пьер никому с таким удовольствием и подробностями не рассказывал с вою жизнь, как этому солдату.

Когда Пьера в первый раз ввели в новый балаган, все знали уже всё, что с ним было. Все оглянулись на него с любопытством, но первое время никто не подошел. Первый¹³³ приветствовал его Платон Каратаев, сидевший в углу за тачанием сапогов.

– Здравствуйте, барин, соколик, – сказал он.¹³⁴ – Милости просим в наши хоромы.¹³⁵ В тесноте, да не в обиде. У нас житье¹³⁶ хорошее – обиды нету.¹³⁷ Вот тут и садись,¹³⁸ – проговорил Каратаев, опрастывая ему место.

Пьер оглянулся на голос, и в круглом лице и глазах этого человека он почувствовал успокоение и подошел к нему.

Платон Каратаев, взглянув на Пьера, покачал головой.

¹²⁶ На полях рукописи рукой Толстого записан ряд народных пословиц и поговорок. См. т. 13, «Планы и заметки к «Войне и миру», вар. № 33, стр. 46—47.

¹²⁷ Зач.: казалось

¹²⁸ Зач.: на свете

¹²⁹ Зач.: час

¹³⁰ Зач.: особенно

¹³¹ Зач.: редко

¹³² Зач.: и умел

¹³³ Зачеркнуто: подошел

¹³⁴ Зач.: подходя к нему и подавая ему руку не тем приемом, которым пожимают руки выучившиеся тому от господ, где пожатие это имеет различные оттенки, а тем простым, мужицким приемом, который выражает неотвержаемую ласку.

¹³⁵ Зач.: Мы живем

¹³⁶ Зач.: здесь

¹³⁷ Зач.: Сюда, сюда

¹³⁸ Зач.: говорил он, провожая его в угол подле своего места. В лице его была жалость и желание помочь и <разве[селить]> рассеять испуганного Пьера.

Его огорчило, видимо, выражение отчаяния, бывшее на лице Пьера, и он тотчас же обратился к нему с веселой дружеской речью, рассказывая, как они живут тут, и не спрашивая. Другие пленные, офицеры и чиновники, перебив Платона Каратаева, стали спрашивать Пьера о том, откуда он и что с ним было. Пьер рассказывал. Каратаев молча слушал, шевеля скулами (это была его привычка), и только¹³⁹ когда Пьер рассказывал о том, как их судили,¹⁴⁰ прибавил: «Где суд, там и неправда, соколик», – вздохнув, встал и, достав картофелю печеного и черного хлеба, принес Пьеру.

– Покушай, соколик, с голоду Малашки и Алашки всласть. Вот так-то, – прибавил он, когда Пьер улыбнулся и¹⁴¹ взял картофель.

Из всех людей, бывших в балагане, Платон Каратаев более всех привлекал к себе Пьера (из офицеров в особенности один, который говорил по-французски, отталкивал от себя Пьера), и он не¹⁴² перешел по приглашению господ на их сторону, а остался на том месте, куда сел рядом с Каратаевым. Когда офицеры ушли и Пьер поел, Платон Каратаев стал спрашивать Пьера, каким образом он попался. Пьер рассказал ему, как он бросился на фр[анцузов], чтобы отнять женщину.

– Да что же ты, соколик, в ее вклепался-то? Ты это напрасно сделал. По моему разуму.

– Я рассердился, – отвечал Пьер, – и не думал, что будет.

– Своему гневу господин, всему господин – так-то. А то жил бы ты себе на воле, пил бы, ел всласть, а то какую нужду увидал. Ноготь увяз, всей птичке пропасть. Да ты, милый человек, не тужи. От сумы да от тюрьмы никогда не отказывайся. Они дадут ума. А у бога милости много. Думаешь, пропал, а глядишь – лучше прежнего поднимешься. Несчастье на костылях, а счастье на крылах. Не успеешь глянуть – прилетит. Так-то, друг мой любезный, – начал он, видимо, длинный рассказ, – жил я еще дома. Вотчина у нас богатая, земли много.¹⁴³ Хорошо живут мужики. И наш дом слава богу, сам сём батюшка косить выходил. Жили, как у Христа за пазухой. Случись...¹⁴⁴ – и Платон Каратаев рассказал длинную историю о том, как он¹⁴⁵ попался в воровстве леса и был забрит в солдаты, вследствие чего избавил от ставки старшего семейного брата.

Было уже темно в балагане, когда Платон Каратаев¹⁴⁶ кончил свой рассказ.

– Так я сужу: у бога всего много. Ты что, женат, соколик? – спросил он, – дети есть? Дом есть? – спрашивал он, видимо наслаждаясь вперед благообразным счастьем, в котором он представлял себе житье Пьера.

– Так-то, не тужи. Покорись беде, и беда покорится, старички говаривали. – И он встал, начал креститься, приговаривая шопотом, потом быстро лег, проговорив: «Положи, б[оже], камушком, подними калачиком».

С этого дня между Пьером и Платоном Каратаевым установилась тесная дружба.

Первое время пленных содержали хорошо, но с половины месяца у них стали отнимать их платё, заставляли их работать и кормили очень плохо.

Пьер, благодаря своему знанию французского и немецкого я[зыков] (бывали караульные немцы), особенно ясно чувствовал те видоизменения, которые происходили в положении

¹³⁹ *Зач.*: один раз пр[ибавил]

¹⁴⁰ *Зач.*: вздохнув

¹⁴¹ *Зач.*: принял

¹⁴² *Зач.*: послушался

¹⁴³ *Зачеркнуто*: Важно

¹⁴⁴ *Зач.*: <батюшке в> набор, нашу семью на первую очередь поставили. Хорошо.

¹⁴⁵ *Зач.*: украл лошадь у мужика

¹⁴⁶ *Зач.*: всё рассказывал своим приятным голосом.

французских войск в Москве и отражались на них, пленных, и на караульных солдатах, которые были для Пьера представителями положения всего французского войска.

Пьер невольно следил за тем порядком, который чуть не погубил его, и замечал, как этот порядок понемногу ослабевал и исчезал, вероятно под влиянием каких-нибудь внешних причин. В одно и то же время, вероятно увлеченные общим примером и уничтожением награбленного, даже караульные солдаты стали отнимать у пленных одежду (и с Пьера сняли сапоги и штаны, заменив только последние арестантскими),¹⁴⁷ стали хуже гораздо кормить, давали кроме хлеба только огурцы и изредка требуху (под конец и ее заменили кониной) и в то же время слышались пушечные выстрелы где-то недалеко. Но главный признак для Пьера состоял в том, что прежде словоохотливые караульные рассказывали Пьеру кое-что об общем ходе дел, говорили о завоевании Петербурга, о зимовке в Москве, о богатствах, которые найдены, а теперь или молчали, или сердились, когда Пьер спрашивал их об общем ходе дел.

В последних числах сентября приходил в балаган француз, спрашивая, здесь ли Пьер Безухов, но на вопрос Пьера, для чего ему это нужно было, ничего не мог ответить. Это посещение француза тревожило Пьера; то ему казалось, что это означала хорошее, то – дурное.

Было 1-ое октября, Покров. Утро было ясное. В Новодевичьем монастыре звонили к обедне. Пьер стоял у двери балагана и смотрел вокруг себя. Одевание Пьера состояло теперь из грязной, продранной рубашки,¹⁴⁸ единственном остатке его прежнего платья, солдатских порток, завязанных веревочками на щиколотках босых ног¹⁴⁹ по совету Платона Каратаева, кафтана и старой мужицкой шапки.¹⁵⁰ Пьер физически¹⁵¹ очень изменился. Он похудел значительно, особенно в лице, и не казался уже толстым, но в плечах его и во всем стане была видна та сила, которая была наследственна в их породе. Волоса его, которые он носил всегда прежде под гребенку, за месяц плена отросли и курчавились шапкой так же, как волосы его отца. Борода и усы обросли нижнюю часть лица, и в глазах, хотя и ввалившихся, был блеск и ясность, которых никогда не было прежде.¹⁵²

Пьер думал о том, что значило это осведомление о нем француза, и различные мечтания о том, как его отпустят и как он уедет из Москвы и заживет по-новому, – представлялись ему. Все мечтания его стремились к тому времени, когда он будет свободен. Ему казалось, что он был очень несчастлив.¹⁵³ А между тем впоследствии и во всю свою жизнь Пьер с восторгом думал и говорил об этом месяце плена и со слезами в душе думал о том, что никогда не возвратятся те сильные и радостные ощущения и то спокойствие душевное, которое он испытывал в¹⁵⁴ это время.¹⁵⁵

¹⁴⁷ Зачеркнуто: солдатскими

¹⁴⁸ Далее текст переходит на листы копии с авторскими исправлениями.

¹⁴⁹ След. четыре слова вписаны рукой Толстого.

¹⁵⁰ Зач.: Но независимо от этой одежды

¹⁵¹ Зач.: много и надписано: очень

¹⁵² Зач. текст копии: Он с другими перелаживал балаган, то он, учил колодника грамоте, на песке балагана рисуя буквы, то он учил приходивших к нему солдат русским словам, то варил кашу или пек картофель. Без лишений и страданий быть заняту ему казалось так просто теперь, когда круг занятий был так ограничен и лишений было так много, что выбор занятия не представлял трудности; но он забывал, что чем меньше лишений, тем меньше потребности к занятию, чем больше удобств жизни, тем больше круг выбора занятий и потому тем меньше возможности занятий. Далее в копии следует текст, переписанный с зачеркнутого автографа, см. вар. № 255, стр. 26, от слов: Тихий уголок где-нибудь... кончая: доставляли ему огромное наслаждение. Следующая фраза – автограф над зачеркнутым текстом копии.

¹⁵³ Зачеркнуто: теперь, но он заблуждался. Это ограничение свободы и мечтаний, эти лишения и страдания, эти надежды и ужасы были лучшее счастье, которое испытывал Пьер до того времени. Теперь же он считал себя несчастным, но и вписаны след. три слова.

¹⁵⁴ След. два слова исправлены из: этот месяц плена.

¹⁵⁵ Далее зачеркнута копия автографа первой редакции (см. т. 14, вар. № 183) от слов: 1-го октября в Покров, на Девичьем поле... (стр. 140), до слов: веревочками на щиколках и надписаны след. десять слов. На полях: Бился, искал пути <жизни>

Думая всё о том счастливом времени, когда он будет свободен, Пьер поставил ровно свои босые ноги и задумчиво стал смотреть на их грязные и толстые, большие пальцы. Казалось, что созерцание этих босых ног доставляло Пьеру большое удовольствие. Он несколько раз сам с собою улыбался, глядя на них.¹⁵⁶ Это непривычное¹⁵⁷ зрелище своих босых ног связывалось в его душе с сознанием простоты и ясности душевной, которые он испытывал в это время.

Радостное созерцание это было прервано приходом двух французских солдат с свертками полотна. Они прошли в балаган и направились к углу, в котором жил Пьер рядом с Платоном Каратаевым. Платон Каратаев лежал, укрывшись головой в¹⁵⁸ французскую изорванную шинель, которая была дана ему. Платон Каратаев уже¹⁵⁹ 5 день был болен лихорадкой, страшно измучавшей его. Платон Каратаев получил репутацию швеи, и французские солдаты носили ему шить рубашки. Но, мучимый лихорадкой, он работал не споро и у него было еще¹⁶⁰ много несшитого прежнего полотна. Французы растолкали его и требовали, чтобы он в три дня сделал им из полотна рубашки.

– Эх, соколики, всё бы сделал, кабы не трясла меня, – говорил он посиневшими, трясущимися губами. Пьер, уже неоднократно отстаивавший, благодаря знанию языка, своего друга, и теперь заступился за него и объяснил французам, что у него так много работы и он так болен, что не может взять их рубашки. Французы ушли.

– Эх, соколик, язык – телу якорь, – сказал Платон Каратаев и завернулся опять в свою шинель.

Пьер прикрыл его¹⁶¹ своим кафтаном и сел подле него, взялся за свою работу. Это была сломанная деревянная ложка, которую он хотел починить шилом и дратвой.

Не dokonчив еще свое¹⁶² дело, Пьер,¹⁶³ не спавший прошлую ночь от шума на поле, лег¹⁶⁴ на свою солому и задремал. Только что он задремал, как за дверью послышался голос:

– Un grand gaillard, nous l'appelons grand chevelu. Ça doit être votre homme, capitaine.¹⁶⁵

– Voyons, faites voir, caporal¹⁶⁶ – сказал¹⁶⁷ знакомый Пьеру голос. И, нагибаясь, вошел капрал и¹⁶⁸ бравый, прихрамывающий французский офицер.¹⁶⁹ Он оглядел пленных и остановился глазами на Пьере.

– Enfin je vous retrouve, mon cher Pilade,¹⁷⁰ – сказал он¹⁷¹, подходя к нему.

совершенствования сов[естью], умом и нашел делом, сам не зная того.

¹⁵⁶ *Зач. текст копии:* и потом пошел к своей шинели, на котором лежала деревянная чурочка и ножик, и стал резать ее. Солдат, его сосед, посторонился. *Вместо зач. надписан над строками и на полях дальнейший текст, кончая:* и завернулся опять в свою шинель (стр. 33). *Зач. начало автографа:* Бессознательно для него

¹⁵⁷ *Зач.:* для него

¹⁵⁸ *Зач.:* кафтан

¹⁵⁹ *Зач.:* 2-й

¹⁶⁰ *Зач.:* не кончено

¹⁶¹ *Зачеркнут текст копии с первоначального черновика от слов:* шинелью. А другому старику... *кончая:* и этот взгляд спас Пьера (т. 14, вар. № 183, стр. 140—142) и надписан рукой Толстого текст до конца абзаца.

¹⁶² *Переделано из:* свою и далее *зач.:* палочку

¹⁶³ *Следующие восемь слов – автограф.*

¹⁶⁴ *Зач.:* в свой угол и надписаны следующие три слова.

¹⁶⁵ [– Высокий малый, мы зовем его большой волосатый. Должно быть, это ваш человек, капитан.]

¹⁶⁶ [– Ну-ка, капрал, дайте взглянуть,]

¹⁶⁷ *Зач.:* нежный женский и надписаны след. два слова.

¹⁶⁸ *Следующие три слова – автограф.*

¹⁶⁹ *Зач.:* маленький красавчик брюнет с приятными *кончая:* обнял его и поцеловал (см. т. 14, вар. № 183, стр. 146). *Вместо зач. вписана рукой Толстого след. фраза.*

¹⁷⁰ [– Наконец-то я вас отыскал, мой дорогой Пилад,]

¹⁷¹ *Следующие три слова – автограф.*

– Bravo! – закричал Пьер, вскакивая, и, взяв под руку¹⁷² Рамбаля с тем самоуверенным пренебрежением, с которым он хаживал по балам,¹⁷³ вывел его за балаган.

– Ну как не дать мне знать, – упрекал Рамбаль,¹⁷⁴ – это ужасно, положение, в котором вы находитесь. Я потерял вас из виду, я искал. Где и что вы делали?

Пьер весело рассказал свои похождения, свое свидание с Даву и расстреляние, на котором он присутствовал.¹⁷⁵ Рамбаль пожимал плечами и хмурился, слушая его. Когда Пьер кончил, Рамбаль обнял и поцеловал его.

– Mais il faut finir tout ça, – говорил он. – C’est terrible.¹⁷⁶ – Рамбаль посмотрел на босые ноги Пьера. Пьер улыбнулся.¹⁷⁷

– Le diable n’est pas aussi noir qu’on le fait. Et j’ai eu des moments bien doux, dans cet espace de temps,¹⁷⁸ – сказал Пьер.

– Et savez vous que j’ai de la peine à vous reconnaître, mon cher ami,¹⁷⁹ – сказал Рамбаль, улыбаясь и всё поглядывая на босые ноги и на узел, который он,¹⁸⁰ входя в балаган, сложил.

– Tôt ou tard ça doit finir, – сказал Пьер. – La guerre finira un jour et deux mois de souffrance en comparaison de toute la vie...¹⁸¹ – сказал Пьер, вспоминая слова Платона Каратаева: «час терпеть, век жить». – Pouvez vous me dire quelque chose de ce que se fait dans le monde des armes? Aurons nous encore la guerre ou la paix?¹⁸²

Даже Рамбаль, считавший себя другом, и тот рассердился при этом вопросе.

– On a fait des sottises et des horreurs! – сердито вскрикнул он. – Je crois que l’Empereur a perdu la tête. Et que tout ça ira au diable – c’est tout ce que je puis vous dire.¹⁸³

И как будто сердясь на себя за то, что он сказал это, он поспешно переменил разговор.

– Mais savez vous, – сказал он, опять улыбаясь, – vous avez très bonne mine. Vous êtes un homme superbe! Et je voudrai que vous puissiez être vu dans cet état par celle...¹⁸⁴ vous savez. Ah malheureusement, mon temps ne m’appartient pas,¹⁸⁵ – сказал Рамбаль, оглядываясь – в к[оляске] сидели ф[ранцузские]. о[фицеры]. – De ce pas je vai chez le commandant et je fais mon possible pour vous faire mettre en liberté, en attendant voilà, – он указал на мешок, – vous trouverez la un choube, bottes habillement d’hiver complet et différentes petites choses.¹⁸⁶

¹⁷² *Зач.*: Пончини и надписано рукой Толстого: Рамбаля

¹⁷³ *Зач.*: стал ходить с ним по <комнате> б[алагану] и надписаны след. четыре слова.

¹⁷⁴ Рамбаль, переправлено из: Пончини.

¹⁷⁵ *Зач.*: Пончини бледнел, слушая его, и останавливался, жал его руку и целовал его, как женщина или как красавец, каким он и был, и который знал, что поцелуй его всегда награда. – Но надо это кончить, – говорил он. – Это ужасно. Пончини *Вместо* *зач. надписан текст до конца абзаца и след двенадцать слов следующего абзаца.*

¹⁷⁶ [– Надо всё это кончить... Это ужасно.]

¹⁷⁷ *Зач. текст первой редакции*: Ежели я останусь жив... *кончая*: всё это, – говорил Пончини (см. т. 14, вар. № 183, стр. 146). *Вместо* *зач. вписан дальнейший текст, кончая*: Рамбаль, улыбаясь и

¹⁷⁸ [– Не так страшен чорт, как его малюют. За это время я пережил много приятных минут,]

¹⁷⁹ [– А знаете, милый друг, что я с трудом вас узнал,]

¹⁸⁰ *След. три слова – автограф, после которого следует зач. копия, кончая*: я не могу видеть вас в таком положении quoique и вместо *зач. вписано рукой Толстого, кончая*: сказал он, опять улыбаясь.

¹⁸¹ [– Рано или поздно, это должно кончиться... В один прекрасный день война кончится, и два месяца страданий в сравнении со всей жизнью...]

¹⁸² [– Можете ли вы мне что-нибудь сказать о том, что делается в войсках? Что ждет нас, война или мир?]

¹⁸³ [– Наделали глупостей и ужасов!.. Мне кажется, что император потерял голову. И всё, это пойдет к чорту – вот всё, что я могу вам сказать.]

¹⁸⁴ *Зачеркнут дальнейший текст копии от слов*: Но вот что... и Пончини... *кончая*: не хотят идти, будут расстреляны (см. т. 14, вар. № 183, стр. 147–148) и написан дальнейший текст – автограф.

¹⁸⁵ [– Но, знаете, у вас очень здоровый вид. Вы – превосходный человек! Я бы желал, чтобы вас в этом положении увидела та... вы понимаете. Ах, к несчастью, мое время не принадлежит мне,]

¹⁸⁶ [– Я тотчас же отправляюсь к коменданту и сделаю всё, что возможно, чтобы вас освободили, а пока – вот вам; здесь вы найдете шубу, сапоги, полную зимнюю одежду и разные мелочи.]

Рамбаль поспешил переменить разговор, чтобы Пьер не благодарил его. Пьер благодарил его и был тронут тем, что сделал для него Рамбаль, но он знал, что завтра всё это отнимут у него, но он не сказал этого.

Переменяя разговор, Рамбаль сказал:

– Eh bien, j'ai vu votre palais à la porte, comment l'appellez vous. Il était intact il y a une semaine. Et vous voir, vous, le possesseur de toutes ces richesses, ici, dans cet état. Oh! nous vivons dans un temps terrible. Et il y a quelqu'un qui repondra à la France de tout le mal qui a été fait. Adieu, mon cher ami, au revoir dans des circonstances plus heureuses,¹⁸⁷ – сказал Рамбаль¹⁸⁸ и, обняв Пьера, побежал к коляске.¹⁸⁹

¹⁹⁰ На другой день у Пьера отняли и новые сапоги, и le шуба, и les petites choses,¹⁹¹ которые были хлеба белые и сыр, а на третий день пришел новый конвой, пленных вывели по Смоленской дороге.¹⁹²

* № 257 (рук. № 96. Т. IV, ч. 1, гл. XII).¹⁹³

(Новая глава)

Пьера в этот день не отвели назад в сарай, а одного, отделив от других, оставили на новой гауптвахте на Девичьем поле. О нем ожидали какого-то особенного распоряжения. И когда это распоряжение пришло, его повели¹⁹⁴ куда-то. Солдат, ведущий его, поздравил его с тем, что он так хорошо отделался, и объявил ему, что он теперь поступает в разряд военнопленных. Пьер не понимал того, что ему говорили. Его способность соображать и мыслить, потерянная им с ударами барабанов, еще не возвращалась к нему. Балаган, в который привели Пьера вечером¹⁹⁵ в день казни, был один из десятка таких балаганов, построенных французами из обгорелых бревен, досок и тесу на левой стороне Девичьего поля. На¹⁹⁶ каждый такой балаган была своя кухня и при всех балаганах были сменявшиеся караулы французских солдат. Тот балаган, в который ввели Пьера, разделялся на два отделения: одно для офицеров, другое для солдат. Отделения ничем материальным не были разграничены между собой, но отделения эти существовали. У офицеров были лавки, два стола и койки, у солдат спали на соломе на земле, и только одна дверь на кольях служила им вместо стола. Офицеров, в том числе два штатские чиновника, было восемь, солдат было 15 человек.¹⁹⁷

Когда Пьера ввели в единственную дверь балагана, офицеры и солдаты окружили нового товарища, расспрашивая его, кто он, где взят и что с ним было. Офицеры, в особенности один старый поручик с подвязанной щекой и желтым лицом, очевидно первенствующий здесь в балагане, узнав в Пьере человека высшего сословия, повел его в свое отделение. Солдаты, хотя и в плену, оказывали офицерам должное уважение и только позволили себе подойти и молча слушать то, что рассказывал Пьер подвязанному поручику, посадившему Пьера подле себя.

¹⁸⁷ [– Итак, я видел ваш дворец у ворот, как они там называются. Неделю назад он был цел. И видеть вас, вас, владельца всех этих богатств, здесь, в таком состоянии. Ах, мы живем в ужасное время. Кто-то ответит Франции за всё то зло, которое было сделано. Прощайте, милый друг, до свидания при более благоприятных обстоятельствах,]

¹⁸⁸ *Зачеркнуто:* добрым и искренн[им]

¹⁸⁹ *На полях:* Мервиль грустен. Теперь ваш черед.

¹⁹⁰ *Следующие три слова печатаются по копии.*

¹⁹¹ [разные мелочи,]

¹⁹² *Последние четыре слова – по копии.*

¹⁹³ *Автограф на полях зачеркнутой копии вар. № 256.*

¹⁹⁴ *Зач.*: в балаган пленных.

¹⁹⁵ *Зач.*: на другой и заменено: в

¹⁹⁶ *Зачеркнуто:* три

¹⁹⁷ *На полях конспект:* Смех. Бл[агодаря?] Христа. Хочется плакать, [?] все добрые. Быстрое соображение. *Далее перерботанный текст копии вар. № 256.*

Пьер, радостно оглядываясь на участливые глаза, глядевшие на него со всех сторон, рассказал всё, что с ним было, умолчав о своем намерении убить Наполеона и о спасении девочки. Он сказал, что он был московский житель, имел дом свой¹⁹⁸ в Москве.

– Фамилия ваша? – спросил поручик.

– Безухий! – сказал Пьер.

– А то граф Безухой есть, – сказал офицер. – Почему ж они вас сюда прислали?

– Я сказал перед тем, как нас вели, что я ополченный офицер.

– Какой чин? – строго спросил поручик.

Пьер, помолчав, сказал, что он был переименован [?] в полковники. Ему одинаково не хотелось сказать неправду и не хотелось сказать свой чин, боясь, что это заставит его товарищей расспрашивать его дальше. Но известие, что Пьер был полковник, было принято поручиком и всеми очень просто. Ему не поверили.

– Что ж, надо вас поместить, – сказал поручик. – Мусье! – крикнул он часовому, глядевшему в дверь. – Ла ли пур мусье офиесе.

– C'est bon, c'est bon. Le caporal va venir,¹⁹⁹ – отвечал часовой.

– Платон! Соколик! – крикнул поручик, обращаясь к одному из солдат, окруживших их. – Ты барину устрой переночевать где. А уж у них вытребую кровать и сонник. Ведь не собаки же.

– Что ж, мы барина у себя пригородим, – отвечал приятно-ласковый голос. – В тесноте, да не в обиде.

Пьер оглянулся на голос и увидел среднего роста человека в солдатской шинели и лаптях, круглыми, добрыми глазами смотревшего на Пьера.

– Милости просим, соколик, милости просим, – проговорил этот человек и легким, быстрым шагом пошел в солдатское отделение. Через несколько минут, в продолжение которых Пьер продолжал рассказывать свои похождения и в особенности казнь, поразившую²⁰⁰ всех слушателей, солдат с круглыми глазами вернулся и поставил перед Пьером деревянную чашку с похлебкой и ложкой. Пьер рассказывал казнь и все молча слушали. Солдат с круглыми глазами тоже остановился против Пьера.

*** № 258 (рук. № 96. Т. IV, ч. 1, гл. XII).²⁰¹**

< – Да за что их расстреляли? – спросил один молодой офицер.

– Они прочли конфирмацию, – отвечал Пьер, сам взволнованный своим рассказом. – Комиссия судила.

– Судили? – вдруг сказал солдат с круглыми глазами. – Кто судил-то, где суд, там и неправда, старички говаривали, а вот покушай-ко наших щец: с голоду Малашке и Алашки всласть, – сказал он, и круглая улыбка просияла на его лице, и полукруги ярких, белых зубов выкатились из-за его губ.

Все засмеялись.

– Куфарка-то наша какова! Ай да Соколик! – слышались голоса.

Пьер тоже засмеялся, глядя на доброе лицо солдата, и взялся за ложку.

Он был голоден и с наслаждением стал есть похлебку, во время еды глядя на солдата с веселым лицом, стоявшего над ним.>

¹⁹⁸ *Зач.*: и остался

¹⁹⁹ [– Хорошо, хорошо, когда капрал придет.]

²⁰⁰ *В автографе*: поразившая

²⁰¹ *Зачеркнутый автограф на полях копии части вар. № 259.*

*** № 259 (рук. № 96. Т. IV, ч. 1, гл. XII, XIII).**

²⁰² После казни Пьера по приказанию французского офицера отделили от других подсудимых и оставили одного²⁰³ в прихожей небольшого дома Девичьего поля. О нем ожидали какого-то особенного распоряжения, и когда это распоряжение пришло, караульный офицер поздравил его с тем, что он прощен и поступает теперь в разряд военнопленных. Пьер не понимал того, что ему говорили, потерянная им в то время, как ударили в барабаны, способность мыслить и соображать еще не возвратилась к нему. Молча и неподвижно сидя на²⁰⁴ лавке, куда его посадили, Пьер²⁰⁵ то открывал, то закрывал глаза. Он закрывал их с тем, чтобы заснуть и забыть то, что он видел. Но только что он закрывал глаза, как опять он слышал треск ружей и видел перед собой²⁰⁶ страшные²⁰⁷ лица невинных жертв и еще более страшные²⁰⁸ лица невольных убийц.²⁰⁹

На него находил ужас, и он опять открывал глаза.

Караульные солдаты предлагали ему есть, заговаривали с ним, но он только отрицательно качал головой.

Перед вечером²¹⁰ два солдата повели Пьера в балаганы пленных. Балаганы эти были построены рядами из обгорелых досок, бревен и тесу вверх поля против месторасположения двух французских полков.

Пьер шел в том же состоянии убитости и непонимания. Он ничего не видел и не слышал вокруг себя.

²⁰² *Зач. текст переработанной копии вар. № 257:(Новая глава)* На другой день Пьера <перевели из разряда подсудимых в разряд пленных в балаган на Девичьем поле> с другими подсудимыми отвели назад в сарай на Крымском броде. В первую ночь <Пьер> он не мог закрыть глаз без того, чтобы не видеть перед собою всё те же *Вместо зач. написан рукой Толстого дальнейший текст, кончая словами:* он слышал треск ружей и видел перед собой (стр. 38).

²⁰³ *Зач.:* на гауптвахте

²⁰⁴ *Зачеркнуто:* гауптвахте, на том месте

²⁰⁵ *Зач.:* два часа не шевелил[ся]

²⁰⁶ *Следующие одиннадцать слов – исправленная Толстым копия.*

²⁰⁷ *Зач.:* и простые

²⁰⁸ *Зач.:* и испуганные

²⁰⁹ *Зач.:* И по ночам на него <несколько>, как только смерклось, <нашел> находил, как в детстве суеверный страх чего-то сверхъестественного. <В сновидениях ему представлялось, что его убивают, что он убит уже.> Во сне он видел эту ночь только одно: он видел, что его и что он убивает кого-то. Но зато <всякое> первое пробуждение после этой страшной ночи и радостное сознание того, что это было только во сне, доставили <ему> неизвестное ему прежде наслаждение. С этого же дня только в первый раз Пьер вполне оценил полное и сильное наслаждение еды, когда хотелось есть, питья, когда хотелось пить, сна, когда хотелось спать, тепла, когда было холодно, разговора с товарищами, когда хотелось поговорить и послушать человеческого голоса. <Когда <его на другой> он в этот первый день перевода из разряда подсудимых в разряд военнопленных перед вечером вышел из балагана на Девичьем поле>. Выйдя на воздух, Пьер вдруг очнулся. Он понял, что он жив и что его ведут теперь не на казнь, а к новым товарищам. Он оглянулся вокруг себя, увидел блестящие в лучах заходящего солнца купола и кресты Новодевичьего монастыря, увидел лесистые холмы Воробьевых гор и извивающийся над рекою и скрывающийся в синей дали лесистый берег, <он ощутил> почувствовал прикосновение свежего воздуха, увидел голубое небо с чешуйчатыми облаками и услышал звуки летевших домой в Кремль через поле галок, он в первый раз понял условность <случайность> тех зол и вечность тех благ, которые окружали его. Пьер почувствовал новое, не испытанное им радостное умирение жизни, и благодарность за обилие <этих> благ, которое <окружало его> охватило его. Чего же еще нужно? <Как это я не знал прежде, как это всё хорошо>, думал он. Ему вдруг захотелось и есть, и спать, и говорить. Он обратился к солдатам, спрашивая их, можно ли ему будет поесть там, куда его ведут. <Ему отвечали, что он всего найдет в балаганах и что пленных офицеров хорошо содержат. Солдат, отвечавший Пьеру, показался ему необыкновенно добрым и веселым.> Ему не отвечали. Пьер понял, что ему не отвечали только оттого, что им не велено было говорить с пленным, но что эти солдаты жалели его и рады бы были помочь ему, потому что и они были такие же прекрасные и добрые, как солнце и небо. Но все эти неоценимые, вдруг открытые наслаждения были ничто в сравнения с теми бесчисленными нравственными наслаждениями, с каждым днем открывавшимися ему <с того же> после дня казни. В казни, при которой он присутствовал, был казнен, казалось, тот старый человек, которого так тщетно пытался победить в себе Пьер посредством масонских упражнений. На душе у него было ясно и чисто. Те страшные минуты, которые он пережил, как будто смыли

²¹⁰ *Зачеркнуто:* уж яркое солнце садилось

Солдаты с Пьером остановились у крайнего балагана, пока встретивший их унтер-офицер пошел распорядиться, куда поместить нового пленного. Пока Пьер стоял тут, он слышал из-за досчатой стены говор многих русских голосов и ругательства²¹¹ и за ругательствами вдруг послышался дружный хохот.²¹²

«Ах, мне только быть с ними». В то же время несколько человек русских, увидав нового товарища, высунулись к нему из балагана, и унтер-офицер, указав конвойным на третий балаган с края, ввел туда Пьера. Человек 20 русских офицеров и солдат, все с радостными добрыми лицами, как казалось Пьеру, окружили его.²¹³ Его расспрашивали, ему рассказывали, ему предлагали поест. Пьер не успевал слушать и рассказывать и с благодарной улыбкой оглядывался вокруг себя.²¹⁴

Пьер отвечал, как умел, на все вопросы. Ему так просто и радостно было со всеми этими людьми,²¹⁵ но он не мог складно рассказывать, потому что челюсти его дрожали и он с страхом стыда чувствовал, что вот-вот он расплачется.

Пьер²¹⁶ ничего не рассказывал о том, что было до 3-го сентября,²¹⁷ он²¹⁸ как будто не верил тому, что было прежде. Все его воспоминания как будто начинались с пленения Москвы, как будто он начал жить только с 3-го сентября.²¹⁹ И все расспрашивали его преимущественно о том, как он остался в Москве, как попался, как и за что его судили?²²⁰ А главное о казни.

На вопрос о том, как его фамилия, он отвечал: Безухий, но говоря граф, и никто не обратил на это внимания. Многие офицеры знали²²¹ фамилию графа Безухого, но поняли, что это был только однофамилец; когда он на вопрос о том, какого он чина, отвечал, что он зачислен полковником в ополчении, никто не обратил на это внимания, все поняли, что он говорит неправду, потому что может говорить, что хочет, но это не помешало общему к нему участию.²²² Когда ему принесли картофельную похлебку с большим куском говядины, Пьер, испытывая неиспытанное наслаждение еды, прекратив разговор, весь погрузился в еду, только благодарными и радостными глазами оглядываясь вокруг себя.

После еды Пьер почувствовал еще более дружеское чувство ко всем окружавшим его людям и, укрепившись нервами, не чувствуя более дрожания челюсти, рассказал все подробности казни, которые он видел. Но, не докончив еще рассказа, который теперь больше волновал его слушателей, чем его самого, Пьер начал зевать и тянуться. Один из офицеров, говоривший по-французски, пошел к караульным [сказать] о том, чтобы Пьеру дали койку, которые были у всех офицеров; но Пьер, прося офицера не беспокоиться, сказал, что ему очень хорошо будет на земле, на соломе, так, как спали солдаты.²²³ Он, зевая, встал и в сумерках балагана пошел на другой конец, отыскивая себе место для ночлега. Один из офицеров, молоденький мальчик с выдавшимися скулами, пошел с ним, чтобы помочь ему устроиться.²²⁴

²¹¹ *Зач.*: Благо[даря?] Христа, борода не пуста: три волоска и те взъерошимшись, – сказал один насмешливый голос и в балагане

²¹² *Зач.*: при звуке которого, как солнечным светом, радостью обдала душу Пьера. В то же

²¹³ *Зач.*: расспрашивая его, рассказывая про свое житье в плену и предлагая ему чаю, похлебки, говядины, хлеба, водки.

²¹⁴ *Зач.*: Все знали уже, что он был присужден на казнь, и все с любопытством и участием спрашивали его.

²¹⁵ *Зач.*: Он чувствовал, что все они его братья

²¹⁶ Пьер *исправлено из:* Пьеру. *Далее зачеркнуто:* не только неприятно было говорить о дальнем и прошедшем

²¹⁷ *Зач.*: но

²¹⁸ *Зач.*: сам

²¹⁹ *Зач.*: <Он> Его

²²⁰ *Зач.*: Вообще расспрашивали о том, что было с ним в самое последнее время, а не о том, что было прежде.

²²¹ *Зачеркнуто:* имя

²²² *Зач.*: С этого дня Пьер в первый раз <в еде> узнал наслаждение еды когда был голоден.

²²³ *Зач.*: в одной, солдатской, стороне балагана

²²⁴ *На полях:* Офицер добрый, сказочник.

– Завтра мы от них вытребуем вам всё, – говорил офицер. – Ужасные сукины дети, я вам скажу. Ежели не просить... они ничего не сделают, ну да Иван Федор[ович] майор им задаст – он сейчас жалобу. Он умный и славный человек.

– Вы все так добры, – отвечал Пьер. – Я как в рай попал к вам.

– Ну, не очень-то рай, а порядочно, да, говорят, размен скоро. Это – наш сказочник – пресмешной.

Разговаривая, Пьер разглядывал в сумерках группы и отдельные фигуры солдат. В одном месте сидели, стояли и лежали человек 10 около сказочника, который громким, книжным голосом говорил:

– И вот, братцы мои... тот самый принц, *который* – (он особенно протянул и ударил слово *который*) и, остановившись, поглядел на Пьера, помолчал и продолжал: «вот, братцы мои, тот самый принц, *который*...» В другом месте солдаты играли в какую-то игру, в третьем – два о чем-то доверчиво разговаривали. Многие но одиночке сидели на соломе, что-то работая, некоторые спали. Все эти лица, фигуры, позы, звуки голосов – всё это было такое знакомое, родственное, любезное Пьеру,²²⁵ что ему вдруг всех хотелось и слышать и видеть.

– Да вот здесь, – сказал офицер, указывая на пустое место на соломе у стены. – Ребята, тут местечко барину дайте.

– Что ж, можно, – откликнулся голос.

– Да, вишь, ловок²²⁶, я и так Миронова²²⁷ вчера задавил, – сказал другой.

– Ну, вздор, вздор! – сказал офицер.

– Или в углу, там у Платона просторно, – сказал опять тот, *который*²²⁸ не соглашался пустить.

– Какого Платона? – спросил офицер.

– Каратаева, в углу-то. Да вот он сам.²²⁹

Среднего роста, несколько сутуловатый²³⁰ в груди и плечах человек в лаптях и солдатской шинели, слегка раскачиваясь и кругло неся руки, как бы собираясь обнять ими что-то, легким шагом подошел к ним.

– Дравиц порубил, – сказал этот человек с тем веселым оживлением, которое бывает у людей после физического труда, и тотчас же он прибавил:

– Что ж, положим у себя. Места много. Солома нынче свежая. Пойдем, барин, пойдем, соколик, – обратился он к Пьеру. Солдат этот говорил²³¹ не то чтоб быстро, но споро, не то чтобы он торопился говорить, но слова его вылетали из него, как будто они были тут уж во рту, как будто они нечаянно, переполняя его, выскакивали из него. И голос у него был поющий и приятный. Звук его голоса и манера говорить поразили Пьера.²³² Он, следуя за ним, ближе пригляделся к нему, и фигура, и приемы, и походка этого солдата подтвердили в Пьере его первое впечатление чего-то особенно приятного, успокоительного, и естественного, и круглого в этом человеке. Его движения были точно так же, как и его слова, не быстры, но споры: за одним движением как-то кругло следовало сейчас другое, и ни в одном движении не было заметно ни усилия, ни задержки, ни медлительности, ни торопливости. Подойдя к углу балагана, он нагнулся, взбил солому, подвинул, передвинул рогожки, подложил соломы в голова, прихлопнул рукою и встал.

²²⁵ *Зачеркнуто:* Как будто все

²²⁶ *Зап.:* куда ж я уберу работу-то

²²⁷ *В рукописи:* Миронову

²²⁸ *Зач.:* говорил, что

²²⁹ *Зач.:* Пьер оглянулся на указанного солдата и увидел того, кого называли П[латоном] К[аратаевым].

²³⁰ *Зач.:* круглый

²³¹ *Зач.:* чрезвычайно

²³² *Зач.:* Солдат имел во всей своей фигуре что-то успокоительное и круглое.

– Ну вот и милости просим, соколик. В тесноте, да не в обиде, – сказал он, садясь на солому и указывая Пьеру подле себя. Пьер сел, не спуская глаз, рассматривая в²³³ сумерках своего соседа, в котором он видел что-то особенно значительное и знакомое.

Первое впечатление, полученное Пьером от этого человека, было впечатление чего-то естественного, доброго и круглого. Всё, что он мог видеть из фигуры и лица этого солдата, было круглое. Голова, с которой он снял шапку, была совершенно круглая, большие глаза – круглые, рот, улыбка – круглые, усы и борода, обраставшие²³⁴ вокруг рта, составляли круг,²³⁵ грудь была высокая, округленная, спина округлялась в плечах, кисти рук были круглые.²³⁶ Еще прежде замеченный Пьером запах пота при приближении этого человека теперь усилился, когда Пьер лег с ним рядом, но запах этот был не неприятен Пьеру, а имел в себе что-то тоже значительное, естественное и круглое.

Солдат, как только сел на место, с той особенной споростью движений, которая так поражала Пьера, оглянул соседа и, вероятно предположив, что он хочет спать, тотчас же принялся за различные дела. Он аккуратно размотал бичевочки, которыми были завязаны его лапти, разулся, развесил свою обувь на колушки, вбитые у него над головами, достал ножик и кусок дерева из-под изголовья и начал²³⁷ резать что-то, то поглядывая на Пьера, то прислушиваясь к сказочнику, то сам с собой чуть слышно посвистывая и покачивая головой. Пьер думал сначала, что он заснет, но вид этого человека с его устроенным в углу хозяйством, с его спорыми, спокойными движениями привлекали всё его внимание, и он, не спуская глаз, смотрел на него.²³⁸ Порезав свою палочку, – это была ложка, которую делал солдат, – когда в балагане всё стало стихать, он так же уверенно, как будто до известного часа и минуты было назначено работать, вдруг²³⁹ перевернулся,²⁴⁰ положил на место ложку и ножик, встал и пошел к выходу.

– Ишь, шельма, пришла, – услышал Пьер опять его ласковый голос, – пришла, шельма, помнит. Ну, ну, буде. – И солдат, отталкивая от себя шавку, прыгавшую к нему, вернулся к своему месту, сел. Собака легла у его ног.²⁴¹ Солдат взглянул на Пьера и что-то хотел опять делать.

– Ты давно здесь? – спросил Пьер.

– А, не спите, барин, – сказал солдат со своей²⁴² споростью речи. – Я-то? В то воскресенье меня взяли. Из гошпиталя в Москве. Вот вторая неделя пошла.

– Что ж, тебе скучно тут? – спросил Пьер, приподнимаясь.

– Как не скучно, соколик! Меня Платоном Каратаевым звать, – прибавил он, видимо с тем, чтобы облегчить Пьеру обращение к нему. – Соколик прозвание. Как не скучать. Москва – она городам мать.²⁴³ Как не скучно на это смотреть. Москву заполонили, всю. Расею забрали. Как не скучно.

– Что ж ты думаешь, что уж конец России? – сказал Пьер.

²³³ Зачеркнуто: темноте

²³⁴ Далее переработанная копия автографа, см. вар. № 256, стр. 27.

²³⁵ Зач.: морщины на лице все были круглые

²³⁶ Зач.: но руки он держал в округленном положении, как будто собирался обнять что-то. Над зачеркнутым рукой Толстого на полях вписан дальнейший текст до конца абзаца. Далее также автограф вместо зач. копии.

²³⁷ Зач.: строгать

²³⁸ Зач.: Построгав

²³⁹ Зач.: взял

²⁴⁰ Зач.: чтобы

²⁴¹ Зачеркнуто: – Что, спишь, соколик? Спите, барин? – спросил солдат <почти> осторожным шопотом. – Нет, я не сплю, – ответил Пьер, приподнимаясь.

²⁴² Зач.: быстротой

²⁴³ Зач.: Так-то.

– Расеи конца сделать не можно, – спокойно и споро отвечал Платон, – потому Расеи да лету союзу нету. А по грехам. Покорись беде, и беда покорится. Терпеть надо. Да наше дело такое.²⁴⁴

[*Далее от слов:* Как же вы, барин, попали-то к нам. А? *кончая:* прислушиваясь к мерному храпению тотчас же заснувшего Платона, лежавшего подле него *близко к печатному тексту.* Т. IV, ч. 1, гл. XII.]

Новая глава

В балагане, в который поступил Пьер, было 23 человека пленных солдат, офицеров, чиновников. В замкнутой жизни этого небольшого общества людей, несмотря на исключительное положение – неволи, бедности, лишений, в к[оторых] они находились, сложились также резко и определенно все те формы жизни,²⁴⁵ в которых всегда и везде выражается человечество. Сделалось само собой разделение труда: одни солдаты занимались грубой работой, другие – устройством, третьи – высшими соображениями. Образовались классы высших (майор, чиновник и Пьер), средних – офицеров, фельдфебеля и²⁴⁶ еврея и низших – солдат. Отделился не класс – разряд людей: художников, поэтов, мыслителей (сказочник, шутник-солдат, Пьер, Каратаев), разряд людей, доставлявших духовную пищу. Выразилось вечное свойство человеческой природы: тщеславие. Люди гордились и тщеславились, выдумывая себе предлоги тщеславия: кто своим знанием французского языка, кто своим платьем и знакомствами. Чувство собственности, – хотя и, казалось бы, нечего было этим людям иметь собственного – точно так же связывало и разделяло людей. Играли в шашки и карты на деньги, которые некуда было употребить, и на платье и сапоги. Солдаты играли в бабки на бабки, которые не имели, казалось бы, никакой ценности, но которым придана была общим согласием искусственная ценность и можно было радоваться приобретению и печалиться потере их.

Точно так же, как и в каждом человеческом обществе, каждый человек, входивший в это общество, стремился занять высшее положение и от этого приходил в столкновение с другими и после ссор, иногда – драк, узнав свои и чужие силы, занимал то место, которое по его относительной силе подобало ему. То, что совершается и во всяком другом обществе, в каждом государстве – совершалось здесь, только гораздо очевиднее – совершалось то непостижимое сближение людей вследствие близости друг к другу. Совершалось то, что испытывает каждый человек, просидев в одной комнате несколько часов с другими людьми, когда входит новый человек. Новый человек – чужой, а те, с которыми пробыл три часа – [свои], и новый человек чувствует это и робеет в словах и походке. Совершалось то, совершенно тождественное притяжению атомов и отталкиванию атомов. После недели пребывания²⁴⁷ Пьер почувствовал, что это все свои – совершенно свои, а остальные, даже русские – совсем чужие, такие же чужие, как французы, и более чужие, чем французы, ходившие в караул.

*** № 260 (рук. № 96. Т. IV, ч. I, гл. XII, XIII, ч. 2, гл. XII).²⁴⁸**

III

Когда Пьера ввели к новым товарищам в балаган на Девичьем поле, на лице его еще были признаки испуга, страдания, покоренности – было общее выражение преступности, которое, независимо от виновности или невиновности, бывает на лицах людей, поставленных в положение преступников.²⁴⁹

²⁴⁴ *Зач.*: Не так живи, как хочется, а как бог велит.

²⁴⁵ *Зач.*: которые составляют всегда

²⁴⁶ *Зач.*: некоторых почти [?]

²⁴⁷ *В рукописи повторено слово:* недели

²⁴⁸ *Заново переработанная копия.*

²⁴⁹ *Зачеркнуто:* Из 23 человек пленных самых разнообразных званий и характеров (офицеров, солдат, чиновников), кото-

Пьер, остановившись посередине балагана, оглядывал вокруг себя.

– Милости просим в наши хоромы. У нас житье хорошее. Милости просим, соколик, – вдруг послышался Пьеру из угла балагана приятно-ласковый и спокойно-веселый голос, очевидно к нему обращавшегося человека.

Пьер оглянулся на голос и в углу балагана увидел²⁵⁰ среднего роста человека²⁵¹ в солдатской шинели и лаптях. Человек этот сидел, подвернув ноги калачиком, за тачанием сапогов.²⁵² В глазах, в звуке голоса этого человека было выражение спокойствия, добродушия и ласки. Пьер²⁵³ подошел к нему.

– Вот тут и садись, соколик, – проговорил²⁵⁴ этот человек, опрастывая подле себя место. – В тесноте, да не в обиде.

Первое впечатление Пьера²⁵⁵ при первом обращении этого человека еще более подтвердилось, когда он подошел к нему. Человек этот – чрезвычайно спокойный, добрый и твердый. Голова у него была совершенно круглая, как большой мяч. Глаза, очень приятные, были большие, карие и круглые. Рот раскрывался почти кругом, когда он говорил,²⁵⁶ усы и борода, обраставшие вокруг рта, составляли круг, морщины на лице все были круглые, грудь была высокая, округленная, спина округлялась в плечах, и кисти рук были круглые, и руки он держал в округленном положении, как будто собирался обнять что-то.

– Откуда бог принес? – сказал он, когда Пьер подошел к нему, и, привстав, протянул ему свою²⁵⁷ небольшую круглую руку. Это было не то пожатие руки,²⁵⁸ которое принято в высших классах, но то народное пожатие руки, которое означает особенную ласку, вызываемую только исключительным случаем встречи или прощанья. Пьер понял это.²⁵⁹ Круглый человек, взглянув поближе на Пьера, видимо огорчился выражением страдания и ужаса, еще бывших на лице Пьера, и хотел помочь ему, утешить или хоть развеселить его. Не дожидаясь ответа на свой вопрос, он тотчас же стал рассказывать про себя, как он остался раненым в Москве и как французы взяли его.

– Звать меня Платоном, соколик,²⁶⁰ Соколиком прозваны.

Несколько человек пленных, в том числе один офицер, теперь, когда Пьер уселся подле Платона, подошли к ним и²⁶¹ стали спрашивать Пьера, кто он, откуда он и что с ним было. Пьер отвечал на все вопросы и рассказывал им о казни, о том, как его²⁶² судили. Платон молча слушал, шевеля скулами.

– Э! Э! соколик, соколик, – сказал он, вставая. – Судили? За что тебя судили? Да и кто судил-то? Где суд, там и неправда. Так-то старички говаривали, соколик. – И со вздохом сказав эти слова, он пошел в другую сторону балагана и принес Пьеру печеного картофеля и черного хлеба.

рые были в балагане, недоверчиво, [1 неразобр.] любопытно оглянули большого, толстого человека в кучерском кафтане, с испуганным, преступным лицом введенного к ним, и никто первым не хотел обратиться к нему. Выражение лица Пьера стало еще более робкое и жалкое, когда

²⁵⁰ Зачеркнуто: небольшого

²⁵¹ Зач.: с <круглым лицом> круглой, отставшей бородкой

²⁵² Зач.: Он круглыми, большими, добрыми глазами ласково смотрел на Пьера и в

²⁵³ Зач.: невольно улынулся в ответ на его слова.

²⁵⁴ Зач.: круглый

²⁵⁵ Зач.: чего-то доброго и круглого

²⁵⁶ Зач.: и два полукруга белых, крепких зубов виднелись из-под

²⁵⁷ Зач.: заскорузлую

²⁵⁸ Зач.: которому от высших классов выучились дворовые, но то

²⁵⁹ Зач.: Солдат

²⁶⁰ Зач.: Каратаевым прозвали

²⁶¹ Зач.: офицер стал

²⁶² Зач.: взяли и

– Покушай, соколик, – сказал он. – С голоду Алашки и Малашки всласть.

Пьер, поблагодарив его, взял картофель и, чувствуя голод, начал есть, кусая его. Платон осторожно взял у него из рук картофель, достал из-за спины тупик и, положив на свою черную ладонь картошку, правильно разрезал, посолил и поднес Пьеру. Несмотря на сильный особенный запах сапожного товара и еще чего-то особенного, который распространял вокруг себя Платон и который остался на картофеле и хлебе, Пьер с удовольствием поел то и другое.

– Вот так-то, соколик, – прибавил он.

Вступив неожиданно в самые простые и почти дружеские отношения с своими товарищами, Пьер поместился рядом с Каратаевым.

Когда Пьер поел²⁶³ и другие пленные отошли от них, Платон стал спрашивать Пьера о том, что ему в рассказе Пьера, очевидно, было непонятно, именно то, зачем он стал драться с мародером. То, что Пьер бегал за ребенком, это Платон понимал и не то что одобрил, но видел в этом настоящее дело, но зачем он подрался с мародером, этого он не мог, видимо, уяснить себе.

– Да что ж ты, соколик, в ее вклепался? Что ж она тебе родничная?

– Нет, я рассердился, – отвечал Пьер. – Мне гадко видеть было, что он обижает ее.

– Эх, соколик, своему гневу господин, всему господин, так-то. А пожил бы ты себе на воле, ел, пил бы всласть, а то какую нужду увидел. Ноготок увяз, всей птичке пропасть. Да ты, милый человек, не тужи. От суммы да от тюрьмы никогда не отказывайся.

Он помолчал. – Думаешь пропал, а глядишь, лучше прежнего поднимешься. Несчастье на костылях, а счастье на крылах, старички говаривали. Не успеешь глянуть – прилетит. Так-то, друг мой любезный, – начал он, видимо, длинный рассказ, – жил я еще дома. Вотчина у нас богатая, земли много, хорошо живут мужики, а наш дом, слава богу, сам-сём батюшка косить выходил. Жили, как у Христа за пазухой. Случись.... – и Платон Каратаев рассказал длинную историю о том, как он поехал в чужую рощу за лесом и попался сторожу. Как его секли, судили и отдали в солдаты.

– Что ж, соколик, – говорил он, сияя круглой улыбкой, – думаешь горе, а радость. Брату бы идти, кабы не мой грех. А у брата меньшого сам-сём ребят, а у меня, гляди, одна солдатка осталась. Была девочка, да еще до солдатства бог прибрал... Пришел я на побывку, гляжу – лучше прежнего живут. Животов полон двор, бабы дома, два брата на заработках. Один Михайло меньшей дома. Батюшка и говорит: Платон, поди сюда, становись в красный угол. Я стал. Михайла, – говорит меньшому, – поди сюда и Матрешка, кланяйтесь ему в ножки, внучата кланяйтесь. Вот так почитайте его. Он вам заступа.

Так-то, милый человек, роковую овцу волк ловит, старички говаривали, соколик.²⁶⁴

Было уже темно в балагане, когда Платон кончил свой рассказ. Особенный запах Платона слышался сильнее. В балагане было тихо; но наружи²⁶⁵ слышались буйные крики драки и жалобный плач.

– Так я сужу, у бога всего много, – продолжал почти шепотом Платон. – Ты что, женат, соколик? – спросил он. – Дети есть, дом есть? – расспрашивал он, видимо наслаждаясь вперед благообразным житьем, в котором он представлял себе житье Пьера. – Стало, дом полный и хозяйка молодая осталась, – сказал он, – а всё не тужи, покорись беде, и беда покорится, – старички говаривали. – И он встал, начал креститься, приговаривая шепотом: «Господи Иисус Христос, Никола угодник, Фрола и Лавра, господи помилуй и спаси нас», несколько торжественно заключил он, и заметив, что Пьер не умел, как пристроиться на ночь, он ему, акуротно

²⁶³ Зачеркнуто: и они остались вдвоем

²⁶⁴ Зачеркнуто: И ты не тужи.

²⁶⁵ В рукописи: наружу

сложив ее, подложил рогожку под голова и расстелил ему одну сторону кафтана, другую дал покрыться.

– Вот так-то, – проговорил Платон, когда Пьер улегся. Пьер долго не спал, а с открытыми глазами лежал в темноте на своем ложе, счастливо улыбаясь и прислушиваясь к мерному храпению тотчас же заснувшего Платона, лежавшего подле него, и принохиваясь к его странному запаху.>

Со всеми товарищами по плену Пьер находился в дружеских и простых отношениях. Его любили, ценили за его знание французского языка, которое часто б[ывало] нужно, обращались с ним просто, но не почтительно, называя его Петр Кирилыч, и все как будто не знали или забыли о том, что он был богатый дворянин, как он рассказал им. <(На их расспросы в первый день он сказал им, что он был офицер, дворянин и имел дом, но не сказал про свое богатство и графское звание)>.

В том бедственном положении, в котором они все находились, все, и сам Пьер забывал, чем он был прежде.

²⁶⁶ Пьер в своих разговорах с караульными офицерами и солдатами чувствовал, что теперь уже никто не мог поверить ему, что он, оборванный пленный, был богатый, ни в чем не виноватый человек. Когда ему и случалось рассказывать про свое положение французам, он видел, что ему уже не могли верить, как поверил ему Рамбаль. И что верить в то, что он, богатый, невинный человек, находился в таком положении, было им неприятно и трудно.

Пьер сам как будто не верил тому, что он был прежде. Ему казалось, что всё, что было до дня казни, было очень, очень давно, десятки лет тому назад.²⁶⁷

Пьер не перешел на другой день ночевать на сторону офицеров, но остался рядом с Платоном, который произвел на него в первую ночь такое сильное и успокоительное впечатление. День он проводил с офицерами, но вечер[ом] он [с] наслаждением возвращался в пропитанный его запахом угол Платона Каратаева.²⁶⁸

Словоохотливые караульные, прежде охотно рассказывавшие Пьеру об общем ходе дел, о завоевании Петербурга, о зимовке в Москве, о богатствах, которые найдены, теперь²⁶⁹ или молчали, или сердились, когда Пьер спрашивал их о том, что слышно. Между пленными распространилось убеждение о том, что французам плохо приходится и что на днях они уходят из Москвы. То, что французы отнимали сапоги, шили себе рубашки, то, что везде на поле выдвигали повозки и укладывали их, то, что чаще двигались войска – всё подтверждало эти предположения.

*** № 261 (рук. № 97. Т. IV, ч. 2, гл. XII).²⁷⁰**

Со всеми товарищами по плену Пьер вступил сразу в самые дружеские и простые отношения,²⁷¹ но он не сблизился²⁷² ни с кем, кроме Платона²⁷³.

Его звали Петр Кирилыч, обращались с ним просто и дружелюбно. Все как будто не знали или забыли о том, что он был богатый дворянин, как он рассказал им. В том бедственном

²⁶⁶ *Зач.*: Пьер не только в своих

²⁶⁷ *Зачеркнуто*: Из всех бывших в балагане

²⁶⁸ *Зач.*: Первое [время] пленных содержали хорошо *На полях*: Простота офице[ра]. Пьер со всеми его...

²⁶⁹ *Зач.*: пленных стали кормить дурно и караульные

²⁷⁰ *Переработанная копия второй части предшествующего варианта.*

²⁷¹ *Зач.*: Его называли все Петр Кирилыч и барин, ценили и считали его чудачком.

²⁷² *Исправлено из*: сблизился

²⁷³ *Зач.*: Он дорожил своим уединением. Что-то такое было в Пьере, что всем этим самым разнообразным людям внушало к нему уважение. Ему не мешали, не заговаривали с ним, когда он того не хотел, и обращались с ним почтительно. Его звали Петр Кирилыч и никогда не говорили с ним про его прежнее житье.

положении, в котором они все находились последнее время, все, и сам Пьер, забывал, чем он был прежде. Пьер в своих разговорах с караульными офицерами и солдатами чувствовал, что теперь уже никто не мог поверить ему, что он – оборванный пленный – был богатый, ни в чем не виноватый человек. Когда ему и случалось рассказывать про свое положение французам, он видел, что ему уже не могли верить, как поверил ему Рамбаль. И что верить в то, что он, богатый и невинный человек, находился в таком положении было им неприятно и трудно. Пьер сам как будто не верил тому, что он был прежде. Ему казалось, что всё, что было до дня казни, было очень, очень давно, десятки лет тому назад.²⁷⁴

Жизнь его началась – ему казалось – четыре недели тому назад. И эти 4 недели казались ему чрезвычайно длинны, несмотря на то, что он ничего не делал во всё это время. Он вставал рано. До обеда смотрел на двери балагана, на солнце, на небо, на пожарища Москвы, на чуждое ему вокруг балагана движение жизни французского лагеря, изредка переговариваясь с товарищами или караульными французами о самых ничтожных, неинтересных предметах. Потом обедал, слушал толки товарищей, потом подходил то к кружку игроков в шашки, то к сказочнику. Потом ходил взад и вперед по балагану и думал. Это было его любимое время в сумерках. В темноте вечером большей частью он разговаривал с Платоном, засыпал, и на другой день было то же самое.

* № 262 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. I – III, VII, X).

Русское войско по тем естественным причинам, по которым всякое животное стремится туда, где оно может найти себе лучшее пропитание, передвинулось с Рязанской на Калужскую дорогу, французское войско, по столь же естественным причинам, добравшись последними усилиями до Москвы, остановилось в обильном, разрушенном городе, грабя его и, как стадо, топча под ногами, вырывая друг у друга тот корм, который бы мог пропитать,²⁷⁵ ожидало только того²⁷⁶ толчка, который бы выгнал его.

Вся французская армия²⁷⁷ находилась в сожженной Москве не в конце кампании, а неожиданно в самой середине ее. Каждый²⁷⁸ солдат чувствовал себя в положении человека, который, собрав последние усилия, взбежал на 20-ю ступеньку лестницы, полагая найти там убежище и отдых, и вдруг, уже взбежав наверх, убедился, что 20-я ступенька была только начала лестницы, бесконечно поднимавшейся вверх. Надо было идти выше или спускаться вниз, но выше идти не было сил, а спускаться было и трудно, и совестно, и страшно. Наполеон – этот гениальнейший из гениев, как утверждают историки, не мог, казалось бы, не видеть этого. И для того, чтобы собрать свое войско, уберечь продовольствие, которого было в Москве на год всему его войску, и идти назад или за русской армией для того, чтобы разбить ее, не нужно было особенной гениальности,²⁷⁹ нужно было гораздо меньше²⁸⁰ ума, внимания и распоряди-

²⁷⁴ *Далее зач. автограф, написанный на полях зач. копии:* Жизнь его как будто началась с того <вечера> <первого разговора с Платоном Каратаевым> вечера, как он, вслушиваясь во мрак балагана в слова <этого крестьянина> своего соседа, <смутно> начал чувствовать значение того божьего суда, который руководил человеческим умом, как говорил Каратаев, и еще более почувствовал это Пьер, когда на другое утро он, со всеми другими пленными, поднимавшимися рано, проснулся <до> еще в сумерках рассвета и вышел к двери балагана <День> <Погода была ясная, хорошая и теплая, солнце вставало на ясном небе. Пьер давно не видал этого> в то время, как ясно и торжественно всходило солнце за далекими <горами> горизонтами Воробьевских гор. *Далее на полях новый автограф.*

²⁷⁵ *Зачеркнуто:* их, оставалось в бездействии и

²⁷⁶ *Зач.*: чтобы нужда

²⁷⁷ *Зач.*: находилась в сожженной Москве <неожиданно> <в>, но чувствовалось

²⁷⁸ *Зач.*: человек

²⁷⁹ *Зачеркнуто:* но он нич[его]

²⁸⁰ *Зач.*: гения

тельности, чем на то, чтобы довести свои 500 тысяч не только до Москвы, но и до Немана, но он не сделал этого.

Историки его, однако, и тут описывают нам его гениальность, и изумительную деятельность. Они описывают нам,²⁸¹ какой он составил гениальный план будущей кампании. Тьер доказывает²⁸² фактами, что гениальный план этот был составлен не 9, как говорит Fain, а ровно 17. Хотя план этот и весьма гениален может быть, он никогда не был исполнен, потому что не мог быть исполнен, и потому [на] вопрос о том, почему Наполеон не сделал того, что казалось очень легко: не остановил грабеж, не собрал провианта и не вывел войска, мы не получаем ответа.

Из историков же, полагающих, что весь интерес события сосредоточивался в особе Наполеона, мы узнаем, что он действительно был очень деятелен, но деятельность его была направлена не к тому, на что указывал не только гений, но простой, здравый смысл. Мы узна[ем], что он писал из Москвы в Париж, приказания о тамошнем театре, что он беседовал подолгу с Тутолминым и Яковлевым, поручая этим совершенно частным, людям дипломатические поручения в Петербурге, что он обласкал детей воспитательного дома, что он приказал надписать *Maison de ma Mère*²⁸³ на богоугодных заведениях, что он приказал раздавать привезенные фальшивые рубли солдатам²⁸⁴ и погоревшим русским, что он приказал расстрелять несколько невинных людей, что он вместе с своим войском грабил серебро из церквей, почитая это собственностью своей армии, и вместе с тем. отдавал приказания о собрании в каждую часть излишка провианта и о прекращении грабежа – приказание, которое он, бывший солдатом, мог знать за неисполнимое. Он озабочен был весьма тем, чтобы были сожжены дома Растопчина и Разумовского и в особенности чтобы был взорван Кремль...

Это все мы видим из показаний тех историков, но не видим ничего такого, что бы клонилось к той цели спасения армии, которую предписывал здравый смысл. Мы видим, напротив, что, несмотря на то, что ему казалось, что он командует всем миром и своей армией, он так же, как и последний солдат его армии, оставался в Москве до тех пор, пока нужда, осень и перехваты обозов по Смоленской дороге не заставили его²⁸⁵ повернуться на этой 20-й ступеньке лестницы и пойти назад, не зная хорошенько (что видно из его противуречащих приказаний и из его, ничем не объяснимого, движения на Малоярославец и отступления после победы), не зная,²⁸⁶ как бежать вниз по той же лестнице, по которой он взобрался.

Всё это совершилось только потому, что это должно было так совершиться.

²⁸⁷ Между тем и в войсках русской армии не переставая шла та сложная²⁸⁸ игра мнимой власти, представляющей только отражение действительных событий.

В русской армии преобразовывался весь штаб. Замещались места убитого Багратиона и обиженного, удалившегося Барклая.²⁸⁹ Весьма серьезно обдумывали, что будет лучше: А поместить на место Б, а Б на место Д, или, напротив, Д на место А и т. д., как будто что-нибудь, кроме удовольствия А и Б, могло зависеть от этого. В штабе армии, по случаю этих перемещений, шла более чем обыкновенно сложная игра партий.²⁹⁰ А подкапывался под²⁹¹ Б,²⁹² Б под²⁹³ Д,²⁹⁴

²⁸¹ *Зач.*: как он отдавал из Москвы приказания о Парижском театре и

²⁸² *Зач.*: что

²⁸³ Дом моей матери

²⁸⁴ *Зач.*: *relevant l'emploi...* [возмещающая употребление...] *Ср. т. 16, стр. 12—13.*

²⁸⁵ *Зачеркнуто*: сдвинуться

²⁸⁶ *В рукописи*: знаю

²⁸⁷ *Зач.*: Вместе с тем

²⁸⁸ *Зач.*: работа в высших сферах, как той, так и другой <русской> армии продолжала свое дело и *вписано до конца фразы.*

²⁸⁹ *Зач.*: И в Петербурге и в армии с б. обсуживали

²⁹⁰ *Зач.*: Кутузов

²⁹¹ *Зач.*: Бенигсена

под²⁹⁵С и т. д. во всех возможных перемещениях и сочетаниях. При всех этих²⁹⁶ подкапываниях, кроме личных доносов друг на друга, как доносы²⁹⁷ Б государю о том, что Кутузов возит с собой казаком переодетую девку, предметом интриг большей частью было то военное дело, которым думали руководить все эти люди.

В Петербурге²⁹⁸ шла та же работа, изредка через посланных от государя, Чернышева, Волконского, отражаясь на армии. В Петербурге был составлен подробный и без сомнения более заслуживающий названия гениального, чем фланговое движение, план всей войны, присланный для руководства Кутузову. И с каждым почти курьером присылались Кутузову новые наставления.²⁹⁹ Но, кроме наставлений Кутузову, в Тарутино каждый день подвозили провиант и подходили войска. У Наполеона же с каждым днем убывали войска и уменьшался провиант.

И соответственно увеличению и уменьшению поднимался дух одной и падал дух другой армии, т. е. люди армии смутно сознавали то, что по неизвестным им, но существующим законам войны перевес должен быть отныне на стороне русских.

* № 263 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. IV—X).³⁰⁰

³⁰¹ О, какое счастье было бы описать Тарутинское сражение в духе певца во стане русских воинов. Как легко было бы такое описание и как успокоительно действовало бы оно на душу. Но Тарутинское сражение и приготовления к нему,³⁰² благодаря случайному обилию и скрещиванию матерьялов, я вижу, вижу перед глазами совсем в другом свете.

Но для чего же описывать его в этом другом свете, для чего разрушать возвышающее душу впечатление Певца во стане русских воинов? «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман». Какое приложение той низкой истины, что все люди — люди, а не герои?

Действительно, приятно думать, как летают перед полками и т. д., и пускай они бы оставались героями в смысле Гракхов и т. д. Это приятно для тех, которые³⁰³ отслужили свою службу, для тех, которые никогда не будут служить эту тяжелую службу войны, для дам в особенности, но этот, нас возвышающий обман, служит источником тяжелых, мучительных сомнений и страданий для всех тех, которым приходится или придется служить эту тяжелую службу войны. Кто из искренних, простых и честных военных, не тех, которые прямо поступают на службу с тем, чтобы ловить рыбу — денег, крестов и чинов в мутной воде службы, но тех, которые,³⁰⁴ молодыми людьми поступив на службу, любя отечество, славу,³⁰⁵ готовы к жертве, не испытывали мучительного сомнения, разочарования, не находя тех героев Греции между своими сослуживцами и начальниками и не находя, главное, в себе того, что им описывали в других. «Или люди стали другие, или я не гоюсь ни на что», думали мы все, и, не находя в себе той военной доблести, которую нам описывал певец во стане русских воинов, мы все переставали верить во всякую военную доблесть.

²⁹² Зач.: Бенигсен

²⁹³ Зач.: Кутузова

²⁹⁴ Зач.: Ермолов

²⁹⁵ Зач.: Бенигсена <Голя> <Коновницына>

²⁹⁶ Зач.: интригах

²⁹⁷ Зач.: Бенигсена

²⁹⁸ Зач.: <между> с своей стороны

²⁹⁹ Зачеркнуто: В французской армии происходило то же.

³⁰⁰ Автограф.

³⁰¹ Зач.: Приготовления к Тарутинскому сражению и самое сражение благодаря запискам некоторых очевидцев со всех

³⁰² Зач.: я вижу

³⁰³ Зач.: никогда

³⁰⁴ Зач.: готовы жер[твовать]

³⁰⁵ Зач.: любят

Одно это практическое применение низкой истины уже доказывает то, что одна низкая истина дороже для нас тьмы возвышающих обманов.³⁰⁶

[Далее от слов: 4-го числа утром против воли Кутузов подписал диспозицию, кончая: различные перемещения были сделаны в штабе *близко к печатному тексту*. Т. IV, ч. 2, гл. IV—VII.]

³⁰⁷ И Бенигсен совсем рассорился с К[утузовым] и ³⁰⁸написал государю донос на Кутузова, не забыв упомянуть ³⁰⁹о том, что Кутузов с собой возит девку, переодетую казаком.

Историки Наполеона рассказывают нам про его гениальные планы, изумительную деятельность, распоряжения в Москве, рассказывают, как учреждено было правительство в Москве, как *les popes furent*,³¹⁰ как сам император, чтобы развеселить армию, учредил театр, сам посещал его, и какие меры он принимал к обеспечению армии жизненными припасами.³¹¹

Итак, для нас личность Наполеона и все подводимые потом под его случайную деятельность историками мнимые разумные причины не могут иметь интереса, потому что, допустив, что один человек мог иметь власть на других, мы не можем объяснить себе, почему этот человек не употребил свою власть на то, чтобы сделать самое простое и легкое – вывести армию из Москвы или обеспечить в Москве, а употребил свою власть на то, чтобы сделать из бесчисленных путей, предстоявших ему, то, что было глупее и пагубнее всего, как то показали последствия. Из всего, что бы ни придумать, что мог сделать Наполеон – зимовать в Москве, идти на Петербург, идти в Нижний, идти на русских, идти назад – севернее или южнее, тем путем, которым пошел Кутузов – ну что бы ни придумать, глупее и пагубнее того, что сделал Наполеон, – т. е., колеблясь оставить или не оставить гарнизон, выйти из Москвы, подойти к Кутузову, не начать сраженья, пойти влево, дойти до М[алого] Я[рославца], опять, не испытать случайности, пробиться, пойти не по той дороге, по которой пошел Кутузов, а пойти назад на Можайск и по разоренной Смоленской дороге – глупее этого ничего нельзя придумать. <Ежели он был> гениален и имел власть, как же он сделал всё это? Он, тот Наполеон, который через несколько месяцев после делал³¹² Бауциновский и Люценовский походы.³¹³

Поэтому-то им не может быть интересно то, что происходило в голове и душе этого человека, а мы видим, что он, не имея ни больше власти, ни ума, чем последний солдат его войска, составлял часть всего огромного целого – французского войска. Состояние этого войска только имеет для нас значение.

³¹⁴ Положение, в котором находилась эта армия, можно видеть из следующих документов. В конце сентября написано было и распространено след. воззвание (М[ихайловский]-Д[анилевский], 141 и 142).³¹⁵

³⁰⁶ На полях след. листа конспект: Французов никогда не перещеголять нам во лжи, в единодушии лжи – веры – у них Тарут[ино] победа. Но зато и нам не постигнуть нашей правды и вот наша победа. *Faites venir les popes*. [Верните попов.] Переход на Калугу требовал и государь. Герои пускай, да молодежь не вводи во искушение. — Офицеры говорят, что Ермолов хотел подкатить Коновницына. С брюшком. — Как разбирать дело между драчунами. Таково положение историка. 79 стр. М[ихайловского]-Д[анилевского]. (Письмен. Бенигсен нужно.) Багавут с Толем. Кутузов на Ермолова. Атака Тар[утинская] оттого, что л[евый] ф[ланг] не защищен. Одни казаки. Казаки стали грабить. Был 14 [?] разъезд.

³⁰⁷ На полях рукой С. Л. Толстой заметка: Бауценовскую и Люценовскую. (См. далее сноску 1 на стр. 54.)

³⁰⁸ Зачеркнуто: уехал из армии.

³⁰⁹ В автографе: упоминать

³¹⁰ [вернули попов.]

³¹¹ Слово: припасами взято из наборной рукописи. В автографе его нет, а стоит знак ⊗. Далее зачеркнуто: Но так как

³¹² След. четыре слова в автографе неразборчивы. Восстанавливаем их по наборной рукописи и по записи С. Л. Толстой на полях (см. сн. 2 на стр. 53).

³¹³ Зачеркнуто: Историки объясняют всё это. Тьер говорит, что, получив известие о Тарутинском нападении, на смотр корпуса Нея он решил *ruinir les Russes et faire une belle manœuvre* и т. д. — слова без малейшего смысла. Тьер решил это, так как все объяснения не имеют никакого смысла.

³¹⁴ Зач.: Между тем французская армия продолжала догравливать Москву. Состояние

³¹⁵ См. наборн. рук., вар. № 292, стр. 172—173.

Никто не отозвался на этот призыв. Генерал-интендант пишет следующее: М[ихайловский]-Д[анилевский], выноска, стр. 137.

Император, решив, что надо потворствовать суеверию,³¹⁶ <велел> fitamenez les popes,³¹⁷ но на это последовало только следующее донесение (М[ихайловский]-Д[анилевский], выноска 1, 140 стр.) Император несколько раз приказывал остановить грабеж. На это отвечали донесения, говорившие о том, что невозможно остановить грабеж (М[ихайловский]-Д[анилевский], выноски 3, 2, стр. 140).³¹⁸

Дисциплина в армии падала, по гвардии отдавались беспрестанно приказы то о том, что часовые не окликают, то о том, что не делают даже чести императору, то о том, что М[ихайловский]-Д[анилевский] (стр. 15, французское).³¹⁹

[Далее от слов: Положение всего войска было подобно положению раненого³²⁰ животного, кончая: бежит назад, по самому невыгодному, опасному пути, но старому следу совпадает с предпоследним абзацем гл. X, ч. 2, т. IV окончательного текста.]

Кто не только из старых, опытных генералов, не говоря уже о самом Наполеоне, кто из солдат, взглянув на этот в 20 верст длины обоз, в 8 рядов, с накраденным добром, блядьми,³²¹ не видел, что в таком положении армия не может двигаться по чужому краю, по которому везде рассыпаны враги и нет провианту, но они шли.

* № 264 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. XI, XIII).³²²

<В³²³ это же время после того, как пленных солдат два дня посылали работать какие-то паромы на Москве-реке, Каратаев заболел опять лихорадкой, от которой он лежал в московском гошпитале, когда его взяли, и жизнь Пьера изменилась³²⁴ тем, что он был лишен привычного общества Каратаева.

Пьер, благодаря своему знанию языка, находился в самых дружеских отношениях с занимавшими караулы у пленных французами. Приходя в караул, большинство солдат и офицеров с ласковой улыбкой, как с старым знакомым, здоровались с Пьером. За ним установилось прозвище le grand chevelu³²⁵ между французами. Караульные солдаты, особенно ласковые с Пьером, и ко всем остальным пленным <были> дружелюбно, оказывая им услуги, которые были в их власти.

6-го октября в караул заступил один из самых добродушных³²⁶ офицеров, старых знакомых Пьера.³²⁷ Офицер этот, не скрываясь, сообщил Пьеру, что дела французов плохи и что, как слышно, завтра всё выступает и пленных поведут с собою.

— Но что же сделают с больными? — сказал Пьер. — У нас в балагане один солдат совсем умирает, а другой тоже³²⁸ болен лихорадкой и едва ли будет в состоянии идти.³²⁹

³¹⁶ Зач.: народа, при[казал]

³¹⁷ [привести назад попов,]

³¹⁸ См. наборн. рук., вар. № 292, стр. 173.

³¹⁹ См. оконч. текст, т. 12, ч. 2, гл. X, стр. 91, строки 5—8.

³²⁰ Зач.: зверя, не зн[ающего]

³²¹ Зачеркнуто: и ранеными

³²² Автограф.

³²³ Зач.: 1-х числах октября

³²⁴ Зач.: еще

³²⁵ [волосатый великан]

³²⁶ Зач.: унтер

³²⁷ Зач.: Унтер

³²⁸ Зач.: очень

³²⁹ Зач.: (Этот другой солдат, про [которого])

Француз отвечал, что, вероятно, больных оставят в гошпитале или возьмут с собою в гошпитальных повозках.³³⁰

Этот другой больной, про которого спрашивал Пьер, был Платон Каратаев.>

Около полудня Каратаев начинал бледнеть, синеть, дрожать, шел в свой угол, ложился под шинель и лежал таким образом, не шевелясь, и тихо стонал до другого утра. Признаки его болезни, как и все проявления³³¹ его жизни,³³² были так просты и естественны, что³³³ они были почти незаметны.³³⁴

– Платоша-то наш, Соколик, опять умирает, – говорили, посмеиваясь, его товарищи, глядя на кучкой свернутое и укрытое шинелью его неподвижное тело.³³⁵

6 октября весь³³⁶ день³³⁷ было заметно особенное движение между французами: двигались войска, ездили посланные и³³⁸ фуры и даже ломались балаганы французов и кухни. Всю ночь слышалось движение войск, но о пленных всё еще не было никакого распоряжения. На другой день, 7-го октября,³³⁹ в карауле при пленных стоял молодой человек итальянец,³⁴⁰ один из самых старых знакомых офицеров Пьера. Офицер этот, красивый,³⁴¹ молодой человек, всякий раз как был в карауле,³⁴² приходил к Пьеру и³⁴³ подолгу разговаривал с ним³⁴⁴ Офицер этот, учтивый, хорошо воспитанный и скромный молодой человек, был³⁴⁵ приятен Пьеру в особенности по тому странному сходству, которое было в верхней части его лица с лицом Наташи. Сходство это было совершенно – в глазах, в линии носа, во лбу, но сходство это продолжалось только до тех пор, пока лицо было спокойно, не улыбалось. При улыбке что-то короткое, мелкое чувствовалось в этом лице. И Пьер не любил его улыбку.³⁴⁶ В первый раз, как итальянец, разгово[ри]вшись с Пьером и, пораженный его речью и манерами, расспросил его, кто он, офицер³⁴⁷ обещал непременно³⁴⁸ освободить его. Но, придя в другой раз, он не возобновил об этом разговора. И Пьер, поняв из его молчания неудачу его попытки, не спрашивал об этом.³⁴⁹ На вопросы Пьера о Рамбале и о том, где может находиться теперь его полк (Пьер запомнил название полка), офицер ничего не мог ответить.³⁵⁰ Он не только не знал Рамбала, <но не знал даже и про существование такого полка – не знал даже, где находился теперь корпус Мюрата, к которому принадлежал Рамбаль. Из слов его и суждений о французской армии Пьер в пер-

³³⁰ *Зач.*: Поговорив с Пьером, француз ушел, а Пьер остался

³³¹ *След. слово вписано над строкой.*

³³² *Зачеркнуто:* в Каратаеве

³³³ *Зач.*: ничего не

³³⁴ *Зач.*: Без малейшего сомнения, <или. борьбы или надежды, помощи или страха, он шел ложиться, лежал, покоряясь болезни, ложился и потом вставал, как будто никогда не был болен.

³³⁵ *На полях конспект:* Похож на Наташу, но туп. В опере [1 неразобр.] заверяет [1 неразобр.] *Зач.*: <Из числа> Караульные солдаты и офицеры вообще во всё это время обращались с пленными хорошо. Пьер же пользовался, как и между своими товарищами, так и между ними особенным, ласковым уважением.

³³⁶ *Исправлено из:* всю и *зач.*: ночь

³³⁷ *Зач.*: укладывались повозки французов

³³⁸ *Зач.*: подъезжали

³³⁹ *Зач.*: так же, как и обыкновенно, заступил новый караул. Офицер этого караула и *вписаны след. пять слов.*

³⁴⁰ *Зач.*: был

³⁴¹ *Зач.*: молодой и тихой

³⁴² *Зач.*: бесед[овал] под [ходил]

³⁴³ *Зач.*: вероятно, скучая в карауле

³⁴⁴ *Зач.*: В первый раз

³⁴⁵ *Зач.*: очень

³⁴⁶ *На полях заметка:* Ген[ерал]-интен[дант]. Вправо девки

³⁴⁷ *Зач.*: видимо, был поражен историей Пьера и

³⁴⁸ *Зач.*: узнать как и донести генералу и

³⁴⁹ *Зач.*: Пьер спросил его однажды

³⁵⁰ *Зачеркнуто:* Из

вый раз очевидно ясно понял всю громадность этого целого французской армии, о которой он привык делать такие быстрые заключения. Пончини, очевидно, был. самый³⁵¹ обыкновенный офицер, разделявший взгляд большинства армии.³⁵² Офицер этот, имевший знакомства с людьми высших чинов армии, ничего не знал об общих целях и движениях армии. Он не обсуждал никогда общего положения, а только верил. Наполеон, которого он никогда не видал, был для него отдаленная,³⁵³ великая сила, которой покоряться и служить было несомненно хорошо,³⁵⁴ но анализировать которую было не только невозможно и бесполезно, но и вредно. Их разговоры с Пьером поэтому бывали всегда самые интимные и состояли преимущественно из рассказов Пончини о своей родине и о своем тихом и счастливом житье-бытье в Генуе, где у его деда был дом, сад и где была его родина.

7-го числа утром Пьер³⁵⁵ сидел с ним у двери балагана.³⁵⁶ Пончини, не скрываясь, рассказывал Пьеру, что³⁵⁷ войска выступали ночью и что забирают всё с собою, но что выступают ли все, или только часть, он не знал. Точно так же он ничего не мог сказать про пленных. В их дивизии, которая держала караулы, было приказано быть готовыми к походу, но приказания о выступлении еще не было. Пьер <рассп>росил о том, что будут делать с больными, ежели пленных поведут с собой, и сказал, что один солдат у них был почти умирающий, и другой (Каратаев) тоже был так болен, что едва ли мо[жет] идти.

— О! на это есть гошпитали и здесь, и подвижные, — отвечал Пончини. — Потом у нас будут повозки, на кот[орые] мы всегда можем посадить слабых. Вы согласитесь, что что бы ни было на войне,³⁵⁸ мы вам не делали зла и делали, что могли, — сказал он с доброй улыбкой, к[оторую] не любил Пьер. Пьер не мог не согласиться, что пленные не могли жаловаться.³⁵⁹

Погода была волшебной прекрасная.³⁶⁰ Тот хрустальный, ясно неподвижный блеск был на всем, который бывает только осенью — бабьим летом. Было тепло на солнце, и тепло это имело особенную прелесть теперь.³⁶¹ Из двери балагана виднелся дом на Воробьевых горах и в синей дали Мамоновский дом и белые облака на лазурном небе. Вблизи виднелся дом Алсуфьева, занимаемый французами, и на дворе кусты сирени с еще не обсыпавшимися листьями. Везде были развалины, нечистоты, во время пасмурной погоды безобразно отталкивающие, но теперь эти самые нечистоты и развалины были величественно прекрасны и успокоительны в этом чудном солнце. Воробьи стаями перелетали на сиреневых кустах, и паутины даже и здесь, между людьми, блестели мокрые на нижних ветвях кустов.³⁶²

Одеяние Пьера.....³⁶³

Ноги его были босые. Он держал в своих толстых руках соломинку и перегибал ее, изредка взглядывая то на Пончини, то на воробьев, то на свои босые ноги. И всякий раз, как он взглядывал на свои расставленные под углом ноги с толстыми большими пальцами, на лице его

³⁵¹ *Зач.*: средний

³⁵² *Зач.*: (Офицер этот очевидно) Вообще

³⁵³ *Зач.*: непостижимая

³⁵⁴ *Зач.*: Армии его были бесчисленны, и следить за ними было невозможно, а надо было делать свое дело и собирать лавры под его покровительством и *вписано до конца фразы.*

³⁵⁵ *Зач.*: рано вышел к и *вписаны след. четыре слова.*

³⁵⁶ *Зач.*: ожидая встр[ечи] с тем, чтобы расспросить кого-нибудь из французов о выступлении. Пончини скоро, расставив часовых, подошел к нему

³⁵⁷ *Зач.*: все

³⁵⁸ *Зач.*: французы

³⁵⁹ *Зач.*: Пончини присел с Пьером на лавочку у двери балагана, и они разговорились.

³⁶⁰ *На полях:* сирен[евые] кусты у Алсуфьева дома.

³⁶¹ *Зачеркнуто:* Против входа

³⁶² *Зач.*: Пьер

³⁶³ *Многоточие в автографе.*

пробежало чуть заметное выражение удовольствия. Вид этих босых ног его напоминал ему всё то, что он пережил в это время, всё то, что он понял: воспоминание это было³⁶⁴ успокоительно.

Вдалеке слышно было движение, но вокруг балаганов было тихо и голоса слышались особенно резко. В погоде было что-[то] заковывающее, неподвижное, и люди невольно подчинялись этому. Они говорили тихо и задумчиво.

– Это правда, – говорил Пончини, – в Москве много было сделано грабежей и злодейств – я ездил прошлое воскресенье – но это не войска, а мародеры, их невозможно удержать, и русские.

– А какая удивительная погода, – сказал Пьер.

– Да, это мне напоминает виноградные сборы, – сказал Пончини, и он начал рассказывать, какой у них сад был в Италии и как они собирали виноград. В то время, как он рассказывал, Пьер глядел на него, удивляясь и радуясь странному сходству и невольно мечтая о том, что могло бы быть.

«Князь Андрей умер, думал он. Ежели бы умерла моя жена, я бы мог жениться на Наташе. Я уверен, что она пошла бы за меня».

Солдат подбежал к офицеру, призывая его к приехавшему начальнику. Пончини встал, ласково улыбнулся Пьеру.

– До свиданья, – сказал он и, отвечая на прежний вопрос, прибавил: – Во всяком случае, что от нас будет зависеть, вы знаете, что мы сделаем для вас всё, что можно.

Когда Пончини ушел, Пьер продолжал думать о той, на кого он был похож.³⁶⁵

«Да, стоит умереть этим двум, думал он, и тогда было бы очень хорошо. Каратаев говорит (Пьер рассказывал Каратаеву свои отношения к жене), что надо ее побить, поучить и что она смирится, но он не понимает, с ней мне невозможно счастье. Л при ней я не могу быть спокоен. Как бы хорошо ей умереть. И, верно, она умрет. Это так нужно мне. Как это Каратаев болен в эту погоду. Впрочем, именно в эту погоду или очень здоров, как я (он взглянул на босые ноги), или болен».

– Что, Петр Кирилыч, что говорил офицер? – спросил чиновник пленный.

– Да неизвестно, – отвечал Пьер.

– А идут все, вон видно за балаганами. Погода-то хороша.

Чиновник прошел. Пьер продолжал задумчиво глядеть на воробьев.

Офицера позвали к³⁶⁶ французу офицеру, который приехал узнать, почему до сих пор не выступили пленные, и велел, чтобы поправить ошибку или недоразумение, выступать как можно скорее.

Пьер не помнил, кто первый и как ему объявил о выступлении. Когда он очнулся, мимо него взад и вперед бегал народ, подходили батальоны, выдвигали повозки на двор Алсуфьевского дома, и он почувствовал сообщившуюся ему общую поспешность и радость. Он пошел обуваться в сапоги, которые сшил ему Каратаев. В балагане гудело веселыми голосами собиравшихся. Лежали только горячечный и Платон.

– Что ж, Платон, идти, идти, – сказал Пьер.

Платон поднял голову,³⁶⁷ оглянулся и, поняв в чем дело, сел и стал обуваться. Лицо его было (так) бледно-сине, что Пьер³⁶⁸ поспешно вышел из балагана с тем, чтобы переговорить с офицером о больных. Два француза солдата стояли у двери, торопя пленных.

³⁶⁴ *Зач.*: ра[достно]

³⁶⁵ *Зачеркнуто*: и несмотря

³⁶⁶ *Зач.*: начальнику

³⁶⁷ *Зач.*: и как бы не по[няв]

³⁶⁸ *Зач.*: испугался

– Voyons vite,³⁶⁹ dépêchez-vous.³⁷⁰

Пьер обратился к одному из них, спрашивая, где офицер. Солдат этот, прежде ласковый (Пьер его знал), сердито крикнул на Пьера, чтоб он не смел выходить.

– Я приду, вы меня знаете.

– A vos place, sacré nom, voilà la consigne,³⁷¹ – крикнул он.

– Le lieutenant me demande,³⁷² – сказал Пьер.

– Eh bien, faites vite,³⁷³ – крикнул сердито солдат.

Грубо строгое это, так противоположно прежнему, обращение солдата поразило Пьера, но ему некогда было думать. Он побежал к воротам дома, у которого Пончини с другими возился у повозок, укладывая что-то.

– Eh bien qu'est ce qu'il y a?³⁷⁴ – холодно оглянувшись, как бы не узнав, сказал Пончини. Пьер сказал про³⁷⁵ больных.

– Ils pourront marcher que diable,³⁷⁶ – сказал Пончини, отворачиваясь, и принялся за укладку.

– Да нет, они не могут идти, – сказал [Пьер], – один, верно, нынче, завтра умрет.

– Eh bien on le laissera où il est, voilà tout,³⁷⁷ – сказал другой. Пьер начал было говорить, как вдруг Пончини крикнул на него и велел солдату отвести его на место.

– Allez à ce qui vous regarde, faites vite vos paquets et marchez, voilà tout.³⁷⁸

Пьер пошел в балаган. Каратаев, собравшись, возился с французом, примеривая ему рубаху, и сам торопился, как и все. Через 5 минут всё было готово. Солдаты строго пропускали мимо себя, считая, пленных.

– Filez, filez,³⁷⁹ – сердито приговаривал Пончини.

***№ 265 (рук. № 97. Т. IV, ч. 2, гл. XI, XIII).³⁸⁰**

6 октября весь день двигались войска, ездили посланные и фуры и ломались балаганы французов и кухни; но о пленных всё еще не было никакого распоряжения. На другой день, 7 октября, все пленные солдаты³⁸¹ были на работе – таская и укладывая кули муки для французов; в балагане оставались только два больных солдата, офицеры и четыре человека, шившие рубашки для французов. В том числе был и Каратаев, распевавший песню своим тонким голосом. Пьер стоял у двери балагана.

Погода стояла ясная, тихая, теплая, так называемое бабье лето. Лист уже обвалился с деревьев, летняя трава засохла, всё, казалось, приготовилось к зиме, но³⁸² новая трава легла отовсюду и почки надувались на кустах и деревьях.

Тот хрустальный, ясно неподвижный блеск, который бывает только осенью, волшебной красотой освещал и голубое небо и землю.

³⁶⁹ *Зач.*: il faut marcher [надо идти]

³⁷⁰ [– Ну, скорее, поторапливайтесь.]

³⁷¹ [– На место, чорт возьми, раз приказано.]

³⁷² [– Меня зовет поручик.]

³⁷³ [– Ну, живо.]

³⁷⁴ [– Ну, что такое?]

³⁷⁵ *Зачеркнуто*: ране [ных]

³⁷⁶ [– Они могут идти, чорт возьми.]

³⁷⁷ [– Ну что ж, его оставят на место, только и всего.]

³⁷⁸ [– Не суйтесь не в свое дело, собирайте скорее ваши вещи и идите, вот и всё.]

³⁷⁹ [– Проходите, проходите.]

³⁸⁰ *Переработанная копия предшествующего варианта.*

³⁸¹ *Зач.*: исключая тех, которые умели шить сапоги и рубахи

³⁸² *Зач.*: теплое, как

Было тепло на солнце, и тепло это с кристальной свежестью утреннего заморозка, еще чувствовавшегося в воздухе и имело особенную прелесть.

Из двери балагана виднелся далеко на Воробьевых горах белый дом Мамонова, далеко, но отчетливо определенно своими линиями и углами [на] лазурном небе с пухлыми белыми облачками. Вблизи виднелся дом Алсуфьева, занимаемый французами, и на дворе кусты сирени с еще темнозелеными старыми листьями. Везде были развалины, нечистоты, во время пасмурной погоды безобразно отталкивающие, но теперь, в этом прозрачном, неподвижном воздухе и ярком свете, эти самые нечистоты и развалины были величественно прекрасны и успокоительны. Стайки воробьев, весело чирикаая, то взад, то вперед перелетали по ограде сиреневых кустов.

[Далее от слов: Одевание Пьера теперь состояло кончая: и воспоминание это было ему приятно близко к печатному тексту. Т. IV, ч. 2, гл. XI.]

Из балагана слышалось пение Каратаева, со всех сторон слышны были резко³⁸³ голоса переговаривающихся. Но в погоде было что-то заковыдающее, неподвижное, и голоса эти не нарушали блестящее спокойствие, лежавшее на всем.³⁸⁴

³⁸⁵ – Eh bien, comment allez vous, mon cher monsieur?³⁸⁶ – сказал³⁸⁷ Пьеру, подходя к нему, коренастый, румяный офицер, – il fait bien beau, n'est ce pas?

Офицер этот был один из самых старых знакомых караульных³⁸⁸ офицеров, который всегда, бывая в карауле, подолгу беседовал с Пьером. В первый раз, как, разговорившись с Пьером, этот офицер узнал, каким образом Пьер попал сюда, он³⁸⁹ обещался непременно довести о том до сведения высшего начальства.³⁹⁰ Но, придя в другой раз,³⁹¹ не возобновлял об этом разговор.³⁹² Офицер этот был неглуп, имел некоторое образование и,³⁹³ строго исполняя долг службы, любил отдыхать от забот службы в разговорах,³⁹⁴ не касающихся службы, которые он и заводил всегда с Пьером. Он был одним из самых рядовых офицеров французской армии. Он не имел знакомств в высших сферах армии и ничего не знал и не хотел знать об общих целях и соображениях.³⁹⁵

³⁸³ Зачеркнуто: веселые

³⁸⁴ Зач. автограф на полях: Пьер видел, как прошел Карат[аев], за угол караул французов на смену тех, которые стояли вчера, и ждал <чтобы> <новых караульных с тем, чтобы расспросить у них про новости дня> то, что слышно о выходе и о пленных. Со всеми караульными, и солдатами и офицерами, сменявшимися и раза по три бывавшими в карауле за этот месяц, Пьер, благодаря своему знанию языков, находился в самых дружеских отношениях. Караульные, и солдаты и офицеры, со всеми пленными обращались хорошо <снисходительно и добродушно> (в особенности: французы), но к Пьеру все одинаково были не только ласковы, но уважительны <как> <почему-то признавая в нем что-то особенное от других. И всякий раз офицеры подолгу беседовали с ним>. Из всех офицеров, сменявших в карауле, один провансалец Alphonse Senequier <коренастый, румяный>, сухощавый, нахмуренный и желчный, круглолицый человек <был> особенно <приятен Пьеру своим добродушием и простотою. Он всегда приходил к Пьеру и подолгу разговаривал с ним> сблизился с Пьером. Офицер этот был чрезвычайно строг и требователен в деле службы, <но раз разговорившись с Пьером, он> Далее автограф на полях и над зачеркнутым текстом копии.

³⁸⁵ Зач. вписанное Толстым на полях: 7-го октября Сенекие заступил в караул и Пьер с удовольствием увидел своего старого знакомого, выходящего из-за угла балагана. <Вслед за солдатом к двери подошел Сенекие и окликнул Пьера.> Окончив служебные

³⁸⁶ [– Ну как вы поживаете, дорогой меесье?]

³⁸⁷ Зачеркнуто: он, подходя к Пьеру и пожимая ему руку – Il fait bien beau, n'est ce pas [погода хороша, не правда ли]. И он, прислонившись к двери балагана, достал трубку и стал набивать ее.

³⁸⁸ Далее знак переноса: X на исправленную копию и зач.: и он сел рядом с Сенекие на пригороженную у двери лавку.

³⁸⁹ Зач.: пришел в ужас от этой несправедливости, которая была оказана Пьеру, и

³⁹⁰ Зач.: и освободить его.

³⁹¹ Зач.: Сенекие казался смущенным и

³⁹² Зач.: и только казался особенно ласковым с Пьером и подолгу всякий раз беседовал с ним о разных предметах, не касавшихся войны и службы.

³⁹³ Зач.: свято

³⁹⁴ Зач.: с умным и образованным человеком.

³⁹⁵ Зач.: Наполеон <в его глазах>, которого он никогда не видел, в его глазах была отдаленная, великая сила, о которой

Из его суждений о французской армии Пьер в первый раз очевидно ясно понял всю громадность этого целого, о котором он привык делать такие быстрые соображения.³⁹⁶ Пьер спросил его однажды о том, где может находиться теперь полк Рамбаля, и³⁹⁷ офицер не только не знал полка Рамбаля, но не знал даже, где находился корпус Мюрата, к которому принадлежал Рамбаль. Их разговоры с Пьером бывали самые интимные и состояли преимущественно из рассказов³⁹⁸ о своих домашних интересах, о влиянии революции, о духовенстве, о домашнем житье-бытье в³⁹⁹ Гренаде, где была его родина. Он расстегнулся и сел на лавочку подле Пьера.⁴⁰⁰ Пьер спросил об том, что слышно о выступлении.⁴⁰¹ Офицер, не скрываясь, рассказал всё, что он знал.

Он сказал, что часть войск выступила куда-то ночью, но что выступают ли все и поведут ли пленных, он не знал. В их дивизии, которая держала караулы, только велено быть готовым, к выступлению.⁴⁰²

⁴⁰³ Офицер достал и набил трубку и предложил ее Пьеру.

– Какая погода, точно юг...

– Но как же сделают с больными?⁴⁰⁴ – перебил его Пьер, отказываясь от трубки, – ежели нам придется выступать, у нас в балагане один солдат не может идти.

⁴⁰⁵ Офицер поморщился. Он не любил говорить про дела службы. Однако он ответил. Он сказал, что об этом позаботятся, что в Москве остаются гошпитали и с собой, вероятно, как и всегда, возьмут подвижной гошпиталь.

– У нас и повозки будут, – прибавил он. – И во всяком, случае, если мы пойдем вместе, я вас прошу рассчитывать на меня, у меня два экипажа, и они к вашим услугам.

Пьер поблагодарил.

– Много сделано зла, это правда, – сказал⁴⁰⁶ офицер, – но вы согласитесь, что мы не были жестоки и делали всё, что от нас зависело, чтоб облегчить ваше положение, – сказал он.

–⁴⁰⁷Правда, – сказал Пьер.⁴⁰⁸

– *Ca me rappelle les vendanger chez nous. Oh c'est beau. Mon, grand père qui est fermier a deux vignes,*⁴⁰⁹ – и офицер, покуривая трубку, рассказывал Пьеру о своих дорогих домашних, деревенских воспоминаниях. Через полчаса, около полдня, офицер ушел обедать. Солдаты, бывшие на работе, вернулись и пленным, велено сейчас же готовиться к выступлению.⁴¹⁰

В балагане гудело веселыми голосами собиравшихся.

судить нельзя было. Служил же он потому, что служить было похвально и выгодно.

³⁹⁶ *Зач.*: Когда

³⁹⁷ *Зач.*: Сенекие

³⁹⁸ *Зач.*: Сенекие

³⁹⁹ *Зач.*: Тулоне

⁴⁰⁰ *Далее на обороте листа зач.*: 7-го октября Сенекие заступил в караул. Два солдата его роты прошли мимо Пьера в балаган <к Каратаеву>. Пьер спросил у них, что слышно про выступление, но солдаты ничего не могли сказать ему. Один из них подошел к караулу, спрашивая, готова ли его рубашка. *Далее текст переходит к автографу на полях и над зачеркнутой копией со знаком: X.*

⁴⁰¹ *Зачеркнуто:* и Сенекие

⁴⁰² *Зач.*: <Закурив> Достав и набив трубку, офицер присел на лавочку, собираясь побеседовать. Два солдата прошли в балаган, и Пьер слышал, как замолкла песня Каратаева и он ста

⁴⁰³ *Зач.*: Сенекие

⁴⁰⁴ *Зач.*: сказал

⁴⁰⁵ *Зач.*: Сенекие

⁴⁰⁶ *Зач.*: Сенекие

⁴⁰⁷ *Зач.*: Да, это

⁴⁰⁸ *Зач.*: Они помолчали, и Сенекие начал тот разговор, который ему хотелось завести. – Чудная погода.

⁴⁰⁹ [– Мне это напоминает сбор винограда у нас. Ах, как это красиво! У моего деда, фермера, два виноградника,]

⁴¹⁰ *Далее после зач. двух листов копии текст направленной копии. Зач.*: Новая глава.

Платон своими спорными движениями обматывал свои онучи, бечевочками и давал советы Пьеру, как обернуть портянками, приобретенными Платоном,⁴¹¹ свои ноги.

– Что ж, Соколова-то куда денут? – сказал Платон, глядя на одного, не шевелившегося и свернувшегося под шинелью солдата.

Пьер подошел к солдату и спросил, может ли он идти. Лицо солдата было бледно, и глаза налиты кровью. Он не понял, что у него спрашивали, и ничего не ответил.⁴¹²

Пьер поспешно вышел из балагана с тем, чтобы переговорить с офицером о больных. Два французских солдата стояли, у дверей, торопя пленных.

– *Voyons, vite dépêchez-vous.*⁴¹³

Пьер обратился к одному из них, спрашивая, где офицер. Солдат этот, прежде ласковый (Пьер его знал), сердито крикнул на Пьера, чтобы он не смел выходить.

– Я приду, вы меня знаете.

– ... *grr*, – обругался солдат, выставляя ружье.

– *Le lieutenant me demande,*⁴¹⁴ – сказал Пьер и пошел с такою решительностью на солдата, что солдат принял ружье.

– *Eh bien, faite vite, sacré... grr...*⁴¹⁵ – крикнул с ругательством солдат.

Грубо строгое это, так противоположное прежнему, обращение солдата удивило Пьера.

Выбежав к воротам дома, у которого его знакомый румяный офицер с другими возился у повозки, укладывая что-то, Пьер подошел к нему и начал говорить.

– *Eh bien qu'est ce qu'il y a?*⁴¹⁶ – холодно оглянувшись, как бы не узнав, сказал офицер.

Пьер сказал про больных.

– *Ils pourront marcher, que diable,*⁴¹⁷ – сказал он, отворачиваясь.

– *Mais non, il est à l'agonie,*⁴¹⁸ – сказал Пьер.

– *Eh bien, on le laissera là où il est,*⁴¹⁹ – сказал офицер.

– *Il faudrait au moins...*⁴²⁰ – начал было говорить [Пьер], как вдруг офицер, грубо обругавшись, крикнул на него и велел солдату отвести его на место.

– *Allez à ce qui vous regarde, faites vos paquets et marchez, voilà tout.*⁴²¹

<Пьер вошел в балаган. Каратаев, собравшись, прощался с больным солдатом. Все уже были готовы и прощались с остававшимися солдатами>

* № 266 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. XII—XIV).⁴²²

Одно последовательное занятие Пьера за это время, кроме внутренней работы мысли, состояло в наблюдении признаков общего положения французов – той таинственной силы⁴²³ порядка, которая его водила из места в место, привела на казнь, спасла от смерти и бросила в балаган пленных.⁴²⁴ Не отдавая себе в том отчета, Пьер непрестанно внимательно следил за

⁴¹¹ *Зач.*: из остатков шитых рубах

⁴¹² *Зачеркнуто*: Другой солдат только стонал, но

⁴¹³ [– Ну, скорое, поторапливайтесь.]

⁴¹⁴ [– Меня зовет поручик.]

⁴¹⁵ [– Ну, живо, чорт возьми...]

⁴¹⁶ – Ну, что еще?

⁴¹⁷ – Они пойдут, чорт возьми,

⁴¹⁸ – Да нет же, он умирает,

⁴¹⁹ [– Ну что ж, его оставят на место.]

⁴²⁰ [– Надо хотя бы...]

⁴²¹ [– Не суйтесь не в свое дело, собирайте ваши вещи и идите, вот и всё.]

⁴²² *Автограф на двух листах.*

⁴²³ *Исправлено из*: того таинственного порядка

⁴²⁴ *На полях конспект*: Спасительный клапан. Погнали. Шитье рубах, обозы. Пьер не видит, смотрит, куда поставить ногу.

этим порядком – за этой силой, управлявшей его судьбой, и в последние дни сентября заметил, что⁴²⁵ эта сила стала ослабевать, в ней проявилось колебание, нерешительность, и Пьер стал верить в то, что время разрушения этой силы порядка – и вследствие того его освобождения – близко.⁴²⁶

В конце сентября слышно было про передвижения французских войск – в одно утро слышались выстрелы недалеко, в это же время стали пленным кормить хуже, и французы караульные обирали сапоги с пленным. И с Пьера сняли его тонкие, прорванные сапоги. Заболевшего пленного солдата не взяли в госпиталь, а он умер тут же. Прежде охотно рассказывавшие Пьеру караульные об общем ходе дел – о завоевании Петербурга, о богатствах, найденных в Москве, о зимовке в России, теперь или молчали, или сердились, когда Пьер спрашивал их о том, что слышно было. – 1-го октября все караульные пришли с сапожным товаром и⁴²⁷ холстом, который они получили накануне, и пленные солдаты,⁴²⁸ умевшие шить и тачать, были засажены за работу. Везде на поле видны были выдвигаемые повозки и передвижения войск, и никто ничего не⁴²⁹ говорил им, но все пленные были убеждены, что французы выходят на днях из Москвы⁴³⁰ и что их *погонят*⁴³¹ тоже.

Все стали собираться к выходу – т. е. прилаживали себе, как могли, платье и обувь. Пьер, служивший переводчиком перед французскими офицерами за всех своих товарищей, 2-го октября от имени товарищей объявил французскому офицеру, что пленные просят, чтобы им возвратили их отобранное платье и обувь, что они слышали, что их ведут с армией, а что в таком положении они идти не могут. При этом Пьер указал на свои босые ноги.

Караульный офицер, немец (последнее время караул держали вестфальцы), полагая, что пленным объявлено выступление,⁴³² принял участие в пленных и обещал донести об этом начальству. Заинтерес[ованный] знанием немецкого языка Пьером, он расспросил его, кто он и как попался, и обещал донести и о нем особенно. Но тут Пьер заметил, что прежнего порядка не существовало. Добросовестный немец, взявшись за дело, исполнил обещание. Вечером, придя к Пьеру в балаган, он сообщил ему о нем лично, что нельзя было по спискам добиться того, кто он и где, как взят и что о всех пленных ничего не известно. При этом немец⁴³³ дал Пьеру три рубля ассигнациями, которые Пьер с благодарностью принял.

Несмотря на то, пленные готовились к выступлению, и Каратаев, умевший шить сапоги и платье, работал по ночам со свечой, которую давали ему. Из цибикивого ящика, который ему принес француз для подшивки подметок к своим сапогам, Каратаев сшил обувь вроде башмаков Пьеру.

Погода стояла ясная, теплая, тихая – так называемое бабье лето. Весь лист уже обвалился с деревьев, трава засохла, всё приготовилось к зиме, а небо⁴³⁴ было теплое, голубое и солнце грело, как летом⁴³⁵. Трава и почки деревьев и вся природа как будто не знали, что им делать,

Снег. Жюно обоз задержали. Шалели, не расстреливали. Зима началась поздно. 27 октября первый снег.

⁴²⁵ *Зачеркнуто*: этот порядок

⁴²⁶ *Зач.*: Выводы свои Пьер делал не из разговоров товарищей и караульных. Разговоры эти были самые странные и непоследовательные. То говорили, что французы уже в Петербурге, то говорили, что они <всю> <пер[езимуют]> зимуют в Москве, то что <Наполеон уехал> заключен мир. Но выводы свои Пьер делал из самых мелких, незаметных

⁴²⁷ *Зач.*: рубашками

⁴²⁸ *Зач.*: все были засажены

⁴²⁹ *Зач.*: сказал положительного

⁴³⁰ *Зач.*: что фр[анцузы]

⁴³¹ *Зач.*: куда

⁴³² *Зачеркнуто*: не скрывая того, что ф[ранцузы]

⁴³³ *Зач.*: предложил

⁴³⁴ *Зач.*: сияло лазурью

⁴³⁵ *Зач.*: Была та осенняя погода нерешительности и ожидания

ждать или распускаться. То чувство ожидания и страха, которое было в душе Пьера, усиливалось этой погодой, которая выражала то же чувство нерешительности и ожидания.

«Хоть что-нибудь поскорее», думал он в полдень 2-го октября, стоя у двери балагана и ожидая обеда, глядя на кухни и на двигавшиеся войска по полю.

Долгое время Пьер ничего не видел вокруг себя, кроме тех новых лиц русских пленных, которые шли впереди, сзади, подле него. Это все были такие же лица, как те, которые были с ним в балагане, такие же одеяния, те же выражения лиц.

Видимо, про пленных было забыто при выступлении армии и потом послано за ними и назначено им место.

Поэтому первое время пленные с конвоем шли одни и очень быстро, очевидно догоняя колонну, чтобы попасть в свое место.

При выходе из заставы пленные попали в самую середину движущихся бесконечных обозов. Издалека, подходя к заставе, слышались звуки движения экипажей, топота лошадей и криков бесчисленных голосов. Подойдя со стороны к заставе, мимо которой, теснясь, тянулись бесконечные ряды повозок, фур, телег, карет, дрожек, нагруженных до верха вещами, некоторые с женщинами и детьми, пленные остановили. Все пленные затеснились вперед, чтобы увидеть это красивое, оживленное⁴³⁶ зрелище поезда.

Пьер протеснился вперед. В ярких лучах вечернего солнца блестели мундиры, наряды женщин, лак экипажей, сбруи лошадей. Это напомнило ему разъезд с майского гулянья в Сокольниках. Только что теперешнее движение было оживленнее и веселее. Веселые крики французских голосов погонщиков, веселые лица, бойкие речи, улыбки, смех проезжавших – всё это сливалось в воздухе в один веселый звук. В числе ехавших карет между повозками Пьер узнал свою карету и своих серых лошадей. В карете в красной шали сидела красивая женщина, наурмяненная и насурмленная. На козлах сидел французский гусар и другой, арап.

– Франсуа, Франсуа, – кричала девка, высовываясь из окна кареты. – Экий чорт, не слышит, – прибавила она в то самое время, как проезжала мимо пленных.⁴³⁷ Карета проехала, за ней толпилось стадо волов,⁴³⁸ зеленых фур, на одной из которых сидела женщина с ребенком, и взади в дрожках в русской упряжи с бубенцами ехало два французских офицера, шапки набекрень, с красными лицами.

– Une bonne farce, Roussel!⁴³⁹ – прокричал один из них, и они, цепляя за повозки, проехали и опять остановились за быками. За ними двигались с огромными, как горбатые, мешками за плечами⁴⁴⁰ высокие люди в ботфортах и синих доломанах и касках и говорили на каком-то непонятном Пьеру языке. Это были спешенные кавалеристы. Потом опять повозки, опять кареты, опять команды. Пьер думал, что пленные должны примкнуть к самому хвосту колонны, и боялся, что конца не будет этому движению, но немец офицер, ведущий их,⁴⁴¹ выехал вперед в толпу и, спросив что-то у денщиков, ведущих в пополах лошадей, командовал своим, и пленных вывели на дорогу впереди этих лошадей в пополах и длинного в несколько рядов обоза, ведомого людьми в одинаковых⁴⁴² мундирах и имевшего одни и те же буквы на крышках фур и вензеля с герцогской короной на покрывалах и каретах. Это был обоз Жюно, состоявший из 107 повозок, наполненных ризами, крестами, утварью, картинами. Пленным велено было идти впереди обоза маршала с тем, чтобы обоз был безопаснее.

⁴³⁶ Зачеркнуто: в ярких

⁴³⁷ Зач.: и она

⁴³⁸ Зач.: с повод[ьями]

⁴³⁹ [– Хороша шутка, Руссель!]

⁴⁴⁰ Зач.: боль[шие]

⁴⁴¹ Зач.: вдруг

⁴⁴² Зач.: ливрея

Вступив в ряды, Пьер опять не мог видеть ничего, кроме окружающих его лиц пленных, и потом весьма скоро всё внимание его обратилось на землю и на свои ноги. Как ни хороша была обувь, сшитая Каратаевым, она была широка и жестка, и непривычные ноги без чулок скоро потерялись. Сзади, с боков, спереди Пьер слышал ропот этого текущего моря⁴⁴³ слышал чаще и чаще повторяемые с разных сторон ругательства и крики. Но Пьер не наблюдал этого: всё внимание его было поглощено его ногами и неровностями земли, на которую он ступал.⁴⁴⁴

Шли очень скоро, не отдыхая, до вечера. И только когда стало темно, оказалось, что передние остановились и задние надвинулись так, что кареты Жюно въехали в пленных и дышлом пробили повозку, которую вез с собой немецкий офицер, ведущий пленных. Долго в темноте слышались ругательства, отчаянно злобные крики и драки. Но как бы сами собой между тем, несмотря на путаницу, крики и драки, – с разных сторон разгорались огни, становились козлы для котлов и варилось и жарилось мясо. На этом переходе в первый раз Пьер узнал, что он ел лошадиное мясо тогда, когда уже он поужинал.

Его теперь занимали три вещи – лихорадка Каратаева, который ничего не ел и, дрожа, лежал у костра, его собственные ноги, – особенно левая, сильно потершаяся, и несомненные признаки разрушения того французского порядка, который владел им. Этот порядок мог погубить его и чуть не погубил его. Но он же его и спас, и от него теперь, от этого порядка, зависело всё существование Пьера. А порядок этот, видимо, разрушался. Последний признак этого разрушения Пьер увидал в двух немцах, подошедших к их костру и громко говоривших между собой.

Они видимо только что подрались (Пьер слышал эту драку издалека) с людьми Жюно, и подрались не одними руками, а оружием. У одного немца был разрублен лоб в кровь. И он хвастался тем, что его врагу еще хуже досталось. Он ругал и начальника обоза, и Наполеона, и, главное, Жюно, который наградил себе целый город и теперь мучает народ, заставляя караулить и давя других.

*** № 267 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. XIV).⁴⁴⁵**

Как всегда бывает при смотре на большое количество однообразно двигающихся людей, впечатление личностей, людей уничтожалось и заменялось общим впечатлением характера движения. Это испытывал теперь Пьер, глядя на двигавшихся французов. Он не видал людей отдельно, а видел движение их. И характер⁴⁴⁶ этого движения был такой однообразно-стремительный и поспешный,⁴⁴⁷ что Пьер так же, как и все те, которые дожидались, испытывал одно непреодолимое⁴⁴⁸ желание поскорее принять участие в этом движении. Все эти⁴⁴⁹ люди, лошади как будто гнались какой-то невидимой силой туда вперед по Калужской дороге, помимо их воли. Все они в продолжение часа, во время которого их наблюдал Пьер, выплывали в горло воронки из разных улиц с одним и тем [же] стремлением скорее пройти, все они одинаково, сталкиваясь с другими, начинали сердиться, драться и не успокаивались до тех пор, пока не⁴⁵⁰вступали в широкую Калужскую улицу.

⁴⁴³ *Зачеркнуто:* но он не мог у[слышать]

⁴⁴⁴ *Зач.:* <Ты только> Дай размочим, вот важно

⁴⁴⁵ *Автограф на полулисте.*

⁴⁴⁶ *Зач.:* поспешности и стремительности

⁴⁴⁷ *В рукописи осталось незачеркнутым:* что Пьер чувствовал

⁴⁴⁸ *В подлиннике:* непреодолимое

⁴⁴⁹ *Зачеркнуто:* повозки

⁴⁵⁰ *Зач.:* исчезали

*** № 268 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. XIV).⁴⁵¹**

Казалось, все эти люди испытывали теперь ввечеру, когда⁴⁵² они остановились посередине поля в холодных сумерках осеннего вечера, одно и то же чувство неприятного пробуждения от охватившей всех при выходе радостной поспешности стремительного куда-то движения. Остановившись, все как будто поняли, что не всегда будет так весело идти и идти куда-то, что⁴⁵³ неизвестно еще, куда идут, и что на этом движении много будет тяжелого и трудного. Пьер⁴⁵⁴ несколько устал, был голоден⁴⁵⁵ и неприятное зрелище мертвеца, женщин⁴⁵⁶ и всего разорения, которое он видел, было у него перед глазами.⁴⁵⁷

Воспоминание об оставленном солдате и слова капитана тоже неприятно подействовали на него. Но невольно вследствие того, что становилось трудно, он чувствовал себя особен- но⁴⁵⁸ готовым и мужественным.

Пожинав похлебкой из ржаной муки с лошадиным мясом и поговорив с новыми товарищами-офицерами – предметом разговора было то же самое, что поразило и Пьера: виденное разорение Москвы и перемена обращения конвойных – Пьер⁴⁵⁹ встал и пошел ходить между кострами пленных. Было уж совсем темно. Начинало свежеть, обещая к утру мороз. Яркие звезды высыпали на небе. Справа от дороги поднималось зарево полного месяца. Вблизи, вдалеке,⁴⁶⁰ сколько мог видеть глаз и слышать ухо, виднелись костры и слышался⁴⁶¹ гул огромного лагеря.

Полный месяц⁴⁶² поднялся выше,⁴⁶³ и⁴⁶⁴ красные огни костров стали бледнеть и как будто тухнуть. Как ни⁴⁶⁵ шумно было это огромное сборище людей, тишина ночи, несмотря на их шум,⁴⁶⁶ стояла над ними и поглощала их. Как ни странно было это сборище людей, как ни странно⁴⁶⁷ враждебны были эти люди между собой, тихая⁴⁶⁸ красота этой ночи поглощала их странность и злобу и любовно⁴⁶⁹ соединяла их.

⁴⁵¹ Автограф на двух листах.

⁴⁵² Зач.: зашло солнце, и холодные сумерки стали сгущаться над ними и вписано, кончая: вечера,

⁴⁵³ Зач.: не сразу дойдешь куда-нибудь и что

⁴⁵⁴ Зач.: испытывал это же чувство. Он

⁴⁵⁵ Зач.: ноги его болели

⁴⁵⁶ Зач.: воспоминание об оставленном больном и слова к[апитана?], к[оторые] он слышал,

⁴⁵⁷ Зач.: <Ему некогда однако было останавливаться на своих мыслях, да и он не хотел этого делать; его [то] туда, то сюда беспрестанно звали, чтобы служить переводчиком. Когда же он и освободился, он ни на минуту не позволял себе опускаться и выдумывал себе занятия, чтобы не предаваться своим мыслям. Он помогал > <Кроме того> перед ужином полковник, имевший высшее начальство над пленными, призвал к себе Пьера и велел ему передать своим товарищам, что всех тех, которые вздумают отставать или попытаются бежать – велено пристреливать. Услышав это приказание, Пьер нахмурился и сказал, что он приказания этого не намерен передавать и, не отвечая полковнику, говорившему еще что-то, ушел от него. Солдаты и офицеры стояли все вместе. Солдаты пленные (все) таскали дрова для костров и готовили котлы. Пьер помогал им <и, столкнувшись с Каратаевым, подошел к его костру>. Каратаева он не встретил в этой большой толпе пленных, хотя шавка несколько раз подбегала к Пьеру. Поужинав похлебкой из ржаной муки с лошадиным мясом, Пьер <устроился у костра на ночь рядом с товарищем чиновником, бывшим с ним в балагане, и другими двумя незнакомыми офицерами. Офицеры говорили о разорении Москвы и бранили французов>, поговорив с товарищами, улегся на ночь у костра с пленными офицерами. Пьер разговорился с ними. Один старичок, с отросшей щетиной седой бороды на сморщенном подбородке, рассказывал Пьеру свою историю.

⁴⁵⁸ Зачеркнуто: оживленным и свежим

⁴⁵⁹ Зач.: не поддаваясь тому унынию, которое начинало находить на него, подбадриваясь,

⁴⁶⁰ Зач.: покуда

⁴⁶¹ Зач.: говор. Далее зач. текст вар. 269.

⁴⁶² Зач.: еще красный только что

⁴⁶³ Зач.: на рост человека

⁴⁶⁴ Зач.: <огонь> красный свет его играл с красным светом костров и вписано до конца фразы.

⁴⁶⁵ Зач.: странно, как ни

⁴⁶⁶ Зач.: лежала на

⁴⁶⁷ Зач.: хотели они ненавидеть друг друга и вписаны след. шесть слов.

Месяц взошел выше, серебром обливая далекие поля и леса, выступившие в его свете⁴⁷⁰
За далекими полями и лесами открывалась всё дальше и дальше светлая мгла.

– Благодарю тебя, господи, помилуй меня,⁴⁷¹ – сказал себе Пьер, вернувшись к костру, лег и заснул.⁴⁷²

*** № 269 (рук. 96. Т. IV, ч. 2, гл. XIV).⁴⁷³**

<Лиловая шавка,⁴⁷⁴ привыкшая к Пьеру во время его соседства с Каратаевым,⁴⁷⁵ радостно визжа, подбежала к Пьеру.⁴⁷⁶ Пьер приласкал ее⁴⁷⁷ и пошел за нею.⁴⁷⁸ У крайнего костра сидело и лежало человек 20 пленных, и между ними Пьер узнал Каратаева по его круглой фигуре и по звуку его добродушно веселого, спорого голоса. Каратаев, видимо, и не думал о своем прежнем товарище, ему было так же хорошо с новыми.

Между солдатами шел оживленный говор.⁴⁷⁹

– А что ж <ты> говоришь, конина поганая. Она поганая, да она сладкая.

– Вишь, кобылятина полюбилась. Чистый француз, ребята... Хранцузам она гожається, потому – нехристи.

– Ведь что сделали, идола – мишень из икон поставили. Стало черти. А как они, братец ты мой, на это скверны, что чистоты никакой. Ему всё одно... – слышались голоса.

–⁴⁸⁰Стадо большая, соколик, и дурные и хорошие есть, – сказал голос Каратаева. —⁴⁸¹А вот говорили, что он соборы пожег. Все целы. Глянул я с мосту. Вся краса божья целехонька стоит, потому нельзя ему божьего дома разорить, так-то.⁴⁸² А, Петр Кирилыч, что, как бахи-лочки мои служат? – спросил он, увидав Пьера.

– Ничего, хорошо. Вы как шли?

– Да тоже ничего.⁴⁸³ Петров-то ведь обманул их... (Это был убежавший солдат.)

– Да, да, – сказал Пьер. Сесть со всеми вместе ему не хотелось; а одинокие беседы его с Платоном теперь кончились. Он сказал еще несколько слов и,⁴⁸⁴ отойдя от костра, сел на траве>

*** № 270 (рук. № 97. Т. IV, ч. 2, гл. XIII, XIV).⁴⁸⁵**

Новая глава

⁴⁶⁸ *Зач.*: <любовная> <величественная> любовь и вписаны след. два слова.

⁴⁶⁹ *Зач.*: сливала их в одно прекрасное целое.

⁴⁷⁰ *Зач.*: Костры тухли, люди засыпали.

⁴⁷¹ *Зач.*: говорил

⁴⁷² *На обороте листа написан конспект*: Отпор пленных весельем. Французы грубы за то, что лошадиное мясо. Увидав месяц, ждет тоски и напротив – успокоение. Не понимает и не ищет понять, босые ноги. Каратаев, месяц. Собака не знает, чья и как зовут, а хвост крючком.

⁴⁷³ *См. сн. 4 на стр. 70.*

⁴⁷⁴ *Зачеркнуто*: <привыкшая> Платона Каратаева

⁴⁷⁵ *Зач.*: несколько раз подбегала и вписаны след. три слова.

⁴⁷⁶ *Зач.*: на этом привале.

⁴⁷⁷ *Зач.*: встав от костра

⁴⁷⁸ *Зач.*: в темноте уверенный, что она приведет его к своему хозяину. Действительно

⁴⁷⁹ *Зач.*: Ведь что сделали идола, – говорил один солдат, – крест с церкви стащили, из икон мишень для пальбы исделали

⁴⁸⁰ *Зач.*: Тоже и вписаны след. два слова.

⁴⁸¹ *Зач.*: Стадо большая.

⁴⁸² *Зач.*: Видали, как анерал к нам подъехал на мосту. Так хорошо говорил.

⁴⁸³ *Зач.*: Соколов

⁴⁸⁴ *Зач.*: пошел дальше

⁴⁸⁵ *Автограф, перемежающийся с почти сплошь зачеркнутой копией предшествующей редакции.*

Про пленных, видимо, было забыто при общих распоряжениях о выступлении и теперь, когда вспомнили о них в половине дня, им велено было как можно скорее догонять выступившие уж колонны и поступить в назначенное место. Конвойные торопили пленных, пленные сами радостно торопились:⁴⁸⁶ им предстояла большая радость движения и перемены места, которой они были лишены столько времени. Когда отворили двери всех балаганов, то пленные, как стадо баранов, давя друг друга, бросились к выходу с громким говором, заглушавшим крики конвойных солдат.

Когда все пленные вышли на поле, конвойные отделили пленных офицеров от солдат (Пьер, разлученный с Каратаевым, попал в число офицеров) и, строго подгоняя отстающих, быстро повели их вверх через поле..... к Калужской заставе.

Окруженный новыми лицами русских офицеров пленных, Пьер рассматривал их, прислушивался к их говору, сам разговаривал с ними и, проходя по незнакомым ему пожарищам, ни разу не подумал о том, что эти пожарища были Москва. Человек 50 офицеров пленных быстро и весело двигались с громким говором. Спереди шли французы солдаты, тоже весело болтавшие, сзади на расстоянии ста шагов шла большая толпа человек 300 солдат пленных, в числе которых был Каратаев. Пьер знал это, но в огромной толпе не видел своего друга. И без Каратаева Пьер чувствовал себя одиноким.

[Далее от слов: Пленные офицеры, выпущенные из других балаганов, кончая словами: «Да ведь знаете, что сгорело, ну о чем толковать», – говорил майор близко к печатному тексту. Т. IV, ч. 2, гл. XIII.]

Подходя к Калужской заставе, внимание пленных перенеслось невольно от вида пожара Москвы к виду скрывающегося из глаз обоза и артиллерии, движущихся по Калужской дороге и по улицам предместья, подходившим к заставе. Подойдя со стороны к заставе, пленные остановились на площади,⁴⁸⁷ и вся толпа их, теснясь, бросилась к дороге,⁴⁸⁸ чтобы увидеть красивое, оживленное зрелище в несколько рядов с веселым грохотом колес и говором нерусских голосов тянувшегося поезда. Пьер в числе других теснился к дороге. Конвойные строго крикнули на пленных, заграждая им дорогу штыками, и унтер-офицер, знавший Пьера, крикнул ему, чтобы он передал товарищам, чтобы они не сходили с места, ежели не хотят, чтобы их перевязали.

Пьер вернулся с другими назад и сел на дом [?] подле майора, закуривавшего трубку. Майор обратился к Пьеру, расспрашивая его, кто он и ничему знает язык. Пьер отвечал майору и вместе с тем прислушивался к неумолкаемому веселому звуку вседвигающегося поезда, к говору пленных, влезших на фундамент обгорелого дома и оттуда смотревших на дорогу.

– Эка народу-то, народу-то, смотрите, ведь это самого Наполеона обоз... – говорили пленные со стены. – И на пушках-то, и на фурах сидят. Это – больные. Вишь, стервецы, нагнали, ведь это церковное. Вон у того-то на телеге, сзади за каретой-то. Эка доброто! Батюшки мои, смотрите, с ребеночком! – Чудеса. А народ красивый. Это французские лошади... дрянь... И наш мужик, ей-богу! Ах, подлецы!

Пьер встал и пошел к стене; с помощью тех, которые были наверху, он влез, и ему открылось красивое, веселое зрелище.

В ярких лучах вечернего солнца он увидел впереди, по извивающейся Калужской дороге бесконечную вереницу, в несколько рядов двигавшиеся блестящие на солнце пушки и в красивых мундирах кишевших между ними солдат. Немного впереди заставы артиллерия кончалась и виднелось стадо быков, окруженное солдатами и повозками, и за быками начинался обоз

⁴⁸⁶ *Зачеркнуто:* как будто

⁴⁸⁷ *Зач.*: Некоторые сели на земле отдыхая, некоторые подвинулись вперед, чтобы видеть, но конвойные не пустили <их> этих любопытных к дороге.

⁴⁸⁸ *Зач.*: по которой в несколько рядов нагруженные фуры, телеги непрерывно дребезжали, грохотали колеса, двигались войска и обозы, блестя своими [пушками? *Ср. стр. 73, строка 16*], стучали копыты и нерусский говор [*1 неразобр.*], гудело <бесчисленное> огромное количество повозок, лошадей и людей.

самых разнообразных экипажей, наполненных и окруженных самым разнообразным народом во всю ширину дороги. И этот обоз тянулся перед ним и позади его по длинной прямой улице, ведущей к Калужской заставе. Это было красивое, веселое, возбуждающее зрелище.⁴⁸⁹ Много было красивых экипажей и лошадей. Блестящие, красивые мундиры, даже были нарядные женщины, но то, что в особенности придавало веселое, возбуждающее впечатление в этом зрелище – это были лица. Все эти южные, энергически оживленные лица были радостны, веселы и ласковы. Улыбки, смех, ласковые, бойкие речи, как пар над рекою, стояли в воздухе, несмотря на перемену проходивших и проезжавших людей и несмотря на различие наций и положений. Были пьяные, но не грубо, а весело и добродушно пьяные люди.

– Dites donc, l'ami,⁴⁹⁰ – кричал француз с козел фуры, обращаясь к Пьеру. – Adieu, l'ami, que je vous dis. Au plaisir de jamais vous revoir.⁴⁹¹ – И тотчас же он поворачивался назад к другому французу, шедшему за повозкой и, видимо, просившего положить в фуры огромный мешок, который нес француз. Француз на повозке перегнулся и, видимо, отказывался сначала и, наконец, готов был согласиться.

Рядом с этой повозкой ехали русские дрожки на⁴⁹² французских лошадях и на них привязан огромный узел, на котором сидел солдат, весело поглядывая кругом и доедая булку. Дальше какие-то с огромными – как горбатые – мешками за плечами высокие люди в ботфортах, синих доломанах и касках что-то громко, весело кричали на каком-то непонятном Пьеру языке. Потом опять повозки, опять кареты, опять пешие люди, еще небольшое стадо волов и коляска на прекрасных серых лошадях.⁴⁹³ В карете в красной шали сидела красивая женщина, наурмяненная и насурмленная, на козлах сидел французский гусар и другой, арап.

– Франсуа, Франсуа, – кричала девка, высовываясь из кареты. – Экий чорт, не слышит, – прибавила она, и карета проехала. За каретой ехали повозки, нагруженные какими-то досками и картонами, и люди, шедшие подле, хохотали, что-то вырывая друг у друга. Потом ехала на двухколесной тележке женщина в черной юбке и красном шпензере и человек 10 солдат шли вокруг нее, и непрерывно и быстро трещали их голоса. Потом длинный ряд мешков ехал на телегах и за ними в дрожках с русской упряжью с бубенцами ехали два французских офицера.

– Une bonne farce, Roussel,⁴⁹⁴ – прокричал один из них.

Потом шли денщики, ведя в пополах прекрасных лошадей, и за ними шел длинный в несколько рядов обоз. Люди на повозках были все в одинаковых мундирах, на крышах фур и на чепраках лошадей были одни и те же буквы Д. К. и та же корона. Между этими обозами замешалась тележка на русской мужицкой лошадке. В тележке сидела на мешках и сундуках женщина с ребенком и старый солдат в штиблетах шел, быстро семеня ногами у колеса, и что-то, нагибаясь, ласково говорил женщине.

– Oh vous serez bien, Madame, on vous fera pas,⁴⁹⁵ – услышал Пьер.

Пьер более часа стоял на стене, и обоз всё тянулся, всё тянулся, и чем дальше, тем гуще, казалось, вытекала эта струя поезда из Москвы. Казалось, не будет конца этому обозу. Но именно в то время, как показались обозы с вензелем и лошадьми в пополах, конвойный офицер собрал свою команду и, пропустив обоз, вступил с ними в ряды.

Вступив в общее движенье, Пьер не мог видеть ничего, кроме окружающих его лиц пленных, майора и других лиц. Сзади, спереди, с боков Пьер слышал этот ропот текущего моря,

⁴⁸⁹ *Зачеркнуто:* Вид этого обоза напомнил Пьеру разъезд с майского гулянья в Сокольниках. То же было яркое, теплое солнце, тот же красивый

⁴⁹⁰ [– Послушайте-ка, дружище,]

⁴⁹¹ [– Прощайте, друг, говорю вам. Надеюсь никогда не иметь удовольствия с вами увидеться.]

⁴⁹² *Зач.*: крестьянских

⁴⁹³ *В подлиннике:* прекрасных серых лошадей.

⁴⁹⁴ [– Хороша шутка, Руссель,]

⁴⁹⁵ [– Вам будет хорошо, сударыня, вам ничего не сделают,]

слышал изредка хохот, иногда ругательства, отрывки фраз, но так [как] он не мог понимать, не видя, значения этих отрывков, он слышал их, как привычный звук, и всё внимание его обратилось, в особенности когда их провели верст 10, на неровности земли, на которую он ступал, и на свои ноги, которые без привычки скоро потерлись без чулок в жесткой обуви, которую сделал ему Каратаев. Кроме того, Пьера занимала теперь мысль о Каратаеве. Когда их вывели, Каратаев был в самом пароксизме лихорадки. Как он идет? Не останется ли он? «Неужели так навсегда мне придется разлучиться с ним», думал Пьер.

Шли очень скоро, не отдыхая, до вечера. Остановились на дороге, когда стало уже смеркаться. Передние остановились в деревне, задние расположились на дороге. Кареты беспорядочно надвинулись одни на других. То веселое расположение духа, которое одушевляло всех при выступлении из Москвы, теперь, вечером, совершенно изменилось. Все казались сердиты и недовольны, в темноте слышались ругательства, злобные крики. Карета, ехавшая сзади конвойных, наехала и пробила дышлом повозку конвойных. Несколько солдат с разных сторон сбежались к повозке; одни били по головам лошадей, запряженных в карете, сворачивая их, другие дрались между собой, и Пьер, вместе с другими пленными подвинувшийся смотреть на драку, видел, что одного немца тяжело ранили тесаком в голову.⁴⁹⁶

Пленных разместили, как вели, – офицеров и солдат отдельно. Пьер, поужинав похлебкой из ржаной муки с мясом, которую дали пленным, обратился с просьбой к конвойному, прося позволения сходить к пленным солдатам, стоявшим шагов за 200 на другой стороне дороги. Он объяснил офицеру свое желание тем, что у пленных солдат у него был приятель, который вышел больной из Москвы. Офицер согласился и послал солдата проводить Пьера. На вопрос Пьера о том, что сделают с пленным, который окажется болен, офицер отвечал, что гошпитальных повозок для пленных нет и что тем хуже для того, кто болен, сказал он с значительным видом.

– *Vilaine affaire s'il est veritablement malade. Il faut marcher, mon cher Monsieur, il faut marcher.*⁴⁹⁷

Каратаев, укрывшись шинелью, лежал у костра, у которого ужинали еще его товарищи. Лиловая кривоногая шавка лежала подле него. Пленные солдаты радостно встретили товарища, громко приветствуя его, и Каратаев поднял голову.

– Проведать пришел, соколик? – сказал он с своей обычной споростью речи, – что бахилочки (обувь) мои, как служат? – спросил [он].

– Да ничего, хорошо, ты как? – спросил Пьер.

– Да что, соколик, всё держит.

– Что же ты не ел?

– И видеть не могу. То же тело, да клубком свертело. – Каратаев пересел получше, посмотрел на огонь. – Скучно что-то, Петр Кирилыч, так скучно, что ни болит – всё к сердцу валит. Оттого и скучно.

Пьер молчал. Он думал о том значительном виде, с которым французский офицер сказал ему: *il faut marcher, il faut marcher*.

– Да что же, силы-то у тебя есть? – спросил он у Каратаева. – Идти-то можешь?

Каратаев, видимо, не понимая вопроса, смотрел на Пьера.

– Ну, я говорю в день верст 20 пройдешь ты?

Каратаев покачал головой, слегка улыбаясь странности вопроса.

– Да разве я знаю, сколько пройду. Сколько бог пронесет. Так-то, соколик.⁴⁹⁸

⁴⁹⁶ *На полях:* <Пошел искать Каратаева; по морде лошади.>

⁴⁹⁷ [– Плохо дело, если он действительно болен. Надо идти, дорогой господин, надо идти.]

⁴⁹⁸ *На полях оборота листа:* благообразие выезда. Церкви. Москва.

*** № 271 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. XV—XIX).⁴⁹⁹**

В то время, как растерянное французское войско двигалось таким образом, само не зная куда и зачем, сначала по старой Калужской дороге, прямо с фронта [?], Кутузовское войско стояло спокойно в Тарутинском лагере.⁵⁰⁰ Кутузов, разделившись с Бенигсеном, уехавшим из армии, чувствовал себя обеспеченнее от необходимости наступления, которого⁵⁰¹ вред понимал он один во всей русской армии⁵⁰². В этот промежуток времени к Кутузову приехал еще парламентар с письмом от Наполеона, означенным из Москвы, хотя Наполеон уже был недалеко впереди Кутузова на старой Калужской дороге. Кутузов ответил так же, как на первое письмо.

Молодежь генералов и офицеров между тем требовала деятельности – хотела скорее бежать и добить зверя, не соображая того, что кроме потери зарядов это добивание могло быть опасно и⁵⁰³ вредно. Но эта часть армии требовала деятельности.⁵⁰⁴ И применение этой деятельности было найдено в партизанских отрядах, которые с каждым днем увеличивались. Каждому генералу и офицеру хотелось отличиться, и Кутузов, хотя употреблял все свои силы на то, чтобы уменьшать количество людей, употребляемых в эти отряды, должен был соглашаться на требования этих людей. Несколько дней из отряда Дорохова, ходившего налево от Кутузова, приходили донесения⁵⁰⁵ о том, что в Фоминском слабо стоит дивизия Брусье и что ежели бы дать ему несколько подкреплений, он истребит эту дивизию. Опять, как перед Тарутинским сражением, обстоятельства в русской армии сложились так, что необходимо было атаковать. Казаки ходили близко около французов, узнавали, что они стоят плохо, солдаты и офицеры скушали бездействием.

[Далее от слов: Штабные генералы, возбужденные воспоминанием о легкости победы под Тарутиным, настаивали у Кутузова об исполнении требования Дорохова, кончая: Казаки из отряда Дорохова доносили, что они видели гвардию французов, шедшую по дороге в Боровск близко к печатному тексту. Т. IV, ч. 2, гл. XV.]

Был 12-й час ночи.⁵⁰⁶ Генералы и партизаны, собравшись у Дохтурова, <с волнением обсуживали> дело. Было несомненно, что вся армия французов шла из Москвы по неожиданному направлению. Писали донесение Кутузову. Молодой, бравый офицер был призван к генералам, маленький, толстенький, аккуратненький Дохтуров⁵⁰⁷ долго ничего другого не хотел слышать, как исполнение данного ему приказания – атаки Фоминского. Он согласился только отложить, послав, как можно скорее, донесение в штаб.

- Скажи, что есть мочи, и подай в штаб, – сказал он офицеру, подавая ему конверт.
- Такого важного известия не было во всю войну, – вставил Дорохов.
- Прямо в Главный штаб. Дежурному генералу. Разбуди всех.

⁴⁹⁹ Автограф.

⁵⁰⁰ На полях конспект: Болховитинов от Дорохова. Кутузов по ночам не спит. Бенигсена прогнал – посвободнее. К[утузов] атаковал в Бородине, но не после. Малоярославец, комедия.

⁵⁰¹ Зачеркнуто: он один

⁵⁰² Зач.: и, как опытный охотник, подстрелив зверя, спокойно ждал действия раны. Вместо зач. вписано на полях до конца абзаца.

⁵⁰³ Зач.: наверно

⁵⁰⁴ Зач.: И деятельность была

⁵⁰⁵ Зач.: доказывавшие, что он <имел д[ивизию]> был в близости с какою-то частью двигавшегося французского войска. Но разноречивые, лживые донесения приходили так часто, что на эти донесения после Тарутинского сражения не было обращено особенного внимания.

⁵⁰⁶ Зачеркнуто: Дохтуров и Дорохов

⁵⁰⁷ Зач.: подошел к нему с конвертом. <Поручение, которое я даю тебе, извест[ить]> <важнее всего, что было> большой важности и вписано до конца абзаца.

– Слушаю-с, – отвечал офицер, уж вперед обдумывая, как он возьмет по-казацки запасных лошадей с тем, чтобы сделать эти 27 верст до штаба.

Ночь была темная, теплая, осенняя. Шел дождик уж 4-й день. Везде была грязь. Болховитинов верхом на своей лошади, сопровождаемый казаком, в поводу⁵⁰⁸ державшим двух других, скакал, не переводя духа, нагнувшись вперед и работая нагайкой.

Проскакав верст 7, он пересел на казачью лошадь, пересел еще, забыв пароль в Тарутине, пролетел мимо часовых один – казаки его задержали – и ко вторым петухам, весь мокрый, грязный и запыхавшийся, был в Леташевке у избы, на плетневом заборе которой была вывеска: «Главный штаб».

Он бросил лошадь, вошел в сени.

– Дежурного генерала скорее, очень важное, – проговорил он денщику и вошел в растворенную дверь.

<Дверь Коновницына никогда не затворялась с тем, чтобы ночью не было задержки, и всем адъютантам посланным велено было будить его самого и сейчас же. Болховитинов знал это и пошел прямо к переднему углу, в котором, накрывшись головой, спал генерал>.

– С вечера нездоровы очень, третью ночь не спят, – заступнически прошептал денщик. – Уж вы капитана разбудите сначала.⁵⁰⁹

Но Болховитинов не слушал.⁵¹⁰

– Очень важное, от генерала Дохтурова.

– Ну, постойте, постойте, он⁵¹¹ больнешенек, – сказал, поднявши голову, офицер, указывая на спящего человека.

Спавший⁵¹² человек был П. П. Коновницын – «человек, отличавшийся весьма небольшими умственными способностями и еще меньшими сведениями», как говорят нам его современники. П. П. Коновницын без сомнения имел полное право сказать то же самое и про⁵¹³ тех, кто говорил это, и тогда бы мы не знали, кому верить, но П. П. Коновницын не говорил этого, потому что он так же, как Дохтуров, был человек⁵¹⁴ скромный. Из деятельности же этого человека мы не видим ни огран[иченности] умственных способностей,⁵¹⁵ мы видим, напротив, в этом человеке, как и Дохтурове, тихое, незаметное, мужественное исполнение своего дела и вследствие этого наваливание самого тяжелого и нужного дела на его плечи. С тех пор, как Коновницын сделан был дежурным генералом, он спал *не иначе, как одетый* и с раскрытой дверью, в которую без доклада мог входить каждый и каждую минуту будить его. И это он сделал не один раз, чтобы удивить кого-нибудь, но, считая это раз своим долгом, он делал это постоянно⁵¹⁶ в продолжение месяцев. Только человек, понимающий устройство военной машины, поймет значение⁵¹⁷ этого⁵¹⁸ распоряжения и поймет, что дежурный генерал, спящий всегда с

⁵⁰⁸ *Зач.*: ведшим

⁵⁰⁹ *Зачеркнуто*: Болховитинов подошел к

⁵¹⁰ *Зач.*: Другой спящий офицер поднял голову. Это был Щербинин. – Что, что такое? Всё это было в темноте.

⁵¹¹ *Зач.*: тотчас

⁵¹² *Зач.*: генерал

⁵¹³ *Зач.*: его современников

⁵¹⁴ *Зач.*: исполнительный и

⁵¹⁵ *Зач.*: ни сведений.

⁵¹⁶ *Зач.*: во всё время исполнения

⁵¹⁷ *На обороте рукописи зачеркнуто*: качиваясь легким шагом подошел к ним. Первое впечат[ление] *Далее набросок-конспект*: Государь из Петербурга имел известия о том, что французские войска растянуты и раздроблены, требовал, чтобы Кутузов атаковал. Он писал: Мих[айловский]-Дан[илевский], 133, 134 стр. *На полях*: Чичагов. Но в то же самое время Кутузов <т. е. русские> в [ойска], не дожидаясь, еще не получив этого приказанья <атаковали Мюрата 5 октября еще>, 3 октября <атаковал французов> сделал распоряжение об атаке французов при Тарутине. Т. е. так говорят историки. В сущности же не Кутузов сделал это распоряжение (он даже вовсе не желал его делать), а положение армии стало таково, что необходимо было атаковать, и необходимость эта выразилась и поимкой пленных, и интригой генералов, и советами, и соображениями. Но атаковать было необходимо и, несмотря на всё нежелание Кутузова и на все препятствия, делаемые разными лицами, через два дня

открытой дверью и в сражении всегда стоящий под огнем, что всегда делал Коновницын, есть шестерня машины, гораздо более существенная, чем та шумиха, которая выскакивает вперед с знаменем или крестами или пишет проекты и диспозиции.⁵¹⁹ А между тем и Коновницын, и Дохтуров только как бы из приличия внесены в список так называемых героев 12-го года: Барклаев, Ермоловых, Раевских, Милорадовичей, Платовых.

Щербинин,⁵²⁰ имея на то разрешение своего генерала,⁵²¹ взял конверт. Ему не хотелось будить Коновницына, на которого было страшно смотреть с вечера, так он был болен. Он только что заснул и спал крепко. В комнате было темно.

– Да в чем дело? – спросил Щербинин шопотом.

Болховитинов запыхавшимся голосом рассказал, как по всем донесениям очевидно, что Наполеон вышел из Москвы и уже прошел Фоминское, направляясь к Малому Ярославцу. Щербинин, не отвечая,⁵²² встал,⁵²³ босиком подошел к печурке, где у него были сернички. Денщик вырубил огня.

– Ах, проклятые! Как я этих прусаков терпеть не могу, – сказал Щербинин.

При свете искор Болховитинов видел в переднем углу спящего человека в ночном колпаке. Когда сернички загорелись о трут, Щербинин зажег сальную свечку, с подсвечника которой, побежали облеплявшие [?] ее прусаки, и осмотрел вестника. Болховитинов был весь в грязи, и рукавом, обтираясь, размазывал себе лицо.

– Да кто доносит? Дохтуров. Кажется, Дохтуров. Нечего делать, надо будить. – Щербинин подошел и тронул рукой Коновницына. Красивое, твердое, но бледное лицо поднялось тотчас же.

– Ну что такое? Вы от кого? – неторопливо,⁵²⁴но тотчас же спросил он, мигая глазами от света.

Слушая донесение офицера, Коновницын распечатал и прочел. Едва прочтя, он опустил ноги в шерстяных чулках и стал одеваться, снял колпак и, причесав виски, надел фуражку.

– Ты скоро доехал? Пойдем к Толю, и лошадь к Светлейшему.

Коновницын видел то, что дело это большой важности и что нельзя медлить. Хорошо ли или дурно это было, он не думал и не спрашивал себя. Его это не интересовало. На всё дело войны он смотрел не умом, не рассуждениями, а чем-то другим. В душе его глубоко невысказанное было убеждение, что всё будет хорошо; но что этому верить не надо и тем более говорить, а надо делать свое дело. И это свое дело всегда стояло ему перед глазами.

Выходя из избы в сырую, темную ночь, он нахмурился частью от головной усилившейся боли, частью от неприятной мысли, пришедшей ему, о том, как теперь взволнуется всё это гнездо штабных, влиятельных людей при этом известии, как будут предлагать, спорить, приказывать, отменять. И это предчувствие неприятно ему было, хотя он и знал, что без этого нельзя было.

Действительно, Ермолов и Толь, к[оторым] он сообщил известие, тотчас же заспорили, каждый иначе понимая значение известия, и Коновницын, молча и устало слушавший их, напомнил, что надо идти к Светлейшему.

после вынужденного у Кутузова приказа, атаковали. Новая глава 4-го октября были именины генерала Кикина. Вне нашей линии был дом. Далее на полях конспект: Наполеон получает на смотре известие. Выход бляди. Распоряжение. Боговск[ой]. Щербинин. Кутузов. (Бессмысленное после Малоярославца.) Действительно, что бежали и только просили, чтобы их взяли. Пьер <идет> видит это.

⁵¹⁸ Зачеркнуто: подвига

⁵¹⁹ Зач.: Но к несчастью

⁵²⁰ Зач.: встал и

⁵²¹ Зач.: распечатал

⁵²² Зач.: распечатал

⁵²³ Зач.: достал из печурки

⁵²⁴ Зачеркнуто: и не медлите[льно]

Кутузов, как и все старые люди, мало спал по ночам. Он днем часто неожиданно задремывал; но ночи он⁵²⁵ лежал, как и всегда, в сюртуке, не раздеваясь, на своей постели и думал. Так он⁵²⁶ лежал теперь на своей кровати, облокотив тяжелую, большую,⁵²⁷ изуродованную голову на пухлую руку, и думал, открытым одним глазом присматриваясь к темноте.

С тех пор как Бенигсен, переписывавшийся с государем и имевший более всех силы при-
нуждать главнокомандующего к бесполезным наступательным действиям, уехал, Кутузов был спокойнее в том отношении, что его не заставят участвовать в наступательных действиях. Урок Тарутинского сражения и кануна его, болезненно памятный Кутузову, тоже должен был подействовать.

«Они должны понять, что мы только можем проиграть, действуя наступательно. Терпенье и время – вот мои воины-богатыри». Кутузов⁵²⁸ знал, что не надо срывать яблоко, пока оно не созреет. Оно само упадет, когда будет зрело, а сорвешь зелено, не будет ни яблока, ни еды. Он, как опытный охотник, знал, что зверь ранен смертельно в Бородинском сражении. Молодежи хочется бежать, посмотреть, как они его убили. «Подождите. Он изойдет кровью. Всё маневры, всё наступления», думал он. «К чему? Всё отличиться, точно что-то веселое есть в том, чтоб драться. Счастливо победить, а не драться. А они точно дети, от которых не добиться толку, как было дело, оттого, что все хотят доказать, что они умеют драться. Да не в том дело.⁵²⁹ Всё отличиться. – Когда нужно было драться – в Бородине, кто убедил их в том, что сражение не проиграно, а выиграно. Они хотели бежать, когда надо было стрелять, а теперь наступление. И какие искусные маневры предлагали мне. Им кажется, что, когда они выдумали две, три случайности (он вспомнил об общем плане из Петербурга), они выдумали их все. А их всех – нет числа».

Теперь Кутузов знал, что Наполеон погиб, и он ждал⁵³⁰ очевидных доказательств этой гибели, ждал их уж месяц, и чем дольше проходило время, тем нетерпеливее он становился. Лежа на своей постели, в свои бессонные ночи он⁵³¹ делал то самое, что делала эта молодежь – генералы, за что он упрекал. Он придумывал всевозможные случайности, в которых выразится эта верная, уже совершившаяся гибель Наполеона. Он придумывал эти случайности, так же как и молодежь, но только с той разницей, что он ничего не основывал на этих предположениях и что он видел их не две, три, а тысячи. Чем дольше он думал, тем больше их представлялось. Он придумывал всякого рода⁵³² движения Наполеоновской армии, всей или частей ее к Петербургу, на него, в обход его, придумывал – одно, чего он больше всего боялся – чтобы Наполеон не стал бороться против него его же оружием, чтобы он остался в Москве выжидая; придумывал даже движение назад по дороге, параллельной той, по которой он шел; но одного, чего он не мог предвидеть, это того, что совершилось, того безумного, судорожного метания войска Наполеона в продолжение первых 11 дней его выступления из Москвы, метания, которое погубило его, которое сделало возможным то, о чем, зная, что Наполеон погиб, – никогда не смел думать Кутузов. Но все-таки он знал, что Наполеон погиб, и чем дальше шло время, тем с большим нетерпением ждал выражения этой гибели. Донесения Дорохова о дивизии Брусье,⁵³³ известия от партизанов о бедствиях армии Наполеона, слухи о сборах к выступле-

⁵²⁵ *Зач.*: сиживал

⁵²⁶ *Зач.*: сидел

⁵²⁷ *Можно прочесть*: больную

⁵²⁸ *Зач.*: как опытный охотник

⁵²⁹ *Зачеркнуто*: Они не знают, что такое время. *На полях*: Они же и рады физически.

⁵³⁰ *Зач.*: выраж[ения]

⁵³¹ *Зач.*: придумывал

⁵³² *Зач.*: случайности

⁵³³ *Зач.*: слухи из Москвы

нию – всё это могло казаться важным для молодежи, но не для Кутузова. Он с своей 60-летней опытностью знал, какой вес надо приписывать слухам, знал, как способны люди, желающие чего-нибудь, группировать все известия так, что они как будто подтверждают желаемое, и упускать всё противуречащее. И чем больше желал этого Кутузов, тем меньше он позволял себе этому верить.

Но он желал этого страстно, единственно⁵³⁴ желая этого душою. Это была его одна цель, одна надежда. Всё остальное было для него привычное исполнение жизни. Как он ни казался иногда занятым, тронутым – это была привычка, о которой он не думал теперь, по бессонным, уединенным ночам. Такими привычками были для него женщины, они в его [1 неразобр.] физическое проявление, радость его при известии о Тарутинской победе. Он поздравлял и благодарил войска, как будто с чувством, но это всё было только привычное отражение окружающих их предметов. Но гибель французов, предвиденная, постигнутая вперед, было его душевное, единственное желание.

Когда он думал о том, как совершится это, он приходил в беспокойство,⁵³⁵ вставал и ходил по избе и опять ложился. В ночь 11 октября он лежал, облокотившись на руку, и думал об этом.

«Опять, опять!» подумал он, чувствуя охватывавшее его волнение. И, приподняв голову, он окликнул в соседнюю комнату.

– Казачок! Катя! – проговорил он.

– Что прикажете?

– Дай лимонаду, коли не спишь.

В соседней комнате зашевелилось, но в то же время и в сенях послышались шаги Толя, Коновницына и Болховитинова.

– Войди, войди, голубчик. Что новенького? – окликнул их фельдмаршал.

Пока лакей зажигал свечу, Толь быстро, взволнованно рассказывал содержание известий. Несмотря на волнение страха предаться напрасной радости, которое испытывал Кутузов, слушая Толя, в голове его мелькнула та же мысль, как и в голове Коновницына. «Ну, теперь держись, подумал он, замучают проектами».

– Кто привез? – спросил Кутузов с лицом, поразившим Толя, когда загорелась свеча, своей холодной строгостью. Кутузов употреблял все душевные силы, чтобы удержать выражение охватившей его восторженной радости.

– Не может быть сомнения, Ваша Светлость.

– Позови, позови его сюда.

Кутузов сидел, опустив одну ногу с кровати и навалившись большим животом на другую, согнутую ногу. Он прищуривал свой глаз, чтобы рассмотреть посланного.

– Скажи, скажи, дружок, – сказал он, всё нагибаясь ближе к Болховитинову,⁵³⁶ как будто на лице его он хотел прочесть то, что мучило и радовало его. – Какие ты привез мне весточки. – А? Наполеон из Москвы ушел? Воистину так?

Болховитинов⁵³⁷ начал подробно доносить, сначала не то, что ему было приказано.

– Говори, говори скорее, – не томи душу, перебил его Кутузов.

Болховитинов⁵³⁸ рассказал всё, ожидая приказания.

Толь начал было говорить что-то, но Кутузов перебил его. Он хотел сказать что-то; но вдруг лицо его сщурилось, сморщилось, он захлюпал от слез и, оставив то, что он хотел гово-

⁵³⁴ Зачеркнуто: как может след. слово исправлено из: желать далее зач.: человек

⁵³⁵ Зач.: и начинал

⁵³⁶ В подлиннике: Болг[овскому]

⁵³⁷ В подлиннике: Болговской

⁵³⁸ В подлиннике: Болговской

рить Толю, повернулся в противную сторону к красному углу избы, черневшему от образов. Он сложил руки и сквозь слезы сказал:

– Господи! Создатель мой! Внял ты молитве нашей... Спасена Россия. Благодарю тебя, господа.

Так думал и говорил⁵³⁹ хитрый, развратный царедворец Кутузов.

⁵⁴⁰ Мелькнувшая и Коновницыну и Кутузову одна и та же мысль о том, что известие о движении французов будет источником бесконечного количества прозектов, предположений, интриг, вполне оправдалась. Со времени этого известия и до конца кампании вся деятельность Кутузова заключается только в том, чтобы властью, хитростью, просьбами удержать свои войска от бесполезного наступления. Дохтуров идет к М[алому] Я[рославцу], но Кутузов медлит и отдает приказание об очищении Калуги, отступление за которую представляется ему весьма возможным. Кутузов один во всей армии понимает то, что добивать мертвого зверя бесполезно⁵⁴¹ и вредно.

И действительно, несмотря на то, что Кутузов везде отступает, неприятель везде отступает точно так же.

Но что бы было, ежели бы Дохтуров не поспел вовремя в Малый Ярославец? – спросят те, которые читали описания историков, доказывавших какой-то *маневр*, искусный маневр Кутузова, противудействовавший другому искусному маневру Наполеона.⁵⁴²

Что бы было, ежели бы я не поддержал падающего солнца?

Отвечать на этот вопрос нельзя, потому что того, о чем спрашивается, никогда не было, а придумано после. Кутузов никогда не останавливал Наполеона в М[алом] Я[рославце], Дохтуровские войска, столкнувшись в Малом Ярославце, вступили в бой, но тотчас же отступили после небольшого дела, и вся армия

отступила, предоставляя Наполеону идти, куда ему угодно.⁵⁴³ Но Наполеон не пошел вперед.

Но что бы было, если бы и не было совсем Дохтурова в М[алом] Я[рославце]?⁵⁴⁴ Вероятно, то же самое, что было при движении Наполеона по Смоленской дороге. Ничто не могло спасти его, потому что армия его несла в самой себе неизбежные условия гибели. Армия эта обсыпалась, как лист с засохшего дерева, и точно так же обсыпалась бы, трясли ли бы или не трясли его. Армия, при которой берут партии в 200 человек – 1000 человек пленных, в которой обоз имущества солдат больше обоза артиллерии, в которой главнокомандующий и император не во время сражения, а в середине своего войска, как это было на другой день сражения под М[алым] Я[рославцем], попадает в руки сотне казаков, – уже не армия. Люди этой бывшей армии бежали, сами не зная куда, желая только одного – выпутаться как можно скорее из безвыходного положения. Все ожидали только более или менее приличных предложений для того, чтобы положить оружие и сдаться казакам, но и это было невозможно, потому что существует известная сила массы войска, обратно пропорциональная, вследствие которой 1000 человек не могут положить оружие перед одним.

Они разбредались для того, чтобы отдаваться в руки казакам, Наполеон испытывал то же самое. Ему одного хотелось: поскорее уйти отсюда, и поэтому на совете в Малоярославце, когда, притворяясь, что они, генералы, совещаются, подав[али] разные мнения, которых никто

⁵³⁹ *Зачеркнуто:* нашими ист[ориками]

⁵⁴⁰ *Зач.*: Мысль Коновницына

⁵⁴¹ *Зач.*: смешно

⁵⁴² *Зач.*: То же самое

⁵⁴³ *Зачеркнуто:* Точно так же, как при отступлении от Мало-Ярославца русское войско только отходило туда <Но> и вписана след. фраза.

⁵⁴⁴ *Зач.*: Я полагаю, что было бы, если бы весной была осень.

не слушал, последнее мнение простодушного солдата Мутона, сказавшего то, что все думали, *что надо* только уйти как можно скорее, закрыло все рты, и никто, даже Наполеон, ничего не мог сказать против этой всеми сознаваемой истины. Но как будто мало еще было этого – опять оставался стыд сознания, что надо бежать.

На другой день после совета случилось то нападение казаков на Наполеона в середине его армии, которое дало последний толчок. Когда вот-вот могли поймать на аркан самого великого человека, когда уже до такого беспорядка дошла вся армия (ежели казаки не поймали в этот раз Наполеона, то спасло его то же, что губило французов – добыча, на которую и в Тарутине и здесь, оставляя людей, бросались казаки), то делать было нечего, как только бежать по ближайшей знакомой дороге. Больше всех это понял Наполеон, который теперь, с своим 40-летним брюшком, уже ясно чувствовал, что это было не то, как в Арколе, где он хотя и попал в канаву – выбрался из нее, но теперь уже не было той поворотливости и смелости.⁵⁴⁵ Под влиянием страха, которого он набрался от казаков, он тотчас же согласился с Мутонем, и все охотно пошли назад, умышленно разбегаясь, чтобы попадаться казакам, которые все-таки давали и платье и хлеба и не вели еще за 1000 верст. Остальные бежали. Положение их становилось хуже и хуже, и, наконец, вождь их, всё быстрее и быстрее желавший бежать, достал шубу и, сев в сани, поскакал один, оставив умирать своих товарищей.

Но не так думают историки. Глубокомысленные маневры Наполеона описываются наиболее подробно. И даже отступление от М[алого] Я[рославца] тогда, когда ему дают дорогу в обильный край и когда ему открыта была та параллельная дорога, по которой прошел, преследуя его, Кутузов, по разоренной дороге – объясняется нам по разным глубокомысленным соображениям.⁵⁴⁶

Потом описывают нам величие душ маршалов и Наполеона во время отступления и, наконец, последний отъезд Великого Императора от героической армии.

Даже этот последний поступок бегства, на языке человеческого называемый последней степенью подлости, которой учится стыдиться каждый ребенок, и этот поступок на языке историков получает оправдание.⁵⁴⁷

Тогда, когда уже невозможно дольше натянуть столь эластичные нити исторических рассуждений, где действие уже явно противится тому, что всё человечество называет дурным и хорошим, является у историков спасительное понятие о величии. Но величие Ивана Великого не *grandeur*.

⁵⁴⁸ Великое как будто исключает возможность меры хорошего и дурного. Для великого нет дурного: убить сына – велико, нет ужаса, который бы мог быть по-человечески [поставлен] в вину тому, кто велик.

А что такое величие? Величие есть мера нашего умственного роста. Для маленького существа 10 сажень не имеют меры, для большого 1000 подлежат измерению. Для нашего века, с данной нам Христом мерой, нет неизмеримого величия. Всё подлежит его законам, а историки, еще пользуясь старым мифологическим приемом,⁵⁴⁹ говорят нам о величии.

[Далее от слов: *C'est grand!* – говорят историки *совпадает с концом гл. XVIII, ч. 3, т. IV.*]

⁵⁴⁵ *Зач.*: <После> Набравшись

⁵⁴⁶ *Зачеркнуто*: <Объясняется даже и то, почему> <Но соображения эти не могут такое> Это было бы непостижимо, ежели бы каждый человек не знал присущего каждому и особенно заметного в хитрости сумасшедших свойства человеческой природы рассуждениями оправдывать наивсмысленнейшие поступки.

⁵⁴⁷ *Зач.*: *C'est grand!* – говорят нам

⁵⁴⁸ *Зач.*: Великий, *grand*, есть то, что

⁵⁴⁹ *Зач.*: величия богов

*** № 272 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. XIX, ч. 3, гл. III).**

⁵⁵⁰ Кусок льда невозможно растаять мгновенно.⁵⁵¹

В таком положении шли французы, морозов еще не было, но кусок этот,⁵⁵² хотя и быстро, но равномерно таял. От Москвы до Малоярославца и назад до Вязьмы французы сделали меньше трети всего пути, а между тем из войск главной колонны, составлявшей 73 тысячи при выходе из Москвы, под Вязьмой оставалось 37 тысяч.⁵⁵³

В русской армии положение французов в это время было неизвестно, преимущественно потому, что партизанские и другие отряды, преследовавшие французов и бравшие отдававшихся пленных, пушки, обозы по заведенному порядку на войне, описывали свои действия так, как будто неприятель отчаянно сопротивлялся и только [благодаря] мужеству вверенного отряда, из которого каждый представлялся к чину или кресту, удалось победить.

То, что предвидели Кутузов и Коновницын, теперь сбывалось в высшей степени. Все хотели отличиться, отрезать, истребить, перехватить, полонить, опрокинуть французов. —

<Кутузов по донесениям не мог знать того, что происходило в французской армии. Все без исключения влиятельные лица армии срамили старого фельдмаршала за его бездеятельность, догадывались, что он нейдет из Полотняных Заводов, потому что ему там удобно покоить свое старое тело, прожектов, как он говорил, ему представляли тысячи, но он говорил только одно и только он один из всей армии, что ничего нет лучше золотого моста, и все силы свои употреблял на то (силы эти очень невелики у каждого главнокомандующего), чтобы мешать этому бессмысленному разрыванию на куски гниющего тела.⁵⁵⁴

Он не мог им сказать то, что мы говорим теперь: зачем сражение и загоразиванье дороги, и потеря своих людей, и бесчеловечное добивание несчастных, зачем всё это, когда от Москвы до Вязьмы растаяла половина. И он говорил им вывод своей старческой мудрости, то, что они могли бы понять — он говорил им про золотой мост, но они смеялись над ним, клеветали его, и рвали, и метали, и куражились над убитым зверем.⁵⁵⁵

Но они жили, увлекались, страдали в то время, и можно понять, как люди настоящего не видят из-за своих страстей настоящего величия — не того величия, которое состоит в том, чтобы надеть на себя шапку, корону или с навязанной ветошкой на палке сказать какие-нибудь слова, а того величия, которое познает законы будущего и одиноко созерцает неизменные законы эти, подчиняет им свою волю.⁵⁵⁶ Люди того времени могли не понимать этого величия. Но в последней истории 12 года, написанной по Высочайшему повелению, в книге, по которой будут учиться наши дети, сказано, что хитрый Кутузов⁵⁵⁷ виновен в⁵⁵⁸ чем-то перед потомством.> В книге, написанной по Высочайшему повелению, подробно описаны ошибки хитрого и слабого Кутузова. Там сказано, что Кутузов должен был так-то и так-то поступить,⁵⁵⁹ а что он ничего этого не сделал и что (стр. 145, т. III) нравственное влияние русских войск ослабилось тем, что французы могли говорить, что всё сделали и что не взят в плен ни один маршал и т. д.

⁵⁵⁰ Автограф.

⁵⁵¹ Зач.: необ[ходимо]

⁵⁵² Зачеркнуто: понемногу

⁵⁵³ Зач.: Казалось, чего бы было желать и какой другой образ действий можно было предписать русской армии, как тот, за который стоял Кутузов и вписан на полях след. абзац.

⁵⁵⁴ Зач.: Его не слушали и не понимали, и до могли понять современники. Они не зна[ли]

⁵⁵⁵ Далее от слов: Но они жили, кончая словами: смотри Тьера, Михайловского-Данилевского, Bernhardi и т. д. (стр.88) обведено чертой (частью зачеркнуто) и рукою Толстого на полях сделана помета: Не надо.

⁵⁵⁶ Зачеркнуто: Понятно, людям

⁵⁵⁷ Зач.: сделал много

⁵⁵⁸ Зач.: том, что французы

⁵⁵⁹ Зач.: что ежели бы

Армия французов пришла в Россию в числе 600 тысяч. Та, которая делала главную кампанию с самим Наполеоном, в числе 300 тысяч. Один раз было большое сражение, данное под начальством Кутузова – Бородино. После Бородина армия не вернулась и сражений больше не было. Из 300 тысяч перешли границу 6 тысяч. Кутузов командовал этим русским войском.

И книга, писанная по Высочайшему повелению, учит нас, что это нехорошо, а что следовало Кутузову сделать то и то и что нравственное влияние потеряно. Что следовало бы сделать Кутузову, ежели бы что, спрашивается невольно. И ответ ясен: ежели бы он поучился в академиях, в которых учат несуществующим наукам, и спросился бы у нас, учителей этих наук.⁵⁶⁰

Но ведь даже ежели бы все эти учителя научили Кутузова, что ему делать, все-таки нельзя сделать ничего лучше, славнее для России того, что сделано. Что же можно еще сделать, чему еще научиться в академии; нашествие истреблено, стало быть кто-нибудь победил.

Нет, по учителям академии это не выходит так. Этого в книжках не написано.

В книжках сказано, что сражение выигрывает тот, кто занял поле. Ну, а ежели после Бородина французы заняли поле, а все-таки были побеждены, потому что без сражения уничтожились? Нет, этого в книжках не написано.

В книжке написано у Bernhardi слово в слово то, что сказано о потере нравственного влияния, потому что не пойманы маршалы и т. п. (Bernhardi, стр.) – вот это мы переписываем слово в слово.⁵⁶¹ Слово в слово это⁵⁶² странное место переписано из Bernhardi, но, к несчастью, как тот человек, которого научили сказать – носить, не сносить – и он сказал это покойнику, так и здесь то же, да некстати. У Bernhardi это сказано для того, чтобы показать, что французское войско еще было в тех же кадрах, так же могущественно в 13, как и в 12 году, и что слава покорения Наполеона принадлежит немцам. И странная натяжка эта у Bernhardi понятна, но в книге, по Высочайшему повелению написанной, не узнаешь другой причины этой переписки, как то, что хорошо в умной книге написано, дай и я напишу. Да еще то, что меня учили, что надо быть спокойно беспристрастным, – дай я буду [бес]пристрастным и понемногу соберу всё и против нас, не очень много, а немножечко. Запятую, но маленькую.

Беспристрастным нельзя быть потому, что сказано в книжке, что военная история должна быть беспристрастна. Для того, чтобы быть беспристрастным, надо иметь мысль, которая стояла бы выше других мыслей историков.

А в позорной книге, замесившей по времени даровитое произведение Михайловского-Данилевского, нет ни одной мысли, кроме того, что стратегия и тактика – очень полезные науки, так как их учат в большом доме и за большие деньги, и ни одной страницы, к[оторую] бы нельзя было заменить выпиской – смотри Тьера, Михайловского-Данилевского, Bernhardi и т. д.

<Под Вязьмой Ермолов, Милорадович, Платов и другие,⁵⁶³ находясь в близости от французов, не могли воздержаться от желания⁵⁶⁴ отрезать и опрокинуть два французских корпуса. Кутузову, извещая его об их намерении, вместо донесения был прислан конверт с лис[том] белой бумаги. И сколько ни старался Кутузов удержать войска, войска наши атаковали, стараясь загородить дорогу, пехотные полки с музыкой и барабанным боем ходили в атаку; но льдина французского войска еще далеко не растаяла – отрезать никого не отрезали, но побили

⁵⁶⁰ *Зач.*: Но понятно, что учителю несуществующей науки неприятно, когда оказывается, что его наука не существует, но непонятно, что такое значит это суждение о кампании 12-го года и *вписана след. фраза.*

⁵⁶¹ *Зач.*: (как и вся книжка, по Высочайшему повелению написанная, есть переписка всего чужого), но

⁵⁶² *Зач.*: бессмысленное

⁵⁶³ *Зачеркнуто*: решились

⁵⁶⁴ *Зач.*: что-то

и потеряли тысячи три людей. И французское войско,⁵⁶⁵ стянувшись крепче от опасности, продолжало всё тот же свой гибельный путь к⁵⁶⁶ Смоленску.

<С> 21-го числа августа был учрежден первый партизанский отряд Давыдова.⁵⁶⁷ После были учреждены еще другие, и⁵⁶⁸ чем дальше подвигалась кампания, тем более образовывалось этих отрядов. Отряды эти были самое приятное, самое безопасное употребление войск и потому самое полезное. Приятно оно было потому, что нигде так блестяще нельзя было отличиться; безопасное потому, что каждый отдельный начальник берег своих – маленькие партии никогда не стояли под выстрелами, и самое полезное потому, что эти отряды давали сведения о положении армии (не всегда верные, потому что чем лучше представлялось положение неприятеля, тем больше было заслуги) и подбирали те отпадавшие листья, которые сами собой сыпались с иссохшего французского войска.

В октябре месяце, когда французы бежали к Смоленску, этих партий> различных величин и характеров были десятки. Были партии,⁵⁶⁹ перенимавшие все приемы армии с штабами и удобствами жизни, с пехотой, артиллерией; были одни казаки кавалерийские; были мелкие, сборные пешие и конные; были мужицкие и помещичьи. Был один дьячок начальником партии, взявший в месяц несколько сот пленных. По характеру своему были партии чопорные, были веселые, разливные, были великодушные, были мрачные и жестокие.⁵⁷⁰

Сборная партия в 300 человек под начальством Долохова принадлежала к <этим> мрачным и жестоким.⁵⁷¹

* № 273 (рук. № 96. Т. IV, ч. 3, гл. I).⁵⁷²

Бородинское сражение с последовавшими за ним занятием Москвы и бегством французов без новых сражений есть одно из самых поучительных явлений истории, само собою разумеется не для тех историков, которые⁵⁷³ переписывают в одну книжку то, что написано в разных книжках, но для тех, которые изучают законы исторических событий.

Период кампании 12 года от Бородинского сражения до бегства французов из Москвы включительно⁵⁷⁴ ответил на⁵⁷⁵ вопрос⁵⁷⁶ о том, где и в чем лежит та сила, которая решает судьбы народов. Кто из мыслящих людей в юности своей в то время, когда посвящался в исторические таинства, не⁵⁷⁷ приходил в недоумение, читая исторические описания о том, как Аннибал поссорился с Римом, собрал войско, одержал победу – убил одну десяти тысячную людей Рима и вследствие того Рим был покорен. Кто не задавал себе вопроса, почему поражение одной армии заставило покориться народ? Отчего же? Разве они так уговорились, или не было у них больше народа? спрашивает наивный и ужасный (terrible, как говорят французы) ребяческий

⁵⁶⁵ *Зач.*: еще

⁵⁶⁶ *Зач.*: Вязьме.

⁵⁶⁷ *Зач.*: Отряды эти

⁵⁶⁸ *Зач.*: по мере

⁵⁶⁹ *Зачеркнуто*: которые

⁵⁷⁰ *Зач.*: Долохов

⁵⁷¹ *Зач.*: Кроме того, сам Долохов приобрел себе за это время репутацию

⁵⁷² *Автограф на двух листах F^o.*

⁵⁷³ *Зач.*: отыскивают законы

⁵⁷⁴ *Зач.*: показал очевидно, что выигранное сражение не есть причина покорения народа, а есть только случайный признак

и

⁵⁷⁵ *Зач.*: те вечные вопросы человечества: что такое война? что такое покорение одного народа другим? Почему Рим покорен после того, как Аннибал выиграл одно сражение, т. е. убил одну десяти тысячную Римского народа? Этот

⁵⁷⁶ *Зач.*: который в особенности делают дети и неученные люди – <какое зна[чение]> что такое сражение.

⁵⁷⁷ *Зач.*: задавал себе странного вопроса

ум. Ну да, оттого, что все силы истощены, оттого что.... ну, оттого, что всегда так было, отвечает история. Всегда народы завоевывают один другой посредством победоносно[го] сражения.⁵⁷⁸ Народы сталкиваются в последнем усилии, один побеждает, и война кончена, побежденный покоряется. Да что такое значит побеждает? Убивает, удерживает поле сражения, берет пленных. Что такое значит – берет пленных, спрашивает *l'enfant terrible*?⁵⁷⁹ Ежели они пошли, чтобы убивать и быть убитыми, зачем же они сдаются? Так надо, отвечает история, так всегда было. И победа войска есть причина завоевания – так всегда было. Действительно, проверяя этот факт по истории, оказывается, что всегда приблизительно так было, и, не в силах доискаться⁵⁸⁰ другой причины, пытливый ум примиряется с объяснением истории.

Действительно: одержана победа Фридрихом II – Саксония перестает существовать, одержана победа под Иеной – Пруссия перестает существовать, одержана победа под Веной – Австрия перестает существовать.

Но вдруг в 1812 одержана победа под Москвой (со всеми признаками победы), Москва взята – и не Россия перестала существовать, а перестала существовать 600-тысячная армия. Натянуть факты на правило истории – сказать, что поле сражения в Бородине осталось за нами, что после Москвы были сражения, уничтожившие армию Наполеона, – невозможно.

После Бородина – победы французов – не было ни одного сражения, и французская армия перестала существовать. Что это значит? Ежели бы это был пример из истории Китая, мы бы могли сказать, что это явление неисторическое (лазейка историков, когда что не подходит под их мерку); ежели бы дело касалось столкновения непродолжительного и в котором участвовали малые количества войск, мы бы могли принять это явление за исключение, но событие это произошло между нашими отцами, для которых решался вопрос жизни и смерти отечества, и всей Европой, и война эта была самая огромная и продолжительная и гибельная из всех известных войн.⁵⁸¹

<Все историки фр[анцузы], описывая положение французского войска перед выходом из Москвы, утверждают, что всё в армии было хорошо, исключая кавалерии и артиллерии и обозов и мясной порции, т. е.⁵⁸² не было фуража для корма лошадей и скота.> Этому бедствию не могло помочь ничто, потому что окрестные мужики жгли свое сено и не давали его французам.⁵⁸³

Почему мужик Карп и Влас, который после выступления французов приехал в Москву с подводами грабить город и вообще не выказывал лично геройских чувств, почему этот мужик и всё бесчисленное количество таких мужиков не везли сена в Москву за хорошие деньги, нельзя себе объяснить, но и без объяснения чувствительна одна и та же сила в этих бесчисленных

⁵⁷⁸ *Зачеркнуто:* отвечает история.

⁵⁷⁹ [ужасный ребенок?]

⁵⁸⁰ *Зач.*: настоящей

⁵⁸¹ *Зач.*: Очевидно, правило и вывод неверны. Отчего же, одержав победу, без новых сражений французы погибли? Оттого, что Александр не хотел мира, оттого, что сгорела Москва, оттого, что был сделан фланговый марш, оттого, что у французов не было фуража – отвечают историки. Итак, <правило> вывод о том, что <сражение> победа покоряет народ, будет справедлив только тогда, когда прибавить, что после сражения не сгорит город, не согласится на мир император, не сделает флангового марша главнокомандующий и мужики будут привозить фураж. Понятно, что для правильности вывода надо включить еще бесчисленное количество условий и что потому вывод неверен. <И потому> Победа, как ее разумеют, не есть не только причина покорения или завоевания, но даже не есть постоянный признак, а признак случайный. Причина же завоевания, покорения или истребления армии, сила, решающая судьбы армии и народов, лежит не в войне, выражающейся сражениями, а вне ее. И отыскать и определить эту силу есть задача действительно науки. *Далее написано на полях и вновь зач.*: Французы одержали победу и сами погибли. Стало быть, не всегда победа есть причина завоевания, стало быть, факт покорения или непокорения не зависит от сражений и побед, от войны. Стало быть, сражение и война ес[ть]

⁵⁸² *Зачеркнуто:* лошадей и скота

⁵⁸³ *Зач.*: Без сомнения, нельзя сказать, чтобы гибель французов была причинена только тем, что мужик такой-то и такой-то не вез сено в Москву, несмотря

бесконечно малых, та же сила, которая была и в Б[ородинских] умиравших солдатах и в солдатах, стоявших под Тарутиным, и в шайках, ловивших и бивших французов по окрестностям.

*** № 274 (рук. № 96. Т. IV, ч. 3, гл. I, II).⁵⁸⁴**

Представим себе двух людей, вышедших на поединок с шпагами и по всем правилам фехтовального искусства. Фехтование продолжалось довольно долгое время с различными перевертываниями успеха то к той, то к другой стороне и, наконец, один из противников, почувствовав себя раненым, поняв, что дело это не шутка, а касается его жизни, бросил свою шпагу⁵⁸⁵ и, взяв первую попавшуюся дубину,⁵⁸⁶ начал ворочать ею, вследствие чего естественно очень скоро одержал победу.

Но представим себе⁵⁸⁷ вместе с тем, что противник, так разумно⁵⁸⁸ употребивший лучшее и простейшее средство для достижения цели, вдруг бы, воодушевленный преданиями рыцарства, захотел бы скрыть сущность дела и настаивал бы на том, что он по всем правилам искусства победил на шпагах.

Можете себе представить, какая путаница и неясность произошла бы от такого описания происшедшего поединка.

[Далее от слов: Фехтовальщик, требующий борьбы по правилам искусства *кончая*: объяснили ее значение *близко к печатному тексту*. Т. IV, ч. 3, гл. I, II.]

Между прочим, такого рода война (всегда, как показывает история, успешная) не только не подходит ни под какие правила, но прямо противоположна тем мнимым наукам, которые называются стратегией и тактикой. В этих глубокомысленных соображениях было найдено, что для атакующего выгоднее нападать в массе, то есть не раздробляясь.⁵⁸⁹ (Это правило не может иметь никакого смысла для человека, пользующегося здравым рассудком, потому что, ежели я,⁵⁹⁰ нападая двумя человеками или корпусами против одного,⁵⁹¹ имею две случайности против одной⁵⁹² в числе, я этим самым даю противнику такие две случайности против одной во времени, то есть что мои два корпуса или человека могут быть разбиты сразу, а его один корпус наверное еще не разбит, и история показывает бесчисленные примеры противного (Бенедек и пруссаки),⁵⁹³ но, несмотря на то, это правило признано несомненным).⁵⁹⁴ А между тем партизанская война прямо противоположна этому правилу и всегда успешна.⁵⁹⁵

⁵⁸⁴ Автограф.

⁵⁸⁵ *Зач.*: отбежал назад, чтобы взять и вписаны след. два слова.

⁵⁸⁶ *Зач.*: и с этой дубиной набежав на <прот[ивника]> врага, противно всем правилам искусства, согнувшись и с боку, начал <драться> ворочать дубиной и весьма скоро выбил шпагу из рук удивленного противника, избил и прогнал его. Теперь и вписано до конца абзаца.

⁵⁸⁷ *Зач.*: кроме того

⁵⁸⁸ *Зач.*: откинувший все правила искусства, считает однако <по установившемуся убеждению> по преданиям рыцарства, что этот его поступок откинутой шпаги и взятой дубины несколько постыден. Таким же считают <это впоследствии> этот эпизод дубины в особенности тот, который пострадал от нее, и все те, которые рассказывают про это <т поединок> событие. Рассказчики, описывая это событие, стараются умалчать о неправильностях отступления, поднятия дубины и обращения с нею, а подробно рассказывают о положениях терции, кварты, квинты, которыми парированы были удары противника, и теми различными правильными мнимыми ударами, которыми была одержана победа, так [как] результатом <победы> поединка была победа. *Поверх зачеркнутого написано и опять зачеркнуто*: Представив себе это ясно, [поймем?], каким образом в рассказах об этом событии будет постоянная неясность и неточность. Умалчивая о дубине и обращении с нею, рассказчики будут описывать события и вписано на полях, *кончая*: описания происшедшего поединка.

⁵⁸⁹ *Зачеркнуто*: Хотя

⁵⁹⁰ *Зач.*: воюя

⁵⁹¹ *Зач.*: то я действ[ительно?]

⁵⁹² В автографе: одного

⁵⁹³ Людвиг Бенедек – австрийский генерал, разбитый пруссаками под Кёниггрецем 3 июля 1866 г.

⁵⁹⁴ *Зач.*: Почему же так выгодно

⁵⁹⁵ *Зач.*: Бессмыслица эта происходит от того, что так называемые науки суть пустая болтовня, что решает участь войн не

Противоречие это, как и бесчисленное количество бессмыслиц, составляющих так называемую науку, происходит от того простого факта, что⁵⁹⁶ войска, составляющие субъект мнимой науки – существа живые и что не только успех сражения или войны, но все распоряжения в военное время зависят от неопределимого дифференциала, который называется духом войска. Чем⁵⁹⁷ ниже дух войска,⁵⁹⁸ т. е. чем меньше желание драться каждого отдельного человека, тем больше должны быть массы, своей притягательной силой действующие на единицы. Чем выше дух войска, тем более войска могут быть раздроблены. В народных войнах, какими были войны Кавказа, Испании, России, войска могут быть раздроблены до⁵⁹⁹ последней степени.⁶⁰⁰

⁶⁰¹ Выгода всегда на стороне действующего раздробленно против массы в прямой пропорции деления. Тогда [кто]разбился на 2 единицы против 2-х имеет 2 шанса, кто на 10 – десять и т. д.

[Далее от слов: Но тактическое правило о делимости кончая: подвергать себя трудам и опасностям⁶⁰² близко к печатному тексту. Т. IV, ч. 3, гл. II.]

И это раздробленное действие русских войск было одним из самых страшных ударов дубины, отвечавших на эволюции шпаги французов.

И благо тому народу, который не как французы в 1813 [году], по всем правилам искусства, перевернув шпагу эфесом, грациозно и учтиво передают ее⁶⁰³ русскому императору, а благо тому народу, который в минуту испытания не спрашивается о том, как велено поступать в этих случаях, а с поразительной простотой и легкостью поднимает первую попавшуюся дубину, не жалея себя, гвоздит ею до тех пор, пока не чувствует восстановленной свою самостоятельность и силы, и до тех пор, пока в душе его чувство ненависти не заменяет другое – презрение и жалость.

* № 275 (рук. № 96. Т. IV, ч. 2, гл. XIX, и п. 3, гл. XVI, XVII, XVIII).

Новая глава

⁶⁰⁴ 4-го октября французы выступили из Москвы. Яковлев, Тутолмин не привезли ответа. Лористон.⁶⁰⁵

Куда они идут и зачем, никто не знал, еще менее сам великий гений Наполеона, так как никто ему не приказывал.⁶⁰⁶ Он и его окружающие по привычке соблюдали раз заведенный порядок, писались приказы, письма, рапорты, *ordre du jour*, называли еще друг друга

стратегия и тактика, а дух войска. И что до тех пор, пока не будут найдены законы, управляющие этим дифференциалом] силы, не будет науки. Партизанская война всегда приносила огромные результаты, [потому] ч[то] она начиналась тогда, когда дух войска находился на высшей степени напряжения. Для войны за границей, за прусского короля, как говорят французы, необходимы массы, удерживающие своей притягательной силой войска, для войны у себя дома (движущая сила лежит) сила отпора лежит одинаково в каждом отдельном человеке. *Вместо зач. вписан на полях текст след. абзаца.*

⁵⁹⁶ *Зачеркнуто:* люди, над к[оторыми]

⁵⁹⁷ *Зач.:* выше

⁵⁹⁸ *Зач.:* тем больше

⁵⁹⁹ *В рукописи:* то

⁶⁰⁰ *Зач.:* и чем больше раздробление, тем очевиднее выгода. С легкой руки Д. Давыдова партизанские отряды стали размножаться, и несомненно, что одно из главных условий гибели французов была деятельность этих людей. В противность тактическому правилу о выгодах наступления в массах и защиты в раздроблении нельзя не видеть, что, действуя <Действуя в раздроблении> <Ежели не принимать во внимание

⁶⁰¹ *Зач.:* Очевидно, что

⁶⁰² *Далее зач.:* Эта деятельность бесчисленного количества неизвестных русских людей <принявшая> <облекшаяся в форму> и назвалась партизанской войной.

⁶⁰³ *Зач.:* победителю

⁶⁰⁴ *Начало – автограф на копии зачеркнутого первого чернового автографа продолжения «Войны и мира» (см. т. 14, вар. № 183).*

⁶⁰⁵ *На полях:* К. Б. Е. *Далее зач. копия от слов:* Наконец явился кончая: сама отдавалась в плен.

⁶⁰⁶ *Зачеркнуто:* Около него еще соблюдался кой-какой *desordre* и *вписано, кончая:* заведенный порядок,

«Sire, mon cousin Prince d'Ekmuhl и roi de Naples», но все чувствовали, что они бедные, гадкие люди, нажившие себе горя, упреков совести и безвыходное несчастье. Приказы и рапорты были только на бумаге, в сущности⁶⁰⁷ <каждый делал то, что хотел и мог.

И чем же был занят Н[аполеон]? Тем, чтобы побить тот пол, о который он зашибся, и непременно взорвать Кремль и сжечь дом Раст[опчина] и Разум[овского].⁶⁰⁸

Он ничего не понимает, не приказывает; казал[ось], шкнули на него, подгоняя[?], и он бежит с армией, наконец бежит один в теплой шубе и оставляет на погибель сотни тысяч. Но и тут историки не забывают находить объяснения и, когда по-русски, по-человечески – что мерзавец и подлец, они говорят *grand*.

Так уходили войска Наполеона. Думали только об одном, как бы поскорее уйти и спастись.>⁶⁰⁹

* № 276 (рук. № 96. Т. IV, ч. 3, гл. III—VII, XII–XIV).⁶¹⁰

Денисов был⁶¹¹ тоже партизаном.⁶¹² Довольно большая партия Денисова принадлежала к разряду веселых и великодушных. У Денисова, теперь полковника, в партии находился Петруша Ростов, непременно желавший служить с Денисовым, к которому он получил страстное обожание еще со времени приезда его в 1806-м году в Москву.⁶¹³

6 октября Денисов ночью сидел⁶¹⁴ в избе на барабане перед доской, положенной одним концом на окно, другим на вьюки, и писал. На доске стояла сальная свеча, чернильница и стакан с пуншем. Денисов был в одной рубашке и широких плисовых штанах, засунутых в⁶¹⁵ сапоги. Вся нижняя часть его лица обросла густой, уже курчавившейся бородой.

Агатовые глаза его особенно ярко блестели, и он, быстро треща пером,⁶¹⁶ изредка оставившись, попивая из стакана, и взглядывал на Петрушу Ростова, лежавшего на⁶¹⁷ разостланном на полу ковре.⁶¹⁸

Петруша с своим широким и добрым лицом и худыми, отроческими членами, лежа на животе и болтая ногами, поглядывал на писавшего Денисова и тоже пил чай, который стоял подле него. Петя был одет в серый мужицкий армяк с нашитыми на груди патронами и синие кавалерийские рейтузы,⁶¹⁹ и поднятые ноги были в одних чулках.

Они только что воротились из розыска, который они делали всей партией по Смоленской дороге.⁶²⁰ Розыск был удачен: они привели с собой 16 человек отдавшихся французских солдат и две французские фуры, отбившиеся дорогой, нагруженные французскими седлами.⁶²¹

⁶⁰⁷ Далее зач. текст той же копии и вместо него вписано над строкою и на полях рукой Толстого и опять зачеркнуто до конца варианта.

⁶⁰⁸ Зач.: <Но и> Но историки, здесь приведенные к тупику, опасаются

⁶⁰⁹ Переработку и развитие этой части варианта см. в рук. № 97, вар. № 280.

⁶¹⁰ Переработанная копия.

⁶¹¹ Зач.: другим

⁶¹² След. фраза – автограф.

⁶¹³ Зач. в копии: Кроме этих партий, рыскали еще в этом же пространстве недалеко партия одного польского графа в русской службе и немца-генерала и вписано: 6 октября

⁶¹⁴ Зачеркнуто в копии: на полу, на коврах, в разваленной избе, с бородой, в армяке и с образом Николая Чудотворца на цепочке, и писал быстро, треща пером, изредка попивая из стакана налитого до половины ромом чая. Дальнейший текст – автограф на полях копии.

⁶¹⁵ В рукописи далее по ошибке: штаны.

⁶¹⁶ Зач.: писал, что

⁶¹⁷ Зач.: земле

⁶¹⁸ Далее, кончая: синие кавалерийские рейтузы – исправленная копия.

⁶¹⁹ Далее по зачеркнутой копии – автограф Толстого.

⁶²⁰ Зач.: Как и всегда почти без исключения

⁶²¹ Зач.: Денисов впереди

В числе пленных был один 15-летний мальчик барабанщик. Денисов подозвал к себе этого мальчика.⁶²² Денисов показался Пете тронутым; он, обласкав мальчика, велел его оставить при себе. Петя знал, что его герой – Денисов был храбрее и благороднее всех людей, но эта новая замеченная в нем черта чувствительности в высшей степени тронула Петю. Он теперь смотрел на Денисова, вспоминая этот трогательный эпизод.

«Кабы все знали только, какой это человек! » думал Петя. «Ему бы, а не этому старому Кутузову (Петя имел очень низкое мнение о Кутузове) быть главнокомандующим. Однако куда его дели?» подумал Петя о молодом барабанщике. Когда они вернулись, Петя озабочился о том, чтобы мальчика⁶²³ покормили, но куда его положили спать и не обидели бы его, подумал Петя. «Это – мое дело», и он встал с тем, чтобы спросить у Денисова, можно ли позвать сюда мальчика и напоить его чаем. Но в то время, как он подходил к Денисову, Денисов кончил бумагу и обратился к нему, подавая ему:

– Запечатай пожалуйста, Ростов.

Петя взял.

– Прочти, прочти, как я этих сукиных детей отделяваю, – сказал Денисов.⁶²⁴

Бумаги, которые писал Денисов, были ответами на требования двух командиров отрядов, дипломатически приглашавших Денисова соединиться с ними, то есть, так как Денисов был моложе чином, поступить под их начальство для атаки большого кавалерийского депо Бланкара, на которое точили зубы все начальники партий, желая приобрести славу этой добычи.

Денисов, чтобы отделаться от них обоих и самому взять это депо, о котором он нынче в ночь послал разведать, отвечал одному генералу, что он поступил уже к другому под начальство; а другому писал, что он уже поступил к первому, каждому подпуская в тоне подчиненности шпильки, на которые он считал себя великим мастером.⁶²⁵

– А я хотел тебя спросить, – сказал Петя (Денисов был на «ты» и с Петей). – Можно позвать сюда Босса? – Vincent Bosse – так звали 15-летнего барабанщика. – Его надо одеть как-нибудь. Да и чаю....

– Позови, позови, напои его чаем с ромом, – сказал Денисов, продолжая скрипеть пером свою другую ядовитую бумагу.

Петя надел сапоги и вышел на улицу. Была темная, ветреная, осенняя ночь; костры казаков и партизанов виднелись вблизи. —

– Bosse! Vincent! – крикнул Петя.

Ближайшие казаки услышали Петю.

– Кого ему?

– Он сказал, что того мальчика француза, которого взяли утром.

– А, Висеню, – сказал казак. Уж они переделали его имя Vincent в Висеню, подходившее⁶²⁶ по напоминанию о весне к их представлению о молоденьком, хорошеньком мальчике, которого все полюбили и жалели.

– Он тут у кухни грелся. Эй! Висеня! Висеня! – слышались ласковые голоса. – Господа кличут.

⁶²² *Зач.*: сказал ему несколько милостивых слов, вроде тех, которые Наполеон в Аустерлице сказал Репнину: Vous êtes venu bien jeune, vous froterez à nous [Молоды же вы сунулись биться с нами] и потом, когда мальчик что-то проговорил про ma pauvre mère [мою бедную матушку], Денисов обласкал его.

⁶²³ *Зач.*: одели <и покормили> в русский мужицкий

⁶²⁴ *Зачеркнуто*: Бумага эта было в почтительной форме написанное донесение одному из начальников больших партизанских отрядов. В донесении было написано, что, несмотря на сильное желание служить под начальством его превосходительства, Денисов должен был лишиться себя этого счастья, потому что он находился уже под командой Е[го] С[иятельства] – другого начальника партизанского отряда. *След. два абзаца – исправленная копия.*

⁶²⁵ *Зач. текст исправленной копии*: Таким образом, Денисов отделялся от обоих и намеревался сам захватить депо и славу, и чин, и крест.

⁶²⁶ *Зач.*: к их представлению

Тонкая фигурка барабанщика в коротком мундирчике и босиком – Петя слышал, как он быстро шлепал ногами по грязи – ⁶²⁷подошла к Пете. Петя ввел его в комнату.⁶²⁸

Висеня, хорошенький, худощавый мальчик с большими ⁶²⁹ черными глазами, испуганно взглядывал на черного, растерзанного Денисова, продолжавшего писать, и шепотом отказывался от чая, указывая глазами на commandant,⁶³⁰ как он называл Денисова.

Молоденькому барабанщику не нужно было говорить о та pauvre mère;⁶³¹ его несложившееся, растущее тело, его без пушку на губе, но истощенное красивое лицо, его нетвердый голос, его, видимо напущенная, солдатская ухватка, из-за которой еще резче выказывалась детская незаглушимая невинность, сами собою напоминали о матери, которая еще так недавно должна была носить его. Это чувствовали все, и не только Денисов и Петя, но все в отряде тотчас же полюбили его. Денисов, заметив его робкий шепот, поднял голову от писанья, ласково улыбнувшись, кивнул ему и сказал, чтоб он ничего не боялся, садился бы и пил чай.

– Oui, mon commandant,⁶³² – отвечал на всё Висеня, вскидывая глаза, приставляя опухшую руку к козырьку кивера. Когда он уселся, Петя заметил, что он дрожал от холода или от страха и беспрестанно краснел. Когда Петя у него что-нибудь спрашивал, он, видимо, благодарен был, но боялся не уронить достоинства своего народа и не сделать как-нибудь, чего-нибудь недостойного солдата.

Когда Денисов кончил свою бумагу и встал, Висеня вскочил тоже.

– Знаешь что, – сказал Денисов Пете по-русски, – что его отсылать с пленными – помрет ведь половина, оставим его. Он нам прислуживать будет – он ловкий мальчик.

И тотчас же Денисов, подойдя к Висене, потрепал его по плечу, сказал ему, что он намерен для него сделать.

– Oui, mon commandant, merci, mon commandant,⁶³³ – говорил Висеня, и яркая краска набежала на его лицо.

Денисов понял, что его ⁶³⁴ смущало, и успокоил, что ничего не будет недостойного его солдатского звания.⁶³⁵

У двери послышался топот ⁶³⁶ мягких шагов и топтание человека, который, видимо, хотел дать знать о себе.⁶³⁷

– Посмотр'и⁶³⁸, кто там, – сказал Денисов Пете.⁶³⁹

В домашней жизни он был на «ты» с Денисовым, как и все, но как дело касалось до службы, так он был адъютант.⁶⁴⁰

⁶²⁷ Зачеркнуто: вышла

⁶²⁸ Зач.: и долго не мог успок[оить]

⁶²⁹ Зач.: роб[кими]

⁶³⁰ [командира,]

⁶³¹ [своей бедной матушке;]

⁶³² [– Слушаюсь, господин командир,]

⁶³³ [– Слушаюсь, господин командир, спасибо, господин командир,]

⁶³⁴ Зач.: занимало

⁶³⁵ Зач.: Тотчас же позвали <денщика> людей, одели мальчика в сапоги и кафтан, и Vincent вдруг повеселел – видимо, покорился своей участи и тотчас же принялся оказывать различные услуги.

⁶³⁶ Зачеркнуто: нескольких лошадей, и чей-то голос, чужой голос, говорил, что-то называя Денисова.

⁶³⁷ Зач.: Это кто?

⁶³⁸ Зач.: пожалуйста

⁶³⁹ Зач.: Сметливый француз выбежал в сени и тотчас же вернулся. – Un officier superieur avec sa suite, commandant [Штаб-офицер со своей свитой, господин командир], – доложил он. Подъехавший офицер был Долохов. Он <велел> вошел в избу.

⁶⁴⁰ Зач. текст исправленной копии: Денисов, склонный играть в службу и Наполеона, еще более был поощрен к этому твердой верой Пети в его Наполеонство. Шаги принадлежали <Тихону Шестипалому, которого ввел Петя> длинному человеку в лаптях.

– Слушаю-с, – сказал Петя, вставая. – Это Тихон, – сказал он.⁶⁴¹

– А, Шестипалый! – весело сказал Денисов.⁶⁴²

Тихон Шестипалый был мужик из Покровского. Когда при начале своих действий Денисов прибыл в Покровское, ему жаловались на двух мужиков, принимавших французов, Прокофия Рыжего и Тихона Шестипалова. Денисов,⁶⁴³ выслушав эти жалобы, считая своим долгом показать пример наказания изменников, посоветовавшись с своими товарищами, присудил расстрелять обоих; но Тихон упал в ноги, обещая, что будет служить верно, что он только по глупости, и Денисов,⁶⁴⁴ наказав розгами обоих мужиков, простил их и взял⁶⁴⁵ по выраженному им[и] желанию в свою партию. Тихон, сначала исправлявший черную работу раскладки костров и доставления воды, скоро оказал необыкновенные способности в партизанской войне. Он раз, идя за дровами, наткнулся на миродеров, как он называл их, и убил двух, а одного привел.

Денисов, шутя, взял Тихона с собой верхом, и оказалось, что не было человека, способного больше перенести трудов, дальше видеть, неслышнее подлезть и менее понимать, что такое опасность, как Тихон Шестипалый, и Тихон был зачислен в казаки, в урядники и получил крест. Тихон был мужик длинный, худой, с низко опущенными, мотавшимися, как будто бессильными руками, но которые в своем мотаньи ударяли крепче самых сильных, и такими же длинными, мотавшимися ногами, но которые, мотаясь, огромными шагами проходили по 70-ти верст в сутки, не уставая. Шестипалый он был потому, что действительно у него были на руках и ногах приросточки около пятого пальца, образовавшие как бы шестой маленький палец.⁶⁴⁶

⁶⁴⁷ Длинное лицо его с повисшим набок носом и с редкими, кое-где выбивавшимися на бороде длинными волосами было всё изрыто оспой. Он улыбался редко, но очень странно; так странно, что, когда он улыбался, то все смеялись. Он несколько раз был ранен, но все раны скоро заживали, и он не ходил в лазарет. Ему только нужно было остановить кровь, которую он не любил видеть. А боли он не понимал так же, как не понимал страха.

На голове он носил казанскую пуховую шляпу. Одет он был в красный французский гусарский мундир⁶⁴⁸, в мужицкие портки и лапти. Эту обувь он предпочитал всем другим. У него был огромный мушкетон, короткое ружье с воронкой расходившимся дулом, которое он один умел заряжать, насыпая туда сразу три заряда. Кроме того, при нем были всегда топор и пика.

– Что, Тишка? – спросил Денисов.

– Да привел двух, – недовольным, обиженным голосом сказал Тихон.

Денисов понял, что двух пленных. Он посылал его⁶⁴⁹ к лакомому куску – депо Бланкара, разведать, что там делалось.

– А, – сказал Денисов, этим междометием выражая то, что он и не ожидал меньше этого. – Из Шамшева? – прибавил он.

– Из Шамшева. Вот тут, у крыльца.

⁶⁴¹ *Зач.*: вводя его в избу.

⁶⁴² *Зач.*: <Ну> Тихон Шестипалый был тот мужик, которого он посылал нынче утром для разведки в депо Бланкара. *Далее текст исправленной копии.*

⁶⁴³ *Зач. в копии*: тогда же, пробуя свою власть и свое умение управлять, но предварительно разгорячившись, велел и *вписано, кончая*: присудил

⁶⁴⁴ *Зач.*: простил его и *вписаны след. шесть слов.*

⁶⁴⁵ *Зач.*: в свою и *вписаны след. шесть слов.*

⁶⁴⁶ *Зачеркнуто*: и ворожея сказала ему, что, ежели он отрубит один из этих пальцев, то он пропадет, и Тихон берег эти уродливые кусочки мяса больше головы.

⁶⁴⁷ *Зач.*: Лицо у него было изрыто чем-то, длинное и *вписаны след. три слова.*

⁶⁴⁸ *Зач.*: с казанской пуховой шляпой на голове и в лаптях и *вписано окончание фразы.*

⁶⁴⁹ *Зач.*: туда, где стояли парки, разведать. – А, из Шамшева? и *вписано, кончая*: прибавил он.

– Что ж, много наг’ода?

– Много, да плохой, всех побить можно разом, – так же грустно сказал Тихон. – Я сразу трех взял за околицей.

– Что ж только двух пг’ивел? Где тг’етий?

– Да так, ваше высокоблагородие.⁶⁵⁰ Он... Ваше высокоблагородие. – Тихон стал чесать одной рукой спину, другой голову и улыбнулся. Денисов и Петя, и даже Vincent, сами еще не зная чему⁶⁵¹, засмеялись.

– Третий, тгетий-то где?⁶⁵² – напрасно стараясь удержать свой смех, спросил Денисов.

– Да так, ты, ваше высокоблагородие, не серчай, так... – Он опять улыбнулся, и опять Петя, и Денисов, и Vincent покатались со смеха.

– Да что так?

– Да так, плохенькая такая на нем одежонка...⁶⁵³ – Тихон, как красная девушка, опустил глаза и замолчал.

– Ну так что ж? – строго уже сказал Денисов.

– Ну, да что же его водить-то так... босой.... весь...

– Ох, не годится, – строго покачивая головой, сказал Денисов. – Больно выдеру... Ну ладно, ступай, я сейчас выйду к ним, – прибавил он, помолчав немного и сжалившись над убитым и испуганным лицом Тихона.⁶⁵⁴

Когда Тихон ушел, Денисов послал за своими товарищами офицерами, и они, составив⁶⁵⁵ военный совет, обсуждали предполагаемое⁶⁵⁶ нападение на депо. После непродолжительных совещаний решено было⁶⁵⁷ перейти на другой день ближе к Шамшеву в лес и в ночь сделать нападение.

Но когда на другой день Денисов с своей партией подошел к Шамшеву, он узнал, что ввечеру депо это уже было отбито и уведено другим партизаном, Долоховым, обманувшим всех других и забравшим лакомый кусок.⁶⁵⁸

⁶⁵⁰ *Зач.*: Тихон засмеялся, и Денисов и Петя невольно тоже и *вписано, кончая*: засмеялись.

⁶⁵¹ *Зач.*: громко расхохотались.

⁶⁵² *Зач.*: смеючись и *вписаны след. пять слов*.

⁶⁵³ *Зачеркнуто*: Он замолчал и *вписана след. фраза*.

⁶⁵⁴ *Зач. текст исправленной копии первого черновика (см. т. 14, вар. № 183)*: Тихон ушел, и вслед за ним в комнату вошел Долохов, прискакавший за 55-ть верст к Денисову. Долохов был озабочен тем же, чем занят был и Денисов – желанием одному взять депо Бланкара. Он приехал к Денисову под предлогом дружбы, но цель его состояла в том, чтобы отвести его от депо и самому взять его. Долохов поговорил с Тихоном и вошел в комнату. Долохов был одет просто в военный гвардейский сюртук без эполет и в большие щегольские ботфорты. – Что ж это мы стоим, море караулим, – заговорил Долохов, подавая руки Денисову и Пете. – Что ж ты не возьмешь их из Ртищева, ведь там триста пленных наших, – говорил он. – Да я жду помощи на депо напасть... – Э, вздор, депо не возьмешь, там четыре батальона пехоты, спроси-ка, вот твой привел. Денисов засмеялся. – Ну, понимаем, понимаем вас, – сказал он. – Хочешь пуншу? – Нет, не хочу. А вот что, у тебя пленных набралось много, дай мне человека десять, мне натравить молодых казачков надо. Денисов покачал головой. – Что ж ты, не бьешь их? – просто спросил Долохов. – Нежинка, посмотрю я на тебя. Посидев вечер у Денисова, Долохов уехал в ночь, и на другой день Денисов к огорчению своему узнал, что Долохов обманул всех, <и двух генералов и Денисова, он> и, не дожидаясь никого, напал <на другой день на депо Бланкара и, разумеется, взял всё то, что только дожидалось случая отдаться. (Новая глава)> Пьер находился в этом депо в числе пленных. С первого перехода от Москвы с него сняли валенки, и есть им ничего не давали, кроме лошадиного мяса с порохом, ночевали они под открытым небом. Становились заморозки. На втором переходе Пьер почувствовал страшную боль в ногах и увидал, что они растрескались. Он шел, невольно припадая на одну ногу, и с этого времени почти все силы его души, вся его способность наблюдения сосредоточились на этих ногах, на этой боли. Он забыл счет времени, забыл место, забывал свои опасения и надежды. *Вместо зач. вписан на полях рукой Толстого текст двух следующих абзацев*.

⁶⁵⁵ *Зач.*: неб[ольшой]

⁶⁵⁶ *Зачеркнуто*: предприятие

⁶⁵⁷ *Зач.*: <напасть> выступить на другой день

⁶⁵⁸ *На полях зачеркнутый автограф*: В общем. Страдания – сознание ничтожности личности. *Общее*: Спасительный клапан страдания. Отвернулся от Кар[атаева], к[огда] убивали его. Пьера губит и убивает порядок. Оставить не оставить? Взять. (На гору в грязи.) (Нет, не пойду дальше.) Понемногу приходил в бедственное положение и не заметил Каратаева, всё шел. Послали. Вид обоза, растрескались ноги. Каратаев: прощай, П[етр] К[ирильч], красное солнышко. Бог души не возьмет, сама не

№ 277 (рук. № 97, Т. IV, ч. 3, гл. III—XI, XV).

<Новая глава>

II

⁶⁵⁹ Так называемая партизанская война началась со вступления неприятеля в Смоленск. Уж тысячи людей неприятельской армии, отсталых, мародеров, фуражиров, были побиты казаками и мужиками,⁶⁶⁰ которые побивали этих⁶⁶¹ людей так же бессознательно, как собаки загрызают забежную собаку, сами не зная, хорошо ли это, или дурно они это делают, когда партизанство было узаконено.

⁶⁶² Денис Давыдов своим русским чутьем первый понял значение той страшной дубины, которая уничтожала французов, и ему принадлежит слава того, что он сделал первый шаг для узаконения, оформления этого⁶⁶³ приема войны.⁶⁶⁴

24-го числа августа был учрежден первый партизанский отряд Давыдова. После были учреждены еще другие, и чем дальше подвигалась кампания, тем больше образовывалось этих отрядов. Отряды эти были – самое⁶⁶⁵ веселое, самое безопасное, хотя и трудное употребление войск, и потому самое полезное.

⁶⁶⁶ Веселое оно было потому, что нигде так блестяще нельзя было отличиться;⁶⁶⁷ безопасное потому, что каждый отдельный начальник берег своих – маленькая партия никогда не стояла под выстрелами; и самое полезное, потому что эти отряды давали сведения о положении армии (не всегда верные, потому что чем лучше представлялось положение неприятеля, тем больше была заслуга), но все-таки⁶⁶⁸ руководили большую армию, и в особенности полезное потому, что партизаны уничтожали по мелочам большую наполеоновскую армию. Партизаны подбирали те отпадавшие листья, которые сами собою сыпались с иссохшего французского войска, и иногда трясли это дерево.

В октябре месяце, когда французы бежали к Смоленску, этих партий различных величин и характеров были⁶⁶⁹ сотни. Были партии, перенимавшие все приемы армии, с пехотой, артиллерией, штабами, с удобствами жизни; были одни казачьи, кавалерийские, были мелкие, сборные, пешие и конные, были мужицкие и помещичьи, никому не известные. Был один дьячок начальником партии, взявший в месяц несколько сот пленных.⁶⁷⁰

⁶⁷¹ Петя Ростов, покинув при выезде из Москвы своих родных и присоединившись к своему полку, скоро после этого из полка перешел в ординарцы к генералу, командовавшему

выйдет.

⁶⁵⁹ Первые два абзаца – автограф, вписанный на полях копии.

⁶⁶⁰ Зач.: по деревням

⁶⁶¹ Зач.: забежных

⁶⁶² Зач.: Денису Давыдову, который потом в своих сочинениях так старательно хочет выказаться европейцем, знакомым со всеми европейскими правилами войны, принадлежит слава

⁶⁶³ Зач.: лучшего

⁶⁶⁴ Далее копия. Опубликовано впервые до конца варианта в сб. «Лев Николаевич Толстой», изд. АН СССР, М. 1951, стр. 626—640.

⁶⁶⁵ Зач.: приятное и вписано: веселое

⁶⁶⁶ Зачеркнуто: Приятное и вписано: Веселое

⁶⁶⁷ Зач. вписанное Толстым: и что все люди, участвовавшие в этой войне, испытывали чувство, подобное охоте,

⁶⁶⁸ Зач.: они одни

⁶⁶⁹ Зач.: десятки и вписано: сотни.

⁶⁷⁰ Далее зачеркнута копия (см. вар. № 276), кончая словами: в тоне подчиненности шпильки, на которые он считал себя великим мастером (стр. 94—96). Вместо зач. над строками на полях копии и продолжении на отдельном листе написан дальнейший текст. Начало его зачеркнуто: Васька Денисов в начале сентября был одним из <партизанов> первых партизанов.

⁶⁷¹ На полях конспект: Охота за людьми – бессмысленная, от этого дельная. Т[ихон] с кавалеристами бегают, соперничает с казаками. Сначала Денисов, как в тумане, но всё делается, как само собой – его учат, а он притворяется. Врассыпную отступать

важной частью. Поступив в действующую армию,⁶⁷² Петя испытывал то тяжелое чувство не столько разочарования, сколько недовольства собой, которое испытывают все искренние и пылкие молодые люди, испытывая на деле войну, о которой, благодаря ложному ходячему мнению, у них составилось совершенно противоположное понятие. Это разочарование и недовольство собой бывает всегда тем сильнее, чем способнее молодой человек к военному делу. Петя был одарен огромным самолюбием, здоровыми нервами и способностью крови вступать ему в голову так, что он ничего не понимал и не видел, когда разгорячался. Кроме того, он был почти ребенок. И поэтому он был то, что называется безумно храбр, и поэтому тоже он, вступив в действующие войска и участвовав два раза в деле под Тарутиным и под Вязьмой, испытывал тяжелое чувство разочарования и недовольства собой.

Вместо торжественных с знаменами, музыкой⁶⁷³ сражений Петя видел⁶⁷⁴ какую-то кутерьму. Вместо героя полководца он видел дряхлого старика, про которого рассказывали неприличные анекдоты, вместо⁶⁷⁵ сынов отечества, жертвующих собой, были генералы, игравшие в бостон и ссорившиеся между собой, вместо общего мужества большая часть людей боялись смерти и ран. Петя не знал тогда, что все эти генералы и даже его начальник, который почти всякий день был пьян и очень не любил быть под огнем, что все эти генералы будут описаны в шлемах и бронях летающими перед полками. Петя не отдавал себе тогда отчета о том, как всё это было, и не позволял себе судить о том, что он видел, но он испытывал недовольство собой, считал, что он виноват в том, что с ним не случается ничего геройского. Он всё время был, как в тумане. Ему всё казалось, что там, где его теперь нет, там-то совершается самое хорошее, геройское, и он всё торопился поспеть туда, где его не было. Когда в⁶⁷⁶ 20-х числах октября его генерал, командовавший отдельным отрядом, пожелал послать кого-нибудь к Денисову, бывшему одним из партизанов в то время, Петя просил, чтобы послали его. Может быть, партизаны, в особенности Денисов, которого он помнил еще с 1806 года, был самым героем. И, боясь пропустить что-нибудь геройское в то время, как он будет в отлучке, и надеясь, что там-то у Денисова он найдет случай отличиться вполне, он поехал к партизанскому отряду Денисова.⁶⁷⁷

Петя нашел⁶⁷⁸ место помещения Денисова в 15 верстах от большой дороги. Но в тот день, как он приехал к нему, Денисова не было дома. Он с своей партией был в разъезде, и его ждали к вечеру. Перед вечером, стоя у ворот маленького помещичьего дома, Петя увидал⁶⁷⁹ возвращающуюся партию.⁶⁸⁰

Впереди на вороном донце ехал Денисов.⁶⁸¹

и т. д., убить, да уйти. Учит мужиков, как бить. Бежал солдат. Т[ихон] привел его. Он был полезен. Он описывался. Петя удивляется, как он видит линии, опрокидывает их, как [будто] ничего не было. 400 пленных, ранено 3 казака. Устали вечером, возвращаясь, а нечего делать, опять надо идти. Выпивали, хотят идти сейчас и пошли уже. Спрашивают у урядника. П[ете?] совестно жалеть.

⁶⁷² *Зач.*: во время ее отступления

⁶⁷³ *Зачеркнуто*: определительных

⁶⁷⁴ *Зач.*: неясную

⁶⁷⁵ *Зач.*: героев

⁶⁷⁶ *Зач.*: половине

⁶⁷⁷ *Зач.*: нашел его и участвовал с Денисовым в поиске на французов, который Денисов сделал нарочно, чтобы угостить молодого человека.

⁶⁷⁸ *Зач.*: Денисова

⁶⁷⁹ *Зач.*: подъезжающую

⁶⁸⁰ *Зач.*: <24 октября был пасмурный, сырой, осенний день. В 30 верстах от Смоленска, в 10 верстах от большака, в небольшой господской деревне, в лучшем маленьком помещичьем дворе><24 октября на двор небольшого помещичьего домика перед вечером въезжала партия человек 20 верх[ом]. Несколько> Перед вечером 24 октября к воротам небольшого помещичьего домика подъезжала кавалерийская партия человек в 100. Впереди ехал Д[енисов].

⁶⁸¹ *Осталось незачеркнутым*: Рядом с ним ехал Петя *Далее зачеркнуто*: Ростов, несколько дней тому назад поступивший из адъютантов, куда его поместили, в партизанский отряд, которым командовал Денисов. Снегу еще не было, но день был

Денисов был одет в папаху⁶⁸² и мужицкий кафтан с большим образом Н[иколая] Ч[удотворца] на груди и высокие сапоги. За кушаком у него был пистолет, через плечо шашка. Он сидел бочком, подкорчив свои короткие мускулистые ножки, и, громко смеясь, оборотив назад голову, кричал что-то⁶⁸³ офицеру, ехавшему сзади. Лицо его было худее и желтее обыкновенного. Черная, густая борода обросла нижнюю часть его лица, и глаза казались еще чернее и блестящее, чем обыкновенно.

– Тогда поделите, только бы толк был. Да п'ходите обедать, у нас ба'ан нынче, – кричал он, заворачивая с Петей в ворота, тогда как⁶⁸⁴ остальные проезжали дальше.⁶⁸⁵ Офицер был одет так же,⁶⁸⁶ как и его командир, только без образа, и на кафтане у него нашиты были патроны, но⁶⁸⁷ офицер казался наряженным, тогда как Васька Денисов, казалось, родился в этом кафтане и с этим образом на груди. Ехавшие сзади⁶⁸⁸ были одеты, кто фантастически, кто в кавалерийской, кто в казачьей форме. Рядовые состояли из казаков, улан и людей, одетых в французские мундиры и русские кафтаны и полушубки с французскими ружьями и саблями. Под некоторыми были казачьи и кавалерийские лошади, но большинство было на мужицких короткошейных, приземистых лошадаках.⁶⁸⁹

Один из этих кавалеристов⁶⁹⁰ позади себя вез босоногого, худенького мальчика француза в барабанщикьем мундире.

Несмотря на то, что Денисов – командир – остановился у ворот, пропуская мимо себя свою партию, люди эти, не стесняясь присутствием начальства, не выпуская изо рта трубок, громко болтая и смеясь, проезжали мимо него.⁶⁹¹

Партия, выехав с полдня, захватила, кроме мальчика, 30 человек пленных и две фуры с седлами. Трофеи эти позади кавалерии вела пехота партии, и назади на подъеме горы к деревне слышались дружные уханья на лошадей, везших по грязи тяжелые фуры.

Удача нынешнего дня,⁶⁹² не очень важная, но зато и труда было мало, и все люди партии испытывали приятное чувство охотника, возвращающегося с неожиданно удачного, без труда добытого, поля.

Денисов,⁶⁹³ прислушавшись к крикам из-под горы, остановил урядника и послал его⁶⁹⁴ посмотреть за фурами.⁶⁹⁵

сырой и пасмурный.

⁶⁸² *Зач.*: лицо его обросло черной бородой и всё похудело и почернело – агатовые глаза его казались еще чернее и светлее.

⁶⁸³ *Зач.*: казачьему

⁶⁸⁴ *Зач.*: казаки

⁶⁸⁵ *Зач.*: Петя

⁶⁸⁶ *Зач.*: в бурку и папаху

⁶⁸⁷ *Зач.*: Петя с своими широкими скулами, крупным лицом и длинными, хорошими членами

⁶⁸⁸ *Зач.*: офицеры

⁶⁸⁹ *Зач.*: Позади кавалеристов ехали запряженные мужицкими лошадаками в дышло две зеленые фуры, за ними шло человек 30 французов. <И сзади шла вокруг> <В числе этих людей>

⁶⁹⁰ *Зач.*: солдат очевидно

⁶⁹¹ *Зач.*: <Вся> <Часть> Партия <ходила> эта возвращалась с рекогносцировки, как называл Денисов, но, наткнувшись на толпу французов

⁶⁹² *Зачеркнуто*: совершенно неожиданная, была особенно приятна и вписаны след. девять слов.

⁶⁹³ *Зач.*: пропустил всех людей и останови[лся]

⁶⁹⁴ *Зач.*: <посмотреть> с народом подсо[бить]

⁶⁹⁵ *Зач.*: и поехал во двор к крыльцу домика, у которого, дожидаясь его, стоял казак, исправлявший должность его дворецкого. – Гречук, – сказал Петя солдату, везшему пленного мальчика, – сюда, на двор. – И, слезши с лошади, пошел за Денисовым. Редко удавалось Денисову с его партией иметь такое хорошее помещение, как в этот день в <маленькой> неразоренной деревушке в 15 верстах от большака. Казак Лихачев, исправлявший должность дворецкого, с свойственной казакам практичностью и щегольством, исполнял свое дело, но в нынешний день он, казалось, превзошел себя. В небольшой избе, служившей конторой помещика, были сделаны на сошках койки с сеном, а покрытый ковром стол был накрыт скатертью и было два графина, один с водой, другой с водкой, и было пять вилок и ножей, и лавочки поставлены вокруг стола, и изба чисто выметена, и на столе сало и две жареные курицы и в печи похлебка и баранина. – Ай да Лихачев! Вот так банкет! Ну,

Когда мальчика провозили мимо его, он крикнул партизанам:

– Одеть и ко мне привести! On ne vous fera pas de mal, Vincent.⁶⁹⁶

Мальчик отпустил руку от казака, за которого он держался, и сказал:

– Oui, mon commandant.⁶⁹⁷

Тут только Денисов, въехав на двор, увидел Петю и, приглядевшись, громко, радостно закричал.

За обедом, к которому пришли три офицера из отряда Денисова, шел оживленный разговор о подробностях нынешнего поиска, о предположениях на важную экспедицию завтрашнего дня. Несмотря на то, что Денисов полюбил Петю, в особенности по дружбе с братом,⁶⁹⁸ он невольно видел в нем представителя враждебных ему штабов и в лице его подпускал шпильки штабным и фронтовым генералам.

Присылка Пети от своего генерала была в связи с предприятием завтрашнего дня – нападения на⁶⁹⁹ французское депо, шедшее в это время по дороге к Смоленску. Генерал, при котором состоял Петя, имел намерение напасть на это депо с своим отрядом, но не знал верно положения депо и, считая свои силы недостаточными, [решил] послать Петю разведать и пригласить Денисова соединиться с ним.

– Нет, д’ужок, меня не надуешь, – говорил на это Денисов. – Мы тоже знаем, где ’аки зимуют. Соединиться с гене’а л-лейтенантом мне, полковнику, значит поступить под его начальство. Охотники эти господа чужими ’уками жа’ заг’ебать. Он бы попробовал, как я, два месяца походить, не ’асседывая и не ’аздеваясь. Тепе’-то легко. Да мы сам с усам.

И Денисов, видимо счастливый той мыслью, которая пришла ему, громко крича, рассказывал товарищам, как он отделается от этого приглашения.⁷⁰⁰

молодчина, – сказал Денисов. Лихачев только улыбнулся и сказал, что стаканов не мог достать больше двух. Через час Денисов, Петя и три офицера, раскрасневшись от жара усталости: они с утра выехали, рвали и грызли курицу, запивая кто водой, кто водкой, и громко и весело разговаривали. Предметом разговора были подробности нынешнего поиска и предположения о завтрашнем важном предприятии. Предприятие состояло в том, что на смоленской дороге должен был ночевать большой французский транспорт кавалерийских вещей и партия наших пленных. Предполагалось напасть на этот транспорт. Но <сила его была не вполне известна> при транспорте и пленных было, как говорили, два полка французов, и с одной партией в 200 человек трудно было что-нибудь сделать. Для этого Денисов послал к Долохову, тоже партизану, ходившему недалеко от него, предлагая ему общими силами напасть на транспорт. Кроме того, чтобы исследовать настоящую силу этого отряда французов, был послан туда нынче мужик, Тихон Шестипалый, исправлявший должность рекогносцирующего отряда в партии Денисова. Перед обедом никто и не думал о возможности атаки одними своими силами, но теперь, разгорячившись водкой и едой, офицеры уже поговаривали о том, что незачем ждать Долохова и с ним делиться. И Денисов, казалось, склонялся на это мнение. Петя, с первых дней своего поступления в партизаны боявшийся и опасности, и жестокости, теперь уже вполне усвоил себе тот охотничий дух, который чувствовался во всех этих людях. С первого же дня, когда он с казачьим офицером и 50 человеками засел в лес и выжидал французов, он, увидав их, почувствовал то же чувство, которое он испытывал в Отрадном, выжидая из острова лисицу. Убивать людей и подставлять свою жизнь было бы невозможно, ежели бы не было этого бессмысленного чувства охоты – охоты на людей. Он испытал то же, как в охоте, поглощение всех других чувств и мыслей одним желанием: взять его – зверя, а теперь человека. И желание это было так сильно, что нельзя было думать о себе и о нем: надо его взять во что бы то ни стало. И как настоящий охотник боится медведя или льва, когда думает о нем, перестает думать об опасности, как видит зверя, и, жалея зверя, когда думает о нем, перестает жалеть, когда надо взять, так точно было с Петей и в этой охоте за людьми. Но в охоте за зайцем с Петей случалось, когда откалываемый заяц вдруг запищит или заяц мал, – случалось, что ему, хотя и совестно было признаться в этом, было жалко зайца. Так точно и случилось с ним в охоте за людьми, в которой он никогда не убивал сам людей, но содействовал к их убиванию. Когда Петя вскакал в середину казаков, крича, чтобы они не били, а брали в плен, он увидел маленького французского барабанщика, которого держал казак. Пете вдруг стало ужасно жалко мальчика. Но то, что самому ему, Пете, было 16 лет и мальчику было столько же, сделало то, что Пете показалось стыдным выказать свое участие к мальчику. Заметив, что казак, обшарив мальчика, не намеревался сделать ему ничего дурного, а посадил его на лошадь с собой, Петя отъехал от него, ничего не сказав. Но когда, выехав за лес, стали пересчитывать пленных, Денисов, не считавший этого стыдным, расспросил мальчика, как его зовут, откуда он, обласкал его и решил его взять с собой.

⁶⁹⁶ [Тебе ничего не сделают плохого, Винцент.]

⁶⁹⁷ [– Слушаюсь, господин командир.]

⁶⁹⁸ *Зачеркнуто:* и потому, что храбрость мальчика понравилась ему

⁶⁹⁹ *Зач.*: транспорт

⁷⁰⁰ *Зачеркнуто:* <Начал> В то же время

За день перед присылкой Пети другой начальник отряда, генерал-немец, приглашал также Денисова присоединиться к нему. И Денисов одновременно хотел послать два рапорта: начальнику Пети он напишет, что, несмотря на сильное желание служить под начальством столь знаменитого и доблестного генерала, он лишен этого счастья, потому что он уже поступил под начальство генерала-немца. Генералу же немцу он напишет, что, несмотря и т. д.... он лишен этого счастья, потому что поступил уже под начальство Петиного генерала.

– А мы этот транспорт сами обоудуем, – сказал Денисов, привыкший теперь невольно употреблять мужицкие слова. – А я вот Долохову послал, если он с своей партией⁷⁰¹ подойдет, мы заграбим всю штуку.

– Как пить дадим – заберем,⁷⁰² – сказал казачий офицер.

– Какой это Долохов? – спросил Петя.

– Тот ваш, что на твоей кухне жениться хотел, ты еще в рубашечках ходил, шельма страшная, но молодчина, нечего сказать. Так-то, Петруша, ты оставайся еще денек, завтра тебя так угошу, что чудо. Увидишь нашу войну.⁷⁰³ И сведения генералу привезешь уж самые верные, когда они в наших руках будут, – сказал Денисов.⁷⁰⁴

Несмотря на то, что Петя боялся, как бы ему не пропустить там,⁷⁰⁵ у своего генерала, какого-нибудь геройского случая, ему хотелось остаться здесь и испытать завтра эту войну.⁷⁰⁶

Вид этих возвращающихся молодцов с трофеями и пленными очень полюбился ему.

В особенности поразил его вид черноглазого босого барабанщика, которого так ласково велел одеть Денисов.

Теперь, во время обеда, Пете беспрестанно приходила мысль о барабанщике. Куда его дели? Покормили ли его? Не обидели ли? И ему хотелось⁷⁰⁷ напомнить Денисову о мальчике, но то обстоятельство, что им обоим было шестнадцать лет, останавливало его.⁷⁰⁸

⁷⁰¹ *Здесь, как и ниже, буква «р» в словах Денисова сохранена.*

⁷⁰² *Зач.: вчистую*

⁷⁰³ *Зач.: Нынче что, это – так, рекогносцировка и вписано, кончая: в наших руках будут,*

⁷⁰⁴ *На полях: <Мальчик поразил Петю>*

⁷⁰⁵ *Зач.: дома*

⁷⁰⁶ *Зач.: Тот опыт партизанской войны, который он видел нынче, очень понравился ему. Его <удивляла> пугала прежде опасность этой войны, где можно быть не только убитым, но взятым в плен и быть казненным французами, так как говорили, что французы расстреливали партизанов, и ужасала мысль о жестокости этой войны, где побивали и забирали в плен разрозненных, незащищенных людей, но нынче он понял, в чем состояла прелесть этой войны. Когда они нынче утром <засели в лесу> крадучись въехали в лес и стали в кустах, пропуская мимо себя толпы французов, и когда казачий офицер <несколько раз шопотом> плачущим шопотом заговорил Денисову: – В[асилий] Федорович, велите. Ну, пожалуйста, только гикнем – всё заберем, – и когда Денисов сказал: – Ну, с богом! – и всё с криком поскакало вперед, он <понял> испытал чувство, подобное тому, которое он испытывал в Отрадном, ожидая зверя из острова. Он испытал то же, как и на охоте, всепоглощающее, бессмысленное желание: на охоте – взять зверя, здесь взять человека. И так же, как на охоте за зверем, чувство это было так сильно, что всякая мысль о личной опасности исчезала при этом и также исчезало всякое соображение о том, хорошо ли или дурно ловимому зверю. Так же, как и на охоте, чувство сострадания к зверю в особенности уничтожалось тем, что так трудно <и опасно> было поймать зверя, что все силы внимания были сосредоточены на одном достижении цели – и человек делает жестокие вещи, потому что ему некогда видеть их жестокости. Петя в этот день никого не рубил и не стрелял, но смутно видел, что нескольких человек убили, и, как всегда это бывает, не заметил этого, потому что в то время, как расправлялись с пленными, с двух сторон бежали, стреляя, французские солдаты и надо было как можно скорее, захватив повозки и пленных, уходить в лес. Но как случается на охоте, что вдруг при <виде детенышей> жалостном крике дичи или при виде детенышей вдруг возбуждается сострадание с удвоенной силой, так и случилось <теперь> это с Петей. Это случилось с ним нынче с маленьким барабанщиком. Когда Петя подсказал к казакам, барабанщика только что взяли и он жалостно кричал. Петя поговорил с ним, узнал, что его зовут Vincent Bosse, и сказал про него Денисову. Денисов, увидав мальчика, покачал головой и по привычке говорить по-французски, чтобы его не понимали, сказал: le pauvre garçon [бедный мальчик], и барабанщик, поняв это, заплакал. Теперь, во время разговоров старших, Петя, хотя и принимал в них участие, не переставал думать о барабанщике. Куда его дели? Дадут ли ему есть? Позвать ли его сюда? Спросить ли Денисова? Ежели бы он сам не сказал pauvre garçon, я бы не думал. Что, очень стыдно будет, ежели я спрошу Денисова? Можно ли его позвать сюда? Ну, что будет, то будет, спрошу. И Петя, вперед покраснев и внимательно изучая взгляд Денисова в то время, как говорил – не будет ли насмешки, – сказал, стараясь казаться равнодушным.*

⁷⁰⁷ *Зачеркнуто: спросить Денисова*

⁷⁰⁸ *Зач.: «Ежели бы он сам не пожалел его, я бы и не думал».*

«Что, очень стыдно будет, если я спрошу?» думал Петя. И вдруг, вперед покраснев и испуганно и злобно глядя на офицеров – не будет ли в их лице насмешки – он сказал:

– А что⁷¹⁰ этот мальчик, что вы взяли в плен?

– Ах да! – весело вскрикнул Денисов, видимо не найдя ничего стыдного в этом напоминании, – позвать его сюда. Его покормить⁷¹¹ надо. Позвать Босса,⁷¹² [так] кажется его зовут. Такой жалкий мальчик.⁷¹³

– Я⁷¹⁴ позову, – сказал Петя.⁷¹⁵

– Ну ладно, да вели одеть его. Эй, Лихачев, дай чекмень мой, да там из летних штанов что, оденьте этого мальчугана. Его надо с собой оставить.

Петя вышел на улицу.⁷¹⁶

Была темная, ветреная, осенняя ночь, костры казаков и солдат виднелись за плетнем.

– Bosse! Vincent! – крикнул Петя.

Ближайшие казаки, услышав Петю, спросили, кого ему? Он отвечал, что того мальчика-француза, которого взяли нынче.

– А, Весеннего, – сказал казак. Имя его Vincent уже переделали казаки в Весеннего, а мужики и солдаты в Висеню. В обеих переделках это напоминание о весне сходилось в их представлении о молоденьком, хорошеньком мальчике.

– Он тут у кухни грелся. Эй, Висеня! Весенний! Висеня! – слышались ласковые голоса. – Господа кличут.

– Его покормили там, одевали, голодный какой. А мальчонок шустрый, – сказал Лихачев.

Легкие босые ноги зашлепали по грязи, и в свете двери показалась тонкая детская фигурка барабанщика в⁷¹⁷ коротеньком мундирчике.

Петя ввел его в комнату. Vincent, хорошенький худощавый мальчик с большими, черными глазами, испуганно взглядывал на черного, растрепанного Денисова, продолжавшего, крича, рассказывать что-то офицерам.

– Поко’ми, поко’ми его, – сказал он <Пете>.

Петя подал к окну баранину, но барабанщик отказывался, указывая глазами на commandant, как он называл Денисова.⁷¹⁸

Денисов, кончив свой разговор и встретив вопросительный взгляд мальчика, ласково улыбнувшись, кивнул ему и сказал, чтоб он⁷¹⁹ ничего не боялся, что он его оставит при себе.

– Oui, mon commandant, – отвечал мальчик, дрожа от холода и страха и приставляя свою опухшую руку ко лбу в знак военного поклона.

– Водки дай ему, – сказал Денисов.

⁷⁰⁹ *Зач.*: внимательно

⁷¹⁰ *Зач.*: барабанщик. Вы хотели... я думал

⁷¹¹ *Зач.*: я думаю

⁷¹² *Зач.*: Vincent Bosse, – он сказал.

⁷¹³ *Зач. вставка в след. фразу копии, также зачеркнутой*: Дай ему ба’анину, – и Пете показалось, что была насмешка в его тоне и во взгляд[ах] других

⁷¹⁴ *Зачеркнуто*: сам

⁷¹⁵ *Зач.*: радостно вскочив.

⁷¹⁶ *Далее текст копии с многочисленными поправками Толстого.*

⁷¹⁷ *Зач.*: русском кафтане

⁷¹⁸ *Зач.*: Но Денисов ласково улынулся ему. *Далее зачеркнут текст исправленной копии*: Молоденькому барабанщику не нужно было говорить о раувге тѣге, его несложившееся, растущее тело, его без пушку на губе, но истощенное красивое лицо, нетвердый голос, его видимо напущенная солдатская ухватка, из-за которой еще резче выказывалась детская незаглушенная невинность, сами собою напоминали о матери, которая еще так недавно должна была носить и кормить его. Это чувствовали все, и не только Денисов и Петя, но и все офицеры и денщики и казак Лихачев, который поднес ему водки.

⁷¹⁹ *Зач.*: пил вод[ку]

– Пей, ничего, – говорил Лихачев. – Или не потребляешь?⁷²⁰

– Знаете что, – сказал Денисов.⁷²¹

Слова эти обращались к Долохову, который⁷²² в это время вошел в комнату. Долохов, командовавший небольшой сборной партией и ходивший недалеко от Денисова, получив его уведомление о французском депо и намерении взять его, сам приехал, чтобы переговорить об этом деле.

Новая глава

Денисов одевался в чекмень, носил бороду и на груди образ Николая Чудотворца и в манере говорить, во всех приемах выказывал особенность своего положения.⁷²³ Долохов, напротив, прежде в Москве щеголявший в персидском костюме, теперь, бывши начальником партии, имел вид самого чопорного гвардейского офицера. Он был в гвардейском сюртуке, застегнутом на все пуговицы, в больших лаковых сапогах, с чисто обритым лицом и в прямо надетой простой фуражке. Он медленно снял чистую перчатку и молча подал руку Денисову, его офицерам и Пете, которого он не узнал и присутствию которого удивился. Взгляд его, остановившись на барабанщике, вдруг вспыхнул, глаза раскрылись, и он, слегка нахмурившись, отвернулся.

– Ну, спасибо, что приехал. Садись, хочешь поесть, водки? рому?⁷²⁴

– Ты знаешь, что я не пью ничего, – ровным голосом сказал Долохов. – Лимонады, ежели есть, или клюквы. – А вот переговорить – это дело. Мешкать нечего. – Ну, в чем дело?

Денисов и его офицеры рассказывали Долохову всё, что они видели и знали. Депо ночевало нынче в деревне Шамшеве, туда послан был человек, который сейчас должен был вернуться и донести, сколько и где и как стоят французы, и взять языка, если можно. Нападать надо было скорее и потому, что французы могли уйти, могла подойти еще колонна сзади и, главное, другие партизаны могли захватить лакомый кусок. Долохов слушал молча. Он знал всё, что рассказывали ему.

– Это ничего. Дело только в том, что в версте от Шамшева Кукуево деревня, знаешь? Там стоят поляки. Много ли их там?

– Я велел своему посланному везде вылазить, – сказал Денисов. – Он узнает.

– Тишка уж везде вылазает, – сказал казачий офицер, – долго нету.

– Не зная того, что есть в Кукуеве, пускаться в дело нельзя, – сказал Долохов. – Я люблю акуратно дело делать, подождем Тишку вашего. А что моя партия [—] готова. У меня 70 человек таких молодцов, что с ними куда хочешь. И мы с тобой это дельце обделаем, а этим господам, – он взглянул на Петю (разумея его генерала) – и понюхать не дадим.

И, окончив деловой разговор, Долохов растянулся (под сюртуком был белый жилет), попросил чаю и стал разговаривать, беспрестанно отводя разговор от партизанского дела, на которое наводил Денисов, рассказывал свои похождения, и Петю своими расспросами.⁷²⁵ Как настоящий страстный охотник не любит говорить без цели про охоту, так Долохов не любил говорить про свою партизанскую службу. Он расспрашивал Петю про его родных, знакомых, про штабных и⁷²⁶ [рассказывал] анекдоты о разных генералах. Петя, наслышавшись прежде о необыкновенной храбрости Долохова, заезжавшего в самую середину французов и выхватывавшего оттуда людей, и про жестокость его с французами: он убивал всех пленных, – с любо-

⁷²⁰ Зачеркнуто: Петя подтвердил ему то же по-французски, и барабанщик выпил, и опять глаза его устали на Денисова.

⁷²¹ Далее автограф.

⁷²² Зач.: вдруг

⁷²³ На полях заметка: <Ничего не пьет; лимонад; степенный вид. Разговор о пленных>.

⁷²⁴ Зач.: Перегов[орим?]

⁷²⁵ Так в рукописи.

⁷²⁶ Зачеркнуто: слухи в штабе

пытством, усиливаемым еще тем невольным уважением, с которым⁷²⁷ обращался с ним Денисов и его офицеры, смотрел на эту акуратно, чисто одетую, медлительную, сколоченную как из железа, фигуру, и на холодное, неподвижное лицо с ямочками в губах.

– А этот давно у тебя мальчик? – сказал Долохов, указывая на барабанщика, который присел у двери.

– Нынче взяли, да я оставил его при себе. Куда его посылать, ведь умрет дорогой.

– А ты их куда посылаешь? – спросил Долохов с чуть заметной улыбкой.

В это время Лихачев пришел доложить, что Тихон пришел.

– Подождать, – сказал Денисов, видимо увлеченный разговором.

– Посылаю под 'осписки, – возвысив голос, сказал Денисов. – Мне там дела нет, а я на свою душу не беру и полагаю, что это... – Денисов вперед горячился, ожидая возражений от Долохова. Но Долохов, видимо, не хотел вступать с ним в спор. Он перебил его.

– У меня такой один живет тоже – повар Ожеро. Да какой повар, брат. Из лошадиного филе такие котлетки делает, что пальчики оближешь. В первый день, как его взяли, – Долохов улыбнулся одним ртом, – я его хотел уж отправить – я тоже отправляю их, только в другое место и без расписок, – нахмурившись, вставил он, – так он мне из мерзлого картофеля 7 разных кушаний сделал. Хороший повар.

Но Денисов не улыбнулся даже истории о котлетках, он нахмурился и хлопнул кулаком по столу.

– Этого,⁷²⁸ братец мой, я не понимаю, – начал он, – как ты, человек такой х'аб'ости, можешь унижать себя до этой жестокости.

Долохов улыбался молча, покачивая головой с выражением снисходительного презрения, которое еще больше рассердило Денисова.

– Ну разве тебе трудно отослать 30 ли, 300 ли человек под конвоем в город, чем марать, я п'ямо скажу, честь солдата.

Холодный блеск вспыхнул на мгновение в глазах Долохова, но он заговорил тихим голосом, обращаясь к Пете.

– Вот молоденькому графчику в 16 лет говорить эти любезности – прилично, а тебе стыдно, право, говорить этот вздор.

– Убивать безоружных пленных подло и низко, – закричал Петя, вскакивая со стула, – и мне будет 116 лет, я скажу всё то же.

Долохов как будто и не заметил слов Пети и тем же тихим, слышным голосом продолжал, обращаясь к Денисову.

– Как тебе не совестно говорить вздор. Пора нам-то с тобой оставить эти любезности.

Ну нынче вы захватили этого птенца, что ж, он славный мальчик. Dites donc, venez, voilà pour vous.⁷²⁹ – Он из жилетного кармана вынул золотой и бросил удивленному Боссу. – Ну вы его захватили и еще там десяток. Что ж мы с тобой разве не знали, что их там десятка два покололи. Ну, а этого ты зачем взял к себе, затем, что тебе его жалко. Ведь мы знаем эти расписки. Ты пошлешь их 100 человек, а придут 20: половина помрет с голоду или побьют.

Казачий офицер, прислушиваясь, поддакивал Долохову.

– Это всё равно, – тут рассуждать нечего, я на свою душу взять не хочу. Ты говорил – помрут. Ну, хорошо,⁷³⁰ только бы я не знал.

Долохов засмеялся.⁷³¹

⁷²⁷ *Зач.:* на него смотрел и вписаны три след. слова.

⁷²⁸ *Зачеркнуто:* мой друг

⁷²⁹ [Послушайте, подите, вот вам.]

⁷³⁰ *Зач.:* у тебя старик отец или мать мучается, умирает, ведь ты ее не добьешь же и вписано окончание фразы.

⁷³¹ *Зач.:* – Не знаю, – сказал он. – Так, на постели, не добыю, а коли бы эта старушка от меня утекала, да угрожала бы мне, что она меня вздернет на осину – не знаю. Ведь что вздор говорить.

– Э, вздор. Ведь ты знаешь и господа эти знают, что тут дело охоты. Чтò, мне нужна что ли медвежья шкура, а я лезу в снег и дрожу, замираю, как он хрустит, на меня лезет. А тут, кроме того, медведь-то больно кусается. Кто же им не велел меня 20 раз поймать? А ведь поймают меня и тебя с твоим рыцарством – всё равно на осинку. Это-то и весело.

И, взглянув на Петю, он светло и нагло блеснул глазами.

– Ну, вели же позвать твоего Тихона что ли, – сказал он. – Надо дело делать.⁷³²

Тихон⁷³³ был мужик из Покровского⁷³⁴ под Гжатью. Когда при начале своих действий Денисов пришел в Покровское и,⁷³⁵ как всегда, призвав старосту, спросил о том, что им известно про французов,⁷³⁶ староста отвечал, как и отвечали все старосты, как бы защищаясь, что они знать не знают, ведать не ведают.⁷³⁷ Но когда Денисов объяснил им, что его цель – бить французов, и когда он спросил, не забредали ли к ним французы, то староста, смеясь, сказал, что у них в деревне только один Тишка Щербатый занимался этими делами, но что Тишка мужичонка дрянной. Однако Денисов велел позвать к себе Тихона, узнал от него, что он, Тихон, уже 3-ю неделю с ребятами баловался за французами, как он выражался.⁷³⁸

Когда Денисов похвалил его, сказав при старосте несколько слов о той верности царю и отечеству и ненависти [к] французам, которую должны блюсти⁷³⁹ сыны отечества, Тихон, видимо, заробел и стал отказываться от того, что он объявил прежде.

– Мы французам худого не делали, – говорил Тихон, предполагая, что и Денисов был француз, – мы только так, значит, по охоте баловались с ребятами. Вот этих миродеров десятка два побили.

Денисов взял с собой Тишку Щербатого.

Тихон, сначала исправлявший черную работу раскладки костров и доставления воды, обдиранья лошадей и т. п., скоро оказал необыкновенные способности в партизанской войне. Он в свободное от занятий время, по ночам, уходил на добычу и всякий раз приносил с собой платье и оружие французское и, когда ему приказывали, приводил и пленных. Денисов отставил Тихона от работ, стал брать его с собою в разъезды и зачислил в казаки.

⁷³² Далее – исправленная копия.

⁷³³ Зачеркнуто: <Шестипалый> Неверный

⁷³⁴ Зач.: под Москвою

⁷³⁵ Зач.: осведомляясь у мужиков и вписаны след. пять слов.

⁷³⁶ Далее – автограф на полях, кончая словами: Денисов взял с собой Тишку Щербатого.

⁷³⁷ На полях: Тихон уж охотится и чуть не убил Денисов[а], приняв его за француза.

⁷³⁸ Зач.: и показал

⁷³⁹ Зач.: русские

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.